

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

'92/3

SHOLEM ALEICHEM Gallery

by JAD EZRA

Moskow

THE DATE OF FOUNDATION 1992 / 5752

PURPOSE
- rebirth of traditional JEWISH ART to intensify contemporary art process

PROBLEMS
- the sources of spirituality and freedom
- national characteristic as abstract and concrete ones
- to make surroundings for art creation and its comprehension

PLANNING FORMS OF ACTIVITY
- discovery of new artistic names
- organization of the studio MYSTERY OF CREATION
- to make Memorial Aron and Ida Shaher Foundation — to help the artists and their families
- coalition with muzeums, art galleries, art magazines, art schools of various countries with different cultural traditions
- exhibitions, art competitions
- contracts
- art expertise

THE HEAD OF THE PROJECT:
Gabriel ZAPOLYANSKI, artist
Alexandr ZAPOLYANSKI doc., artist
tel. 251 39 22

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА

Я, Вардван Варжапетян,
основал это издание
21 сентября 1991 года
в память моем отце
Вартkесе ВАРЖАПЕТЯНЕ,
матери —
Анастасии ХОХЛОВОЙ,
и в память о родителях
моей жены —
Мойше РАБИНОВИЧЕ и
Цецилии ШЕЙНКМАН.

Савелий ГРИНБЕРГ
(Иерусалим)

За эту груду лет,
Прошедших с той поры,
Успел отвыкнуть я
От языка Экклезиаста
И «Песни песен»,
Но во мне остались:
Тот край и говор жаркий,
Емкие слова,
Которыми размечен был тот мир,
Рощ эвкалиптовых громада
И бетонный вздыб дорог...
Корнями разветвленные слова,
Ребристые, литые —
В них сумерек свинец,
В них юная заря,
В них солнце на горбах
Плывущих облаков.

Сол БЕЛЛОУ

В ИЕРУСАЛИМ И ОБРАТНО: ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

При полетах в Израиль в аэропорту принимаются самые строгие меры безопасности — багаж тщательно осматривается, пассажиров-мужчин обыскивают, а женщин заставляют продевать себя в электронный обруч с головы до ног. И ручная кладь подвергается досмотру. Никто из отъезжающих не чувствует себя спокойно. В очереди тоже трудно что-либо разобрать из-за множества хасидов с их широкополыми свисающими шляпами, большими черными бородами и пейсами; они прибыли в аэропорт Хитроу, чересчур оживлены и не могут спокойно стоять в очереди — бегают по залу взад-вперед, жестикулируют, кричат. Коридоры ходят от них ходуном. Около двухсот хасидов летят в Израиль, чтобы там присутствовать на церемонии обрезания первенца своего духовного руководителя раввина Бельзера. Войдя в «Боинг 747», мы с женой Александрой сразу попали под продольный огонь глаз, мерцающих в затемненной засаде. Для меня нет ничего необычного в этих широкополых шляпах, пейсах, черной бахроме. Я вновь окунаюсь в свое детство, когда шестилетним ребенком носил талес из набивного дешевого ситца зеленого цвета. Бог поучал Моисея говорить с сынами Израилевыми и «учить их носить бахрому по краям своих одежд», они и носят их, хотя после этого прошло около четырех тысяч лет.

Мы отыскали свои места в ряду из трех кресел в самой глубине салона. Третье место занято молодым возбужденным хасидом, который уставился на меня.

— Вы говорите на идиш? — спросил он.

— Да, разумеется.

— Я не могу сидеть рядом с вашей женой. Будьте любезны, сядьте между нами. Очень прошу вас, — сказал он.

— Пожалуйста.

Я занимаю место посередине, которое мне не нравится, но это меня не выводит из себя. Просто любопытно, что будет дальше. Нашему хасиду явно за

Публикуется с сокращениями.

двадцать. У него тонкая шея, прыщеватое лицо, голубые глаза навыкате, а нижняя губа оттопырена. Не скажешь, что у него лицо цивилизованного человека. На нем отражаются мысли и чувства, далекие от цивилизации, — точнее, только желания и инстинкты. И хотя ему нельзя сидеть рядом с незнакомыми женщинами, смотреть на них, вступать с ними в разговор (все это, вероятно, избавляет от кучи неприятностей), мой сосед, судя по всему, все же добродушный, добросердечный человек. Сразу видно, что он получает большое удовольствие от поездки. Да и все его собратья ведут себя так, как им нравится: «ходят в гости» друг к другу, болтают без умолку, выстроившись в длинную очередь к туалету, и гогочут словно гуси. Все надписи, похоже, их не касаются. Может, они не понимают по-английски? Стюардессы вне себя от их поведения. Я задаю вопрос одной из них, когда, наконец, я получу заказанный стаканчик, но она раздраженно орет на меня: «Отправляйтесь на свое место!» У нее такой писклявый голос, что я невольно отступаю назад. Но это не трогает развеселившихся хасидов, которые проявляют свою возбужденность на любом месте. Все, что говорят им эти милые девушки в одинаковой униформе, для них ничего не значит; для них они все — просто слуги, экзотические «bediener», бесплотные существа.

Предчувствуя осложнения, я обращаюсь к стюардессе с просьбой принести мне кошерный завтрак. «Это невозможно, — отвечает она. — У нас не хватает даже для них, мы не были готовы к такому». В ее больших английских глазах можно прочесть нанесенное ей оскорбление, ее грудь просто вздымается от возмущения. «Нам придется сделать крюк и сесть в Риме, чтобы запастись специальной едой на всех».

Мою жену это развлекает, и она спрашивает, что за идея взбрела мне в голову и почему я заказал кошерный завтрак.

— Потому что когда мне принесут на обед цыплят, этот парень с бородой может сойти с ума, — объяснил я свое намерение.

И я не ошибся. Наконец, цыплята с признаками тлена компании «Бритиш эйруэйс» лежат передо мной. Их, конечно, есть тошно, но после трех часов упражнений по обеспечению безопасности в аэропорту Хитроу у меня разгорелся аппетит. Молодой хасид вздрагивает, когда мне подают поднос с едой.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — говорит он на идиш. — Вы не обидитесь?

— Нет, вряд ли...

— Может, вы захотите дать мне пощечину.

— Чего ради?

— Вы ведь еврей? Вы так хорошо говорите на идиш, что должны быть евреем. Но как вы можете это есть?

— Согласен, цыплята отвратительно выглядят.

— Вы не должны к ним прикасаться. Мои женщины там, дома, приготовили для меня бутерброды с говядиной — кошер. Ваша жена тоже еврейка?

Здесь я обязан прибегнуть ко лжи. Александра — румынка, но я просто не могу наносить столько чувствительных ударов сразу и говорю:

— Она не получила еврейского воспитания.

— Она не говорит на идиш?

— Ни слова. Простите, но я хочу приступить к обеду.

— Не могли бы вы сделать мне одолжение и взять от меня вместо этого мой бутерброд?

— С большим удовольствием.

— Но с одним условием — вы никогда, никогда не должны больше есть трефное.

— Не могу дать вам такого обещания, это уж слишком — речь-то идет всего лишь об одном бутерброде.

— У меня перед вами определенный долг, — пояснил он мне. — Не хотите ли вы выслушать мое предложение?

— Охотно.

— Тогда давайте заключим сделку, Вы обещаете есть только кошер, а я буду высылать вам по пятнадцать долларов в неделю. До конца вашей жизни.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил я.

— Вы же еврей, поэтому я просто обязан попытаться вас спасти.

— Чем вы зарабатываете себе на жизнь?

— Я работаю на хасидской фабрике в штате Нью-Джерси, вяжу свитеры. Там все рабочие — хасиды, босс тоже. Я приехал сюда из Израиля пять лет назад, чтобы жениться в Нью-Джерси. Мой раввин живет в Иерусалиме.

— А почему же вы не говорите по-английски?

— А зачем он мне нужен? Так берете мои пятнадцать долларов?

— Еда «кошер» стоит гораздо дороже по сравнению с любой другой, — сказал я. — Пятнадцать долларов — это мизер, почти ничего.

— Я могу увеличить сумму до двадцати пяти.

— Нет, я не в силах принять такую жертву от вас.

Пожав плечами, он недоуменно сдается, а я отворачиваюсь от него, чтобы приняться за своих отвратительных двух цыплят. Само собой разумеется, аппетит мой пропал. Молодой хасид открывает молитвенник. «Посмотри, насколько он ревностен, — сказала моя жена, — Скорее всего он молится за тебя», — и она улыбнулась моему замешательству.

Ну вот, подносы унесли на кухню, хасиды загородили весь проход, читая предвечернюю молитву «Миншах», раскачиваясь из стороны в сторону и вытягивая шеи. Общая молитва крепко связывает человека с людьми. Именно молитва соединяла евреев все тысячелетия.

— А мне они нравятся, — сказала жена. — Они как дети.

— С ними, правда, трудно жить вместе, — ответил я. — Нужно делать все так, как они хотят. Не остается никакого выбора.

— Но они веселы, сердечны и ведут себя вполне естественно. Мне нравится их наряд. А ты не можешь заполучить для себя такую прекрасную шляпу, как у них?

— Не знаю, право, продают ли они их посторонним.

Когда, завершив молитву, наш хасид вернулся на место, я сообщил ему, что моя жена, очень хорошо образованная женщина, собирается читать лекции в Еврейском университете Иерусалима.

— Какая у нее специальность?

— Математика.

Он явно озадачен:

— А что это такое?

Пришлось ему объяснить.

— Я никогда прежде об этом ничего не слыхал, — сказал он. — А что именно она делает?

Я, конечно, удивлен в свою очередь. Я понимал, что передо мной человек, не отягощенный знаниями, но я не мог предположить, что он невежествен до такой степени.

В Иерусалим и обратно... 7

— Значит, вы не знаете, кто такие математики. Ну а физики? Вам известно имя Эйнштейна?

— Никогда не слыхал. Кто это?

Это уже слишком для меня. Замолчав, я начал раздумывать над этим признанием. Мыслящие люди, обладающие зрелой культурой, конечно, слышали об Эйнштейне. Но знают ли они то, что слышали? Большинство не знает. Вот эти хасиды предпочитают не знать. Я постепенно открываю на нужной странице книжку в бумажной обложке и пытаюсь погрузиться в мир политики. Около дюжины хасидов, выстроившихся в туалет, внимательно изучают нас.

Мы приземляемся, толпой выходим из самолета и идем каждый своей дорогой. В багажном отделении, стоя перед лентой транспортера, я вновь вижу своего юного хасида, и мы бросаем друг другу прощальный взгляд. Во мне он видит лишь те отклонения, которые произвел современный век в семени Авраама. В нем я вижу только осколок истории, какую-то античность. Это все равно что столкнуться с пуританами в их одеяниях семнадцатого столетия, соблюдающих свои древние обычаи, которые до сих пор живут либо в Бостоне, либо в Плимуте. Израиль, который оказывает нам абсолютно беспристрастный прием, давно привык к таким странным визитерам. Но Израиль — это еще нечто совершенно другое.

Мы остановились в отеле «Мишкенот Шеананим», в этой поистине безмятежной обители. Мэр города Тедди Коллек, этот неувядаемый организатор превосходных мероприятий (некоторые из них слишком захватывающи для моего темперамента), приглашает нас на обед к армянскому архиепископу в Старом Городе. На плоской крыше роскошного здания разбиты цветочные клумбы. Луна почти набрала полноту. Внизу, под нами, расположена церковь, часть ее была построена еще в четвертом веке. Архиепископ, если употребить старинное слово, — величественный человек. Его темно-красная ряса волнуется у него на теле. На груди две авторучки прищеплены к пуговицам. У него моложавое, полное, умное лицо; черная аккуратная бородка. Зеленоватые глаза. На обед приглашены: бывший участник Будапештского струнного квартета Александр Шнайдер, сын Коллека Амос, две супружеские израильские пары, которые не представились, и бывший редактор иностранного отдела французской газеты «Монд» Мишель Татю. В гостиной архиепископа иконы в золотых окладах. В освещенных витринах поблескивают древности. Вообще-то я никогда не проявлял особого интереса ни к застекленным витринам, ни к предметам под стеклом. Пожилые армяне приносят выпивку и прислуживают за столом. Рубашки на них слишком цветисты — в сине-голубые веточки с пунцовыми ягодами клубники, но они произвели на меня приятное впечатление. Тут же завязалась высокоученая беседа. По-французски, по-английски, на идиш и даже иногда по-русски (Татю, который провел пять лет в Москве, болтал по-русски со Стерном и Шнайдером). Архиепископ, который сам, своими руками приготовил баклажаны и баранью ногу, рассказывает гостям о своих кулинарных секретах. Они с Коллеком обсуждают приправы. Шнайдер вспоминает великого армянского музыканта, своего учителя Тирана Алексаняна, издателя баховских сюит для виолончели. Однажды после концерта Алексанян сказал Пабло Казальсу: «Вы сделали три грубые ошибки. Это чудовищно». И Казальс промолчал, потому что Алексанян был прав.

Бледнолицый, с роскошной черной шевелюрой, Татю — один из тех «коротышек», который научился удерживать свои позиции и не пасовать перед высокими, крупными людьми. Он стремится казаться раскованным, но именно

такое стремление указывает на его внутреннюю напряженность. Его газета не питает особо дружеских чувств к Израилю. Два или три раза мне нестерпимо хотелось спросить его, почему «Монд» так и не напечатала мое письмо, которое я послал в редакцию во время арабо-израильской войны 1973 года — по поводу позиции, занятой Францией в этой связи. Но мне все же удалось подавить это желание, — я одержал еще одну победу над собой. Кроме того, у Татю такое выражение на лице, которое говорит о том, что жизнь у него далеко несладкая, и мне не хотелось портить замечательный обед в Иерусалиме. В результате в его дневнике, видимо, появится такая запись: «Превосходный вечер на Ближнем Востоке, проведенный в компании армянского епископа». Я решил не портить ему настроение и весело закончить обед. Пытаясь найти общую почву для беседы с моей женой (похвальное желание), он сообщает, что он тоже румын по происхождению. Он с уверенностью может сказать об этом, так как его семья приехала во Францию еще в семнадцатом веке. Очень важно быть французом, вернее, быть французом долгое время. Но он во всем — истинный француз. Я вижу, как архиепископ делает ему замечание, что он закурил после первой смены блюд: этого делать нельзя, некультурно, — воспитанные люди не курят за обеденным столом.

Архиепископ очень красивый человек, у него румяные полные щеки, ясные продолговатые темно-зеленые глаза и короткая упругая бородка. Его церковь богата, красива, освящена веками. В ней хранится голова Святого Якова — брата Иоанна и многочисленные реликвии. Дом Анны, в котором допрашивали Христа и били его, находится на ее территории. Коллекция рукописных книг — самая большая за пределами Армении. Древние фрески превосходны. Но все эти предметы в определенном смысле лежат за пределами нашего понимания. Мы, чужестранцы, не чувствуем в себе сильной опоры, чтобы воспринять их. Мы унаследовали свой способ восприятия и оценки от викторианцев, с тех времен, когда царили надежность и нега, когда гости за столом никогда не прикасались к табаку после первой смены блюд, когда жители Леванта были жителями Леванта, а культура была культурой. Но в наши дни, когда танки предпринимают массированное наступление во время войны Судного дня, когда идут бои во Вьетнаме, когда происходят уотергейты, заявляют о себе различные масоны, правят иди амины, террористы убивают спортсменов на Олимпийских играх, — что нам до мудрых рукописных книг, что нам до великолепного чугунного литья, что нам до Святой земли?

Вскоре мы перешли к обсуждению современных проблем. Раздается телефонный звонок, — архиепископ извиняется на двух языках и, вернувшись, сообщает, что говорил со своими друзьями-ливанцами, которые позвонили ему то ли с Кипра, то ли из Греции. Он вновь садится за стол и утверждает, что влияние Ясира Арафата явно идет на убыль. Арафат оказался неспособным к ведению классической партизанской войны и вовлекает в борьбу народные массы. Затем кто-то замечает, что очень скоро русские «спишут» Арафата. Они, несомненно, признали провал своей политики в арабском мире и, возможно, даже готовы восстановить дипломатические отношения с Израилем. Многие из сидящих за столом согласны, что русские в настоящий момент испытывают настолько серьезные внутренние трудности, что им, вероятно, придется уйти и из Сирии. Их вообще могут принудить покинуть Ближний Восток и целиком сосредоточиться на решении своих домашних проблем. Американских закупок зерна может не хватить. Чтобы избежать полного краха, русские могут вступить в войну с Китаем. Государственный секретарь Генри Киссинджер выиграл борьбу на Ближнем Востоке, перетащив Египет в американский лагерь. Это —

гениальный человек. Русские расстроили свои порядки и скорее всего трубят отход.

Я слушаю подобные разговоры уже лет пятьдесят. Я отлично помню, что говорили интеллигентные, хорошо информированные люди о Веймарской республике, что они рассказывали друг другу в первые дни после того, как Гинденбург привел к власти Гитлера. Я помню застольные беседы во времена Леона Блюма и Эдуарда Даладье. Я помню, что говорили люди по поводу итальянской авантюры в Эфиопии, о гражданской войне в Испании и битве за Британию. Подобные интеллектуальные дискуссии отнюдь не всегда были неверными. Ошибка лишь в том, что спорящие неизменно меряют на свой интеллигентский аршин то, о чем говорят. Со временем становится ясно: все, что произошло на самом деле, было лишено такой интеллигентности, рассудка. Его не было на полях Фландрии и в Версале, не было при взятии Рура, не было в Тегеране, Ялте, Потсдаме, не было при проведении британской политики в Палестине, не было до, во время и после Катастрофы. История и политика оказываются чрезвычайно далекими от представлений интеллигентных, хорошо информированных людей. Толстой ясно сказал об этом на первых страницах своего романа «Война и мир». В салоне Анны Шерер сановные гости обсуждают скандал, связанный с Наполеоном и герцогом Энгиенским, а князь Андрей замечает, что в конце концов существует громадное различие между Наполеоном-императором и Наполеоном-человеком. Существуют государственные соображения и преступления, совершаемые частными лицами. А разговоры продолжаются. Во всех цивилизованных странах увековечен ритуал беседы ради самой беседы.

Татю выражает свое согласие с архиепископом в отношении русских. Здесь, как выражаются у нас в Чикаго, «зарыты большие деньги». Следующая тема разговора — Ватикан, и она получает точно такое же освещение. Несколько армянских прелатов присоединились к нам, когда подали кофе, и включились в беседу. Кто-то замечает, что Церковь всегда выступает на стороне успеха и всегда следует большинству. Только посмотрите, что происходит в странах Варшавского пакта! Церковь идет на сделки с коммунистами. А если коммунизм завоюет Италию, куда денется папа? Переберется в Иерусалим? Один из прелатов ехидно замечает, что ему все же лучше остаться в Риме и стать секретарем Коммунистической партии. И вот мы пришли к тому, что Киссинджер целиком подорвал ближневосточную политику русских, а папа намерен пожертвовать Ватиканом ради успеха Кремля. Подают десерт.

В письме, направленном в «Монд», я говорил, что во французской исторической традиции существовало два отношения к евреям: революционное, которое привело к предоставлению им политических и избирательных прав, и антисемитское (ярко представленное интеллектуальными лидерами эпохи Просвещения). Я спрашивал, какое из этих двух отношений будет преобладать во Франции двадцатого века, — будет ли это столетие «дела Дрейфуса» или же правительства Виши. Министр иностранных дел Морис Жобер во время войны Судного дня (октябрь 1973 года) признал, что палестинские арабы испытывали естественное и вполне оправданное желание «вернуться домой». Я в вежливой форме выразил надежду, что и другое отношение, революционное по своему характеру, тоже не будет в этой связи забыто. Я позаботился о том, чтобы мое письмо было доставлено по адресу: Эжен Ионеско передал редакторам одну копию, а вторую — писатель Манес Шпербер. О получении письма я так и не получил уведомления.

С 1973 года «Монд» открыто приняла сторону арабов в их столкновении с Израилем. Она пишет об израильтянах, как о колонистах; она оказывает поддержку террористам; она питает дружеские чувства к Иди Амину, но не к Ицхаку Рабину. 3 июля 1976 года, перед тем как Израиль освободил заложников в Энтеббе, газета с некоторым удовлетворением заметила, что Амин, этот «беспокойный маршал», всеми оболганный, теперь становится поддержкой и надеждой своих глупых хулителей. «Монд» очень обрадовалась такому повороту. 12 июля после очередного налета Израиль был обвинен в предоставлении убежища реакционерам Родезии и Южной Африки, в демонстрации своего военного превосходства, нарушающего равновесие между богатыми и бедными странами, в саботаже усилий миротворцев из Парижа, которые старались создать новый климат и отношение к странам третьего мира как к равным партнерам. Родезийцы и южные африканцы, — утверждала «Монд», — поднимали тосты с шампанским за Израиль. Но одобрение Европой налета на Энтеббе поставит под угрозу планы Франции в отношении установления нового мирового порядка. 4 и 5 июля, еще до освобождения заложников, «Монд» без всяких комментариев привела остроты Амина, что все заложники находятся в самых комфортабельных условиях, которые только можно представить себе в подобных обстоятельствах — со всех сторон их окружает взрывчатка. «Когда я их покидал, — сказал он со смехом, — заложники рыдали и умоляли меня остаться». Это еще больше подбавило жару. Все просто держались за животы.

Мы с моим другом Дэвидом Шахаром выходим на улицу, и он, обладатель широкой, необъятной груди, делает глубокий вздох и советует мне сделать то же самое. Этот воздух, воздух Иерусалима, возбуждает мысль, — об этом говорили еще мудрецы. Я готов им верить. Я знаю, что он, несомненно, должен обладать какими-то особыми свойствами. Мягкость света тоже поражает меня. Я гляжу с возвышенности на Мертвое море, направляя свой взгляд через вереницу щербатых скал и небольших домиков с выпуклыми крышами. Они точно такого же цвета, что и окружающая их земля, и над всем этим странным безжизненным пространством витает мягкий ветер, который давит на вас почти с человеческой силой. В этих цветах есть что-то осмысленное, метафизическое. Перед вашими глазами раскрывается вселенная в отверзости этой загроможденной скалами долины, сползающей к мертвой воде. В любом другом месте смерть настигает тебя, и тело твое разлагается. Здесь ты умираешь и смешиваешься со всем окружающим. Шахар ведет меня вниз от гостиницы «Мишкенот Шеананим», которая стоит на склоне как раз напротив горы Сион и Старого города, к Геином (традиционная Геенна), где когда-то поклонники Молоха приносили в жертву своих детей. Отсюда, от Геином, мы поднимаемся вверх к древнему кладбищу Караит, где мы сами воочию можем убедиться в смешивании со всем окружающим. Оно производит на меня странное впечатление, действует на нервы (через ноги), так как я чувствую, что внушительная часть этой пыли явилась от превращенных временем в труху человеческих костей. Я не знаю, является ли Иерусалим геологически старше других мест на карте, но местный доломит с глиной выглядит куда древнее по сравнению со всем, что мне приходилось прежде видеть. Серые, опустившиеся в воду горы, как говорил Блум в «Улиссе» Джойса. Но в изумрудном воздухе и в громадных белых облаках над головой, висящих над морщинистыми горами, нет ничего, что указывало бы на истощение. Эта атмосфера становится для обычного американца «из этого мира» настолько неподдельной, настолько искренней, что заставляет его сердце вздрогнуть.

В Иерусалим и обратно...11

Муниципалитет превратил Геином в парк. Лондонский фонд Вольфсона заплатил за разбивку сада, и арабские детишки гоняют футбольный мяч на зеленом дне долины. Четырнадцатилетие забияки из Восточного Иерусалима курят сигареты и, когда мы проходим мимо, напрягают мышцы, чтобы продемонстрировать какой-то опасный трюк, чем обычно занимаются бездельники на улицах. В это время Шахар продолжает читать мне лекцию. Шахар — мускулистый, лысый человек в рубашке, на которой громоздятся лошадки, конские подковы и уздечки, — рубашка с желтым орнаментом из набивного ситца на темно-голубом фоне. Смешно, так как он — писатель, человек думающий, а не какой-то «жучок» на скачках. Мы заглянули в древние могильные разломы и ниши, в которых когда-то складывали трупы. Теперь там валяются бамперы от грузовиков и благополучно ржавеют. Двадцатый век добавляет свою ржавчину к великому иерусалимскому праху. Можно быть совершенно уверенным в том, сообщает Шахар, что пророк Иеремия проходил здесь, по этому месту. Как раз там, где мы стоим. <...>

Когда вчера ночью я читал «Шум и ярость», то столкнулся со словами Компсона, которые принадлежали, правда, Э.Э.Каммингсу и тридцатым годам, а не 1910 году. «Земля жидов, родной дом итальяшек», — говорит про себя Компсон, когда покупает булочку у маленькой итальянской девочки. Если бы я находился в Чикаго, я прочитал бы это, не вздрагивая. Но здесь, в Иерусалиме, тут же отложил книгу. Вернувшись к ней на следующий день, я нашел, что Фолкнер не виноват в нанесении оскорбления. Вполне вероятно, что люди на рубеже двух столетий говорили «земля жидов», и Фолкнер не заимствовал эту фразу у Каммингса. Когда мы прогуливались вместе с Шахаром в парке Геином, я сказал ему, что мне не понравилось, когда Давид Бен-Гурион, совершая поездки в Соединенные Штаты, призывал американских евреев расстаться с иллюзиями об этой надувательской демократии и немедленно эмигрировать в Израиль. Как будто два столетия либеральной демократии ничего не значат.

Если бы Израиль управлялся на манер Египта или Сирии, разве я бы сюда приехал?

Но если так, то для наиболее суровых критиков левого толка, среди которых встречаются и евреи, Израиль не является «демократическим исключением», как это обычно утверждают. Новые левые считают его реакционным маленьким государством. Его хулители поведают вам, каким унижениям там подвергается арабское население и в не меньшей степени евреи-иммигранты из Северной Африки и Востока. Время от времени в его адрес раздается и критика со стороны самих израильтян, которые считают Израиль коррумпированным, «теократическим» «левантийским» государством. По слухам, самым крупным финансовым мошенничеством занимаются правоверные евреи, наиболее строго соблюдающие законы веры. Мне довольно часто приходилось слышать, что старые лидеры ашкенази не обладали никаким воображением, что новой группе Рабина недостает опоры, что Бен-Гурион был отвратительным старым типом, но одновременно и великим лидером, что более молодое поколение евреев враждебно настроено по отношению к евреям из Северной Африки и Азии. Этих иммигрантов обвиняют в том, что они привносят в страну менталитет бакшиша; интеллектуалов упрекают в том, что они виновны в ухудшении условий жизни. Я надеялся, что, находясь за шесть тысяч километров от своей страны, уже не услышу высказывания о падении уровня жизни, — кроме того, существует палестинская проблема, это самая большая и постоянная головная боль Израиля: «Мы приехали сюда, чтобы строить справедливое общество. А что недавно произошло?»

Я делюсь своими соображениями с Шахаром. «Там, где нет парадокса, нет и жизни».

В небольшой интересной книжке об Израиле Якова Линдса приводятся слова Бен-Гуриона, который якобы сказал так: «Евреи и понятия не имеют о том, что впереди их может ожидать ад. Их ад — это собственная неудовлетворенность собой, если они обладают довольно средним уровнем развития». Хорошо известно, что евреи выступают с необычными требованиями как к самим себе, так и к другим. И в отношении всего мира тоже. Время от времени я задаю себе вопрос, — не потому ли весь мир чувствует себя с ними не в своей тарелке. И тогда мне в голову приходит мысль, что мир был бы только рад увидеть закат своего христианства, и только лишь упрямство евреев этому мешает. Я утверждаю это, вспоминая слова Жака Маритена, который однажды охарактеризовал европейский антисемитизм двадцатого века как попытку избавиться от нравственного бремени христианства. И что же заставило евреев, которые пережили самую крупную трагедию в своей истории, вновь оказаться в опасной зоне? Один профессор из Гарварда, еврей, сказал мне по этому поводу: «Разве не станет злейшей из ироний, если евреи соберутся по своему собственному согласию в стране, чтобы было удобнее осуществить второй Голокауст?» Такая мысль иногда приходит в голову евреев. Она неизбежно сопровождается рефлексией (и гордой, и горькой), что евреи, судя по всему, обладают гениальной способностью оказываться в сердцевине кризиса.

Иосафатская долина со своими гробницами. Узенькая дорога, скалы, нагромождения серого камня. Пещеры, могилы, мусор, расколовшиеся скалы, а в крошечных классах арабские дети нараспев заучивают свои уроки. Это место даже в ноябре необычно теплое. Иорданцы проложили дорогу прямо по еврейским могилам. Муниципалитет Иерусалима планирует построить другую, а эту взорвать. Реликвии времен царя Ирода точно такие, как и должны быть, — искривленные колонны, над которыми изрядно поработало время, гробница Авессалома с его крышей-луковкой с каким-то торчащим из нее раструбом. Армии мертвых покоятся во всех направлениях, куда хватает глаз. Прекрасная навязчивая идея — захоронения, заклинания, покой, обретенный под стенами Иерусалима, тысячи мертвых, ожидающих, когда прозвучит труба Мессии. Несколько курочек, принадлежащих арабам, что-то клюют в пыли. Каждое яйцо, которое они снесут, тронуто крапинкой смерти. Стайка американских девушек в рабочих брюках из темной саржи спускается с холма, обвязав талии рукавами свитеров. Наверху, налево, расположено мусульманское кладбище. Большие Златые врата, которые откроются, когда явится Избавитель, закрыты. Чуть выше — Гефсиманский сад. Как указывает его название*, он когда-то прежде был оливковой рощей. Теперь здесь, над куполами русской церкви, высятся сосны, кипарисы и эвкалипты. И оливы растут, плодоносят.

Когда мы проходим по Via Dolorosa, то слышим какое-то возбужденное звяканье. Это арабские мальчишки гоняют по склону горы своих обезьянок с подвешенными колокольчиками; когда слышишь эти звуки, перезвон, невольно представляешь себе морозный день и летящие по снегу сани. Но нет, это озорные мальчишки, оседлав своих обезьян, галопом скачут с холма до Львиных ворот.

«Путешествие верхом от Рамаллаха до Лидды» Герман Мелвилл написал в 1857 году. Кавалькада, около тридцати вооруженных всадников. Прекрасная езда,

***

* *Гефсимания (др.-евр.) — масличные точила. (Ред.)*

В Иерусалим и обратно...13

Стрельба из мушкетов. Гарцующие кони. Несколько всадников устремились вперед. Лошади прижимаются к одной стороне дороги, чуя опасность. А через несколько дней в высохшей Иудейской пустыне «белесая мильдь господствует на всем ландшафте, — белесая , — лепрозорий — застывшая корка проклятий — похожая на заплесневевший сыр — кости, оставшиеся от скал, — раздавленные, обглоданные и жеванные, — простые отбросы, мусор творения, как и тот, что лежит за воротами Яффы, — вся Иудея кажется какой-то мусорной кучей этих отходов... Нет никакого мха, как на других руинах, никакой грациозности тлена, нет плюща — пресная нагота опустения — мучнистый пепел — печи для обжига извести... деревня прокаженных — дома, выходящие на стену — Сион. Местный парк — навозная куча. Люди сидят у ворот и просят милостыню — затем вой — отстранение от них — ужас — ... Я бродил среди могил — покуда не стал представлять себя одним из бесноватых».

Визит Анвара Садата в Америку. Нужно прежде все обсудить с израильтянами до того, как они согласятся вести переговоры о чем-либо другом. Возмущенная библиотекарь, пожилая женщина, лицо которой, кажется, раскалилось докрасна от негодования, спрашивает меня с оксфордским акцентом: «Каким образом можно все это объяснить?»

Я недоуменно пожимаю плечами. Если бы я ей ответил, то, вероятно, мой ответ был бы таким: американцы обожают открывать свои сердца иностранным визитерам. Иногда им оказывают такой прием, словно они — герои какой-то сказки из «Тысячи и одной ночи». Мы непременно продемонстрируем, какие мы все хорошие, щедрые, приветливые, откровенные и справедливые. Буря эмоций охватит нас, и наши гости станут отвечать нам тем же, а после того, как они вдоволь напьются вина, угостятся прекрасными обедами, посетят различные празднества, после того, как в их честь будет поднято немало тостов, после того, как они досыта наговорятся, выступая по телевидению, после того, как они примут участие в различных парадах и пожнут предназначаемую им долю аплодисментов, после того, как они получат все требуемые займы, обсудят возможность строительства с нашей помощью атомных заводов и поставок необходимого им военного снаряжения, они проникнутся к нам невероятной любовью. Думаю, что их любовь к нам пересилит нашу к ним, ибо наша любовь похожа на бьющий из открытой банки овощной сок: она настолько же недолговечна, насколько и неожиданна. Как только гости уезжают, все о них тут же забывают. Однажды старый миссионер-мормон в Новоо сдавил что было сил мою коленку, обнял меня за плечи и назвал «Брат мой». Мы встретились всего десяток минут назад. Он прижал меня к своей широкой груди, глаза его увлажнились. Вероятно, он уже считал меня своим будущим клиентом, довольно экзотическим, надо сказать, в стоптанных теннисных тапочках и рубашке джерси. Его сердце открылось мне. Открылось, как открывается окошечко в часах, откуда выпрыгивает кукушка. Но это не дало мне никакого представления о сегодняшнем дне.

— Но разве американцы не знают, что Садат был нацистом? — продолжает спрашивать у меня женщина-библиотекарь.

Ну, наверное, у хорошо информированных людей в их досье имеются сведения на этот счет. Уверен, что такой информацией располагает газета «Нью-Йорк таймс», но «Таймс», по моему мнению, это правительство в правительстве. У нее есть свой государственный департамент, где, вероятно, решили, что в данный момент неуместно напоминать американцам о том восхищении, которое вызывает у Садата образ Гитлера.

Я сообщил этой леди, что направил копию панегирика о Гитлере, написанного Садатом в 1953 году, Сиднею Грусону в «Нью-Йорк таймс» и Катарин Грэхэм в «Вашингтон пост».

— И вы думаете, такое напечатают? — недоверчиво спросила она.

— Трудно сказать, — ответил я. — «Таймс» должна быть гораздо сильнее в политике, чем в литературе, но кто знает. Само собой разумеется, кроме этого она должна печатать новости из области финансов и спорта, и делать это хорошо. Если бы она печатала такие же плохие отчеты о бейсбольных или футбольных матчах, как рецензии на новые книги, то болельщики пошли бы на штурм редакции, как на взятие Бастилии. Но у любителей книг, вероятно, недостает той страстности и увлеченности, которые свойственны спортивным болельщикам.

Больше всего меня беспокоит другое, — понимают ли американцы этот мир вообще, могут ли они сравниться с русскими в этом отношении? Ну, а садаты сами по себе не имеют большого значения. Русские писатели-диссиденты, типа Льва Наврозова, считают, что американцам никогда не сравниться с русскими. Он приводит цитату из повести Достоевского «Мертвый дом» — беседу между осужденным писателем и одним жестоким убийцей, преступником, который очаровал его. У меня нет под рукой книги, поэтому я приведу ее приблизительно. «Почему вы столь добры ко мне?» — спрашивает Достоевский. И этот преступник, отвечая одному из гениев девятнадцатого столетия, отвечает так: «Потому что вы настолько беспомощны, что нельзя не чувствовать к вам жалости». Даже после того, как он ограбил Достоевского, он все же жалел его как «маленького ребенка-херувимчика». Наврозов, этот чрезвычайно умный человек, но с некоторыми любопытными отклонениями (какой же независимый интеллектуал может избежать этого в Советском Союзе?) считает американцев детьми, которым улыбается Сталин, пряча усмешку. В этом, возможно, видна вотреновская романтика обожания. Достоевский, отнюдь не судья в подобных делах, считал, что можно многое сказать в защиту точки зрения этого убийцы. Наврозов расширяет рамки такого взгляда. Либеральная демократия иллюзорна, как мыльный музырь. Время от времени история угощает нас перерывом в развитии свободы и цивилизации, и мы этим пользуемся с лихвой. Мы забываем, по его словам, что как вид мы обычно близки к «природному состоянию» (по Томасу Гоббсу) — это отвратительное, грубое, безжалостное состояние, при котором люди, скованные страхом, мало думают о свободе. <...>

И вот против этого выступает Америка, пуская мыльные пузыри политических иллюзий. По крайней мере, таково мнение Наврозова. Вероятно, с ним частично согласен и Александр Солженицын.

Очевидно, все русские склонны рассматривать нас в этом ракурсе. Мой собственный кузен Нота Гордон, который два года назад покинул Советский Союз, говорит мне: «Вы им отнюдь не пара. Вы просто не понимаете, с кем имеете дело».

Нота был капитаном Советской Армии и воевал с немцами до 1945 года. Трижды был тяжело ранен. Он похож на всех членов нашей семьи — карие глаза, брови, выгнутые дугой, смуглый, с седой шевелюрой. Кроме того, у него во рту золотые коронки — произведение русского зубоврачебного искусства. В его роте служили преступники, освобожденные из тюрьмы во время войны. Нота не важничает, но все же война его закалила. На передний край не доставляли пищу, приходилось есть замерзшую картошку, воровать продукты. В отношении добычи провианта можно было целиком положиться на преступников-солдат. «Я обладал абсолютной властью в роте и мог убить любого. По

своему желанию. Никто никогда не требовал никаких объяснений», — рассказывает Нота. Мы с ним двоюродные братья, но он — русский, а я — американец, и в его глазах американец — это приятный, добродушный, может, даже привлекательный человек, но недоразвитый и абсолютно беспомощный: в общем точно такой, каким казался Достоевский своему сокамернику — убийце. <...>

Перед чем стоит литературное воображение в наше трудное политизированное время? Об этом говорит один из лучших израильских писателей А.Б.Иехошуа в своей превосходной книге интервью под названием «Тревога на Сионе». «Совершенно справедливо, — пишет Иехошуа, — что в силу того, что наша духовная жизнь только и вращается вокруг этих вопросов (политических), когда вы заняты ими без конца, то на самом деле трудно посвятить себя с духовной точки зрения какому-то иному занятию. Нельзя достичь истинного одиночества, этого главного условия и предварительного требования для творческой работы, ее источника, ее силы. Вместо этого раздаются постоянные призывы к солидарности, они рождаются скорее внутри тебя самого, чем в результате внешнего принуждения, так как приходится жить от одной передачи новостей до другой, и вот такая солидарность становится чисто технической, автоматической с точки зрения твоей эмоциональной реакции, так как отныне ты настолько запрограммирован, что должен жить именно так, постоянно испытывая внутреннее напряжение. Твои эмоциональные реакции в отношении, скажем, потерь Израиля, сбитого самолета или захваченного танка уже предопределены заранее... Отсюда неутоленная потребность в одиночестве, раздражение из-за неспособности побыть одному в духовном смысле и начать жизнь, связанную с интеллектуальным творчеством». Во время Шестидневной войны, говорит Иехошуа, а он чувствовал себя причастным к великому событию, он находился на гребне исторической волны, слился с ней воедино. Он испытывал какое-то возвышенное, приятное чувство. Но сегодня, когда не видно конца состоянию войны, он утратил чувство слияния с этой волной. <...>

Нельзя поддаваться тому, что общество и правительство считает важным. Герои Стендаля, очутившись в тюрьме, размышляют о любви. Э.Э.Каммингс, отправленный за решетку французским правительством, умеет превратить в эстетический рай лагерь для заключенных в Ферте Масе.

Самые отважные из современных писателей — это Мандельштам и Синявский. Умирая от голода и истощения в Сибири, Осип Мандельштам читал свои стихи заключенным. Андрей Синявский, сидя в тюремной камере, вел дневник и сосредоточился на изучении искусства. Возможно, остаться поэтом при таких обстоятельствах также означает умение достичь сердцевины политики. Тогда чувства человека, его человеческий опыт, форма его тела и выражение лица обретают свое истинное место, — крупный план. <...>

Перед отъездом из Чикаго искусствовед Гарольд Розенберг спросил меня: «Ты что, едешь в Иерусалим? И опасаешься, будут ли с тобой откровенно разговаривать? Ты, вероятно, шутишь. Да они просто насмерть заговорят тебя». Он говорил как еврей с евреем, будучи целиком уверенным во власти еврейской речи. В полете, если дверь самолета внезапно откроется, то пассажиров засосет в воздушное пространство. Здесь, в Иерусалиме, стоит вам закрыть за собой дверь своего гостиничного номера, как на вас намедленно обрушивается речевой поток — толкования, различного рода аргументация, анализ, теории, возражения, упреки, угрозы и пророчества. От дипломатов вы слышите осторожные объяснения; от лиц, облеченных ответственностью, осмотрительные и ворчливые заявления, которые, по сути дела, перефразируют и видиоизменяют ваши собственные вопросы; от родителей и детей — убийственные обвинения; от

разгневанных друзей — страстные речи, суровые обличения в адрес Западной Европы, России, Америки. Я все внимательно выслушиваю, старательно слежу за высказываниями, но часто у меня возникает такое ощущение, что я в бескрайнем море.

Главная тема всех разговоров в конечном счете сводится к выживанию, к выживанию порядочного общества, созданного в Израиле за последние десятилетия. В начале это трудно осознать, так как окружающая обстановка отличается цивилизованностью. Вы находитесь в городе, под стать любому другому, но все же это — Иерусалим, единственный древний город, где я видел древности, которые не являются реликвиями, а составляют часть повседневной жизни. Все же это — современный город со всеми современными удобствами. Вы совершаете покупки в супермаркете, вы здороваетесь с друзьями по телефону и желаете им доброго утра, слушаете по радио игру симфонических оркестров. Но вдруг музыкальная передача обрывается, и вам сообщают, что какой-то террорист взорвал бомбу. Еще один взрыв последовал у входа в кафе по дороге на Яффу: в результате убито шесть молодых людей и тридцать восемь ранено. Вам больно от таких сообщений, и вы невольно отставляете благословенный, цивилизованный стаканчик с выпивкой. Чувствуя себя не в своей тарелке, вы выходите из номера, чтобы получить цивилизованный обед. Бомбы продолжают взрываться повсюду. Только что взорван динамит в Лондоне; различие между этим взрывом в Уэст-энде и местным состоит в том, что при этом право Англии на существование никем не подвергается сомнению.

Наконец, вы сидите за обеденным столом с очаровательными людьми в обычной столовой, каких здесь множество — и узнаете, что ваша хозяйка потеряла сына, что ее сестра потеряла детей в войне 1973 года; что на этой иерусалимской улице, с приятной прохладцей, исходящей от клумб с ночными цветами и подсвеченной снизу зеленью темно-зеленых кустов, многие еврейские семьи потеряли своих детей. А в это время на Яффа-роад, где взорвалась еще одна бомба, погибли еще шесть подростков, двое из которых — ученики вечерней школы, которые выбежали во время перемены в кафе, чтобы купить там булочку. Но в домашней обстановке, когда гости передают друг другу блюда с едой, когда звенят стаканы с напитками, очень трудно думать о несущем смерть противнике. Только одно не вызывает у вас сомнения: тот факт, что еврейская жизнь не изменилась после образования еврейского государства: здесь нельзя пользоваться своим правом просто жить. Другие могут, а вы — нет. Я вовсе не желаю этим сказать, что где-то еще люди живут прилично и при приличном режиме. Нет, я хочу сказать, что только евреи, именно потому, что они — евреи, никогда не могли воспользоваться правом на жизнь как вполне естественным правом. <...>

Г-н Д. из министерства иностранных дел носит изящный костюм. Израильтяне, нужно сказать, редко принаряжаются. Особенно впечатляет его галстук, так как местные джентльмены обычно предпочитают открытый воротник рубашки, на манер Уитмена или Бен-Гуриона. Мне сообщили, что Уинстон Черчилль всерьез не одобрял манеру Бен-Гуриона свободно одеваться, но я не могу поручиться за правдивость таких утверждений. Г-н Д., однако, истинный дипломат, он вырос во времена Британского мандата, и, хотя он воевал с англичанами, он обожает Англию и чувствует себя в мире счастливее всего, после Израиля, в Лондоне или Оксфорде. Он приводит мне краткий перечень тех дипломатических постов, которые ему довелось занимать по службе. Он, конечно, не говорит, что ненавидит Швецию, это за него утверждаю я сам. Он

мне доверительно сообщает, что в Стокгольме все было чрезвычайно корректно, без всяких заминок, но вся обстановка отличалась каким-то бессердечием. Франция? Ну что можно сказать об этих французах? Они настолько чудесны, насколько и противны, Франция — это открытое общество только для тех, кто желает стать французом. Американцы? Странная смесь. Воспитанные люди, но грубы, и им недостает завершенности, — их никак нельзя сравнить с лучшими представителями европейской культуры. Мы сидим и пьем английский чай с молоком. Через оконные решетки мы видим гору Сион. Вечерний солнечный свет, падающий на эти камни, еще больше подчеркивает их каменную безжизненность. Теперь они не просто серые, они желто-серые, — это их последний цветовой оттенок, — большего солнце сделать с ними не в состоянии.

Я обращаюсь для пробы к г-ну Д. с вопросом. Он когда-то работал в Вашингтоне. Знают ли, по его мнению, американцы, что происходит в мире? Он с готовностью отвечает, что американцы — хорошо информированный народ, что они обладают просто потрясающим аппаратом по сбору информации. Но быть хорошо информированным, возражаю я, это еще не означает понимать то, что происходит вокруг. Мой корректный визитер в этом согласен со мной. А согласен ли он с армянским архиепископом и с Мишелем Татю из «Монда», будто Киссинджеру удалось перехитрить русских, заставив Египет подписать Синайские соглашения. Нет, г-н Д. не считает, что Киссинджер обманул Россию на Ближнем Востоке.

Личность Киссинджера сильно интригует израильтян. Каким образом он пришел к власти? Не обладая необходимой прочной базой, он продемонстрировал какую-то колдовскую экзотическую ауру мудрого еврея — «еврея Зюсса», финансового менеджера или делового агента маленьких немецких княжеств. У него уверенная рука, он осторожен, энергичен, любитель шикарной жизни и эксперт по «паблисити». Судя по всему, он хорошо понимает, что раз уж в Соединенных Штатах телевидение создало культуру развлечений, то нужно присоединиться к этому миру развлечений и, если у тебя нет иной властной основы, стать кем-то вроде кинозвезды.

...А что г-н Д. думает о русских? Могут ли они возобновить дипломатические отношения с Израилем? Ну, это решать самим русским, считает г-н Д. «Если мы пойдем к ним, они сочтут такой шаг проявлением слабости. Они сами подойдут к нам, если только решат, что им выгодно возобновить отношения. Открытие посольства в Рамат Гане может дать им кое-какие преимущества. С меньшими затруднениями они смогут собирать нужную информацию. В настоящий момент они вынуждены полагаться целиком на своих тайных агентов. Они могут заставить поляков вернуться сюда и выполнять все их указания».

Когда Киссинджер находился в Женеве, он организовал неофициальные переговоры Андрея Громыко с израильтянами. Это было в декабре 1973 года. Громыко, который внешне кажется кислым, сухим, грубым и негибким человеком, знает, как нужно преображаться. Этот неприязненный Громыко обратился к министру иностранных дел Абба Эбану со сладкими словами, как и подобает старому коллеге. Сколько раз им приходилось выступать заодно. Они, конечно, ссорились, и их столкновения подчас были окрашены кровью, но на человеческом уровне, — а ведь Громыко в конечном счете — человек, — нельзя забывать личные сентиментальные привязанности.

Громыко сказал Эбану, что Россия никогда не считала себя врагом Израиля — Израиль был создан с благословения Советского Союза. Это на самом деле так. Но что можно сказать о миллиардах русской военной помощи, оказанной Сирии, о ракетах, о вооружении палестинских террористов, об оскорбительных

разоблачениях в советской прессе и с трибуны ООН? Нельзя отделаться от чувства, что Израиль — это что-то вроде шатающегося зуба, который русские не желают вырвать. Они его расшатывают — взад и вперед, и, когда он будет еле держаться, они спокойненько вытащат его пальцами.

Г-н Д. интеллигентный, воспитанный человек, и он вежливо говорит, ничего не приукрашивая и не преувеличивая. Он только добавляет еле слышно, что пребывание в Англии — это для него неизъяснимое блаженство.

На прошлой неделе писатель Амос Оз заметил в разговоре со мной, что у Израиля столько представлений о Небесах, что они поражают любого чужестранца. Любой из них, кто переезжал сюда, привозил с собой собственное понятие о Рае. В собственном киббуце Оза люди напряженно трудятся, работают обычно до двух часов дня. Затем они моются, отдыхают, переодеваются, и после обеда они, среди которых немало русских, читают серьезные книги и слушают музыку; они проводят вечера, самым серьезным образом обсуждая марксизм. Самое большое для них удовольствие — поговорить о революции и социализме и о будущем человечества. Немецкие евреи часто отдыхают в «культурном» раю, то есть в библиотеке, наслаждаются чтением произведений Гомера, Платона и Гете, и слушают Моцарта.

<..>. Мы сидим за столом с Шулей и Давидом Шахаром и поэтом Деннисом Силком и пьем чай с пирожными. Я рассказываю им о своей беседе, которая состоялась у меня с редактором крупнейшей арабской газеты «Эль Кудс» Махмудом Абу Зулуфом в Иерусалиме. Абу Зулуфа, сторонника умеренных взглядов, ненавидят левые. Ему не раз угрожали, однажды взорвали его автомобиль, но он все равно продолжает следовать линии согласия и мира.

Его офис выглядит, словно комната ожидания при автомобильной стоянке, — сиденья покрыты темным пластиком, стол, на котором люди и сидят, и пишут, приятная, расслабляющая человека суматоха, — здесь никто не суетится по мелочам. В кабинете есть только одно произведение искусства — картина, висящая прямо перед глазами редактора, на ней изображен котенок, это крошечное создание у всех вызывает прилив восторга. Сам редактор — большой, сильный человек; от этого круглолицего, какого-то мечтательного араба не исходит никакой угрозы. На нем то, что по-английски называется «костюм для отдыха». На громадных ножищах носки кричащего цвета. Он не столько пожимает вам руку, сколько забирает ее целиком в свою собственную. Я с радостью готов услышать, как он начнет мне «заливать». Кто я такой, чтобы он мне откровенно рассказаал о том, о чем он на самом деле думает? Он нажимает кнопку на столе, — как это делает любой стоящий человек в Иерусалиме, который может себе позволить позвать слугу. Приносят кофе.

В редакцию газеты «Эль Кудс» меня привел Давид Фархи — известный арабист, советник по арабским делам при правлении Западного банка, к тому же он приятель мэра Коллека. И вот мы с Абу Зулуфом потягиваем густую пересахаренную жижицу из крошечных чашечек, а в это время в соседних комнатах стучат линотипы, и он говорит мне, — его настроение можно охарактеризовать как нечто среднее между скукой и увлеченностью, — что евреи должны уступить в Восточном Иерусалиме, что они должны разделить власть с арабами. Они настолько упрямы, что не желают воспринимать реальности, они слишком трудны на подъем. Но чем дольше они выжидают, тем хуже может стать обстановка. Сила арабов постоянно растет, а Израиль становится все слабее. Его мрачность и напряженность то рассеиваются, то вновь дают упрямо знать о себе. Он сильно бьет ладонью по крышке стола и говорит: «Чем дольше будет длиться война, тем будет больше людских потерь, тем сильнее зависимость

Израиля от американцев. А в это время арабские страны становятся богаче, современнее, их влияние повсюду растет. Нет, нет, Израилю нужно поторопиться с планами мирного урегулирования и приступать к переговорам; ему нужно продемонстрировать свою волю к ним».

В Иерусалиме нет ни минуты покоя, даже для тех, кто чем-то интересуется. Вот вы сидите, удобно устроившись в кресле, с чашечкой кофе в руке и ведете восточную беседу с интеллигентным человеком. И вдруг вас вовлекают в тягостную дискуссию.

Сейчас, сидя за чашечкой чая, я рассказываю Шахарам о том, что мне поведал Абу Зулуф. Мне не хочется говорить с ними об этом в легком тоне, так как я знаю, что им лично пришлось пережить. В Израиле очень мало семей, у которых войны не отняли сыновей. Здесь нельзя вести случайные политические беседы. В соседней комнате в этот момент шестнадцатилетний сын Шахаров учит уроки. Покончив с физикой, он станет разучивать на фортепиано Шумана. Вскоре он достигнет призывного возраста. А Уильям Колби, шеф ЦРУ, выступая перед конгрессменами, заявил, что в следующей войне победа может обойтись Израилю в девять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Это будет победа или поражение? До сих пор госпитали забиты жертвами последней войны.

Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм прибыл в Иерусалим, чтобы обсудить вопрос о сирийской границе. Нельзя сказать, что г-н Вальдхайм пользуется в Израиле всенародной любовью. Люди говорят, что он сам не знает, о чем говорит. И я стараюсь быть как можно тактичнее, передавая своим собеседникам смысл своей беседы с Абу Зулуфом. Чета Шахар очень вежлива со мной, и вначале они говорят очень мало. Деннис Силк опускает глаза. Это — один из тех громоздких и нескладных мужчин, которые страдают особой застенчивостью. Как и я, он начинает лысеть. Волосы у него растут длинными и редкими прядями. У него — благородный, тонко очерченный нос. Он чувствует приближающуюся бурю и заранее краснеет.

Шахар начинает отвечать и поначалу употребляет очень мягкие слова. «Я не согласен с Абу Зулуфом, — говорит он. — Евреи никогда не были неуступчивыми и огульно все отрицающими. Они постоянно идут на уступки, но их отвергают. Первоначальный план разделения, разработанный ООН в 1947 году, не был принят потому, что арабы не намерены терпеть рядом с собой еврейское государство, пусть даже такое маленькое, как Израиль. Если они добиваются собственного государства, то они могли бы получить его давным-давно. Они и от этого отказались. И начали наступление на нас со всех сторон, пытаясь изгнать отсюда евреев и захватить все созданное ими богатство. Эта страна представляла собой голую пустыню, землю кочевников, с маленькими каменными фермами и деревеньками. Сионисты во времена действия мандата добились такого экономического прогресса, что в страну потянулись арабы из других районов. Вот почему так выросло арабское население. Евреи составляли большинство жителей Иерусалима до их изгнания из Старого города в конце сороковых годов. Но вот каким образом мир разрешил ближневосточную проблему: Иорданию или Трансиорданию создали по произволу англичан, да, да, лично Уинстон Черчилль, который все нарисовал своим карандашом, вероятно, опрокидывая при этом стаканчик за стаканчиком. «Ладно, мы отдадим эту дрянь хашимитам». Вот как возникла здесь «легитимная» нация. В сороковые годы египтяне выдвигали самые незначительные притязания на Синай».

В словах Шахара кое-что неверно, но я молчу. После окончания первой мировой войны, когда Британия потребовала и Синай, а Франция выразила свое несогласие, эта территория была передана Египту, который даже не просил ее.

На чем же основаны все их нынешние притязания? — спрашивает меня Шахар. Все эти страны, которые вдруг так возгордились, превратились в националистов и выдвигают непомерные требования, прежде были всего лишь осколками Оттоманской империи. Саудиды, эти гордящиеся своими долларами защитники Иерусалима, почти не имеют никакой исторической связи с этим городом. «В Иерусалиме родилось шесть поколений моей семьи», — говорит Шахар, постепенно распаляясь. Шахар — писатель, причем неплохой. Ему нравится французская литература. Он обожает Пруста. Он часто болтает по-французски, и одно словцо из этого прекрасного, любимого его языка характеризует его как нельзя лучше. Он costaux — детина, здоровяк; у него большая комплекция, широкие плечи, мускулистая шея, большие вены на руках. Они все больше набухают — видно, я начинаю раздражать его своей американской уравновешенностью, объективностью, как ему кажется, за его счет. Как легко иностранцам говорить, что к каждому вопросу возможны два подхода. Что за ужасное выражение!

— Они не желают принимать наши мирные предложения. Они отвергают все наши уступки. Они хотят нас уничтожить! — Шахар уже кричит и обрушивает свой кулак на стол. — Вы их не знаете. Их не знает Запад. Они никогда не оставят нас в покое, не дадут нам мирно жить. Мы должны сражаться за собственную жизнь. А мир в это время может дискутировать, дискутировать, дискутировать. Ведь слова абсолютно ничего не значат. А французы-ублюдки продадут им любое оружие, которое те захотят, как, впрочем, и англичане. А кто может быть уверенным в отношении вас, американцев? А когда арабам, наконец, удастся добиться своего, то французы с англичанами продемонстрируют свое милосердие и отправят к нашим берегам суда для эвакуации женщин и детей.

Шахар обнажил тот страх, о котором здесь не принято говорить. Но Израилю приходится жить, постоянно помня о Катастрофе. Я бросаю взгляд на большое, красивое лицо Силка, но он опустил голову и вперил взгляд в стол. Я тоже молчу. Могу ли я сказать Шахару, что «совесть Запада» никогда не допустит уничтожения Израиля? Нет, не могу. Такую гиперболу лучше припрятать подальше и отделаться молчанием. Мы знаем, что всякое может случиться. Впервые в истории все человечество, как род человеческий, как единое целое, бросилось в политику. Все принимают в ней участие, и никто не в силах предсказать, что произойдет.

В кнессете, израильском парламенте, строгие меры безопасности. Охрана останавливает ваше такси у ворот, заставляет вас вылезти из машины и пройти в небольшую комнату, где находятся шесть или семь солдат в беретах, а рядом на полу стоят несколько пулеметов. Солдаты болтают о кино, о скором приезде Фрэнка Синатры. Вы подходите к столу и называете цель своего визита. Например, вы явились, чтобы пообедать с г-ном Абба Эбаном. Чиновник внимательно изучает ваш паспорт, затем связывается по телефону с офисом Эбана. Какой-то религиозный бородатый еврей в черном одеянии подходит к столу, еле удерживая под мышкой большие книги, похожие на Талмуд. Он добродушно улыбается, у него отличные белые зубы, он долго, сердечно объясняет, что ему нужно. За ним стоит парочка влюбленных, они нежно поглаживают руки друг друга, ожидая, когда им оформят пропуска. Чиновник за столом просит разрешения у бородатого еврея посмотреть один из томов, раскрывает большую книгу, подпирает руками виски и углубляется в плотный текст. Затем следует высокоученая беседа. Я по-прежнему жду. Наконец меня

отводят в занавешенную будку, где солдат тщательно обыскивает меня, проверяя, нет ли оружия. Он ощупывает мой плащ (сегодня мерзкая погода), заглядывает в шляпу, заставляет подняться меня на небольшую платформу и пробегает пальцами по ногам, карманам и по бокам. Открывает мою авторучку, внимательно ее изучает. Затем ворчливо выпроваживает меня из закутка и кивком головы указывает большие открытые ворота на площади перед зданием кнесета.

Парламент — грандиозное сооружение. В стране с населением всего в три с половиной миллиона человек можно иметь кое-что поскромнее, но создатели государства не отличались изящным вкусом. Тедди Коллек рассказал мне, что после 1967 года Бен-Гурион предлагал снести стены, окружающие Старый город. «Пусть здесь будет открытое пространство. Пусть будет один город, без всяких стен», — аргументировал он свое предложение. «Эти люди не обладают чувством красоты», — прокомментировал Коллек.

В справочной за столами сидят суровые на вид помощники, но те женщины, которые принимают верхнюю одежду в гардеробе, запросто о чем-то судачат. Одна из них вяжет. Я объясняю, что приглашен на обед, и меня направляют вниз по лестнице. Здесь есть две столовые: одна обслуживает посетителей, которые едят мясо, — признак древней диетической сегрегации. Г-н Эбан уже ожидает меня, читая несколько газет одновременно. Его большие глаза, еще сильнее увеличенные темными линзами, кажется, излучают какой-то поток зрительной энергии с еврейским оттенком. У него — большие прямоугольные очки в черной оправе, и он ведет себя прямо-таки с приличествующим послу достоинством. Мы направляемся к столу в зале для «мясных» посетителей. Он заказывает вареного цыпленка и шницель по-венски. Большая бутылка горького лимонада шлепается об стол, мы наливаем стаканы и потягиваем содержимое.

Наконец нам подают обед. Я глубоко вздыхаю, освобождая сдавленный дух, и берусь за ложку. Эбан довольно робок, но все же слишком самоуверен; он мрачен, но без грубости. Ему и хочется и не хочется быть там, где он в данный момент находится. Его мысли снуют по всему миру, словно спутник. Это такой тип людей, с которым я отлично знаком. Уносят пустые тарелки, и перед Эбаном появляется блюдо с увесистым цыпленком. Это — еврейский цыпленок, сваренный в собственной шкуре, который возвышается на волнах взбитого пюре в окружении берегов из риса и коричневатой подливки. Мой шницель приготовлен не из телятины, а из плоти какого-то другого животного, и очень трудно поддается ножу. Я тоже заедаю мясо рисом и помаленьку попиваю лимонад. Наконец, проголодавшийся Эбан насытился. У него — оксфордское произношение, его взгляды отличаются стройностью. Но он не умеет слушать. Впрочем, ведь я пришел не для того, чтобы говорить.

Он говорит, что отношения между Израилем и Соединенными Штатами никогда прежде не были такими хорошими. Израиль получает от США сейчас больше помощи, чем за все годы со дня своего основания. Роль, сыгранная американцами в войне 1973 года, повсюду неправильно интерпретируется. Киссинджер ринулся в Москву не из-за собственной слабости или угроз русских вмешаться. Само собой разумеется, ему не следовало создавать такое впечатление, что он отвечает на повелительный вызов. Может, та скорость, с которой он действовал, попахивает раболепием, но он все сделал правильно. Америка уже победила, и в это время было необходимо только признать русскую мощь на Среднем Востоке и заставить СССР стать участником соглашения по прекращению огня. Наше дальнейшее продвижение на Каир могло стоить нам жизней еще тысячи израильтян и могло заставить русских вмешаться в боевые

действия. России требуется только одно — признание ее как великой державы, то есть почтительное к ней отношение. Ей должно быть предоставлено право санкционировать любые соглашения, с ней нужно консультироваться. А, по сути дела, Киссинджер одержал победу.

— Таким образом, разрядка напряженности не такое уж бессмысленное слово?

— Вовсе нет, если вы придаете ему правильное значение.

— А что, если ей придать то значение, которое придает Солженицын в своем обращении к Американской федерации труда и конгрессу производственных профсоюзов?

— Нельзя ожидать от русских диссидентов беспристрастной характеристики России.

Эбан вовсе не настроен неуступчиво сурово по отношению к Советскому Союзу. Он не рассматривает его как наихудшее общество в истории или как какую-то сатанинскую империю, которая стремится к усилению своего могущества, призванного уничтожить капиталистическую демократию. Советский Союз, возможно, империя зла, но ее можно понять, перехитрить и каким-то образом усмирить; это вам не какая-то грубая, несокрушимая и бесчеловечная сущность. Вы только посмотрите, как представляет советских лидеров Моххамед Хейкал в своей книге «Дорога Рамадана». Хейкал утверждает, что однажды он видел, как они бесконечно передавали какой-то меморандум друг другу (их было около шести человек), чтобы в результате принять какое-то рядовое решение. Перед тем как отдать приказ, необходимо иметь на документе не менее трех подписей. Русские только хотят удержать то, что они уже имеют, и обеспечить равновесие сил за счет другой сверхдержавы. В 1973 году они не поощряли ни Сирию, ни Египет к нападению на Израиль, а заняли в этом вопросе весьма осторожную позицию. Они не хотят уничтожения Израиля, но они хотят, чтобы он вернулся к границам 1967 года.

То, что мне сообщил Эбан о своих переговорах с Громыко, соответствовало истине.

Что касается Организации Освобождения Палестины, то, по мнению Эбана, она — прежде всего связывает руки русским, и Арафат создает для них массу трудностей. Вторжение ООП в Ливан не увенчалось крупным успехом. Русские ничего, кроме разочарования, в Египте не добились. Может, они хотят свержения Садата? Но как это сделать? С помощью военного переворота? Но г-н Эбан слишком большой дипломат, чтобы отвечать на такие каверзные вопросы сгоряча.

Он сдирает пупырчатую кожу с куриной ножки. Я чувствую запах сваренной домашней птицы, вижу ее белое мясо и пытаюсь совладать снова со своим шницелем. Недомашнюю пищу в Израиле можно проглотить только тогда, когда закроешь при этом глаза и будешь думать о чем-то другом. Но в голову, как назло, приходит та картина, которую я наблюдал, когда мы с Джоном Ауэрбахом прогуливались по Старому городу. Молодых барашков загоняли в грузовик, чтобы везти на бойню. Они предпринимали попытку убежать. Но арабские рабочие хватали их за шерсть и, скрутив в бараний рог, бросали в кузов. Обступившие зрители осыпали их проклятиями: «Сволочи, м...». Чуть подальше, в сторонке, лежали издававшие дурной запах шкуры только что забитых животных. Когда же мы остановим эту бойню и перейдем, наконец, на зелень, орехи, фрукты? Неплохой вопрос пришел в голову в тот момент, когда слушаешь разглагольствования высокообразованного человека о политике за обеденным столом.

Приходилось ли г-ну Эбану самому слышать когда-нибудь личные рассуждения доктора Киссинджера о политике?

Киссинджер никогда не удерживался на одном месте столько времени, чтобы успеть изложить целиком свои взгляды Эбану. Люди со всех сторон подходят к нему с посланиями, и он все время дергается, ерзает на своем месте.

Дождь усилился. Кажется, приближается зима. Но где же достать машину? Такси здесь не сыщешь ни за какие деньги. Обняв свои газеты, Эбан встает и предлагает подвезти меня. Его автомобиль уже ждет. Некоторые члены парламента носят длинные бороды и ермолки. В дороге по пути на Яффа-роад мы с Эбаном обсуждаем американские проблемы. Вероятно, справедливо, что президент Джеральд Форд совсем недавно узнал, что американское посольство находится не в столице Израиля, а в Тель-Авиве. Эбан отказывается критиковать президента, но он все же признает, что Форд — отнюдь не Линдон Джонсон. «Вот это был умный человек», — восхищенно говорит он. Я слышал, что Джонсон однажды встретил Эбана такими словами: «Г-н посол. Я вот сижу здесь, чешу собственный зад и думаю об Из-ра-и-ле». Эбан подтверждает это, но уверяет меня, что Джонсон разговаривал с ним в самой дружеской манере. Фамильярно, но без презрения. Эбан спрашивает мое мнение о кандидатах на пост президента от Демократической партии, что я могу сказать — о Генри Джэксоне, например. Ну, я дважды обменивался рукопожатием с сенатором Джэксоном и знаю о нем ровно столько, сколько можно выудить с помощью пожатия руки политика. А что я скажу о Губерте Хэмфри? Сенатор Хэмфри — это человек, который значительно лучше других. Президент Джонсон поставил его в неловкое положение. Жаль, что у Хэмфри не хватило мужества, чтобы этому воспротивиться. Конечно, он весьма словоохотлив. Гручо Маркс однажды сказал о нем: «Я не знаю, каким он будет президентом. Он говорит, говорит и говорит. Из него бы получилась отличная жена». Моя личная теория заключается в том, что Хэмфри, ведя бесконечные беседы, на этом учится, то есть его говорливость имеет частично образовательную ценность. Человек, посвятивший себя общественной жизни, обычно очень занят, и у него хватает времени только на газеты и законопроекты. Но Хэмфри выслушивает немало сведущих людей, заимствует их идеи и благодаря своим спорам, повторениям, украшательствам и редакторской работе кое-чего достигает. Он знает, что нужно предпринимать. Для этого ему нужно либо это увидеть, либо услышать. Его послужной список в сенате производит большое впечатление.

Дождь кончился. Я вышел из машины Эбана, поблагодарил его за встречу и попрощался с ним. Яффа-роад, все магазины и лавки на которой закрыты из-за наступившей в полдень «сиесты», размокла и выглядит малопривлекательной. Я прохожу мимо того маленького кафе, возле которого несколько дней назад взорвалась бомба. Вчера один молодой таксист рассказал нам с Александрой, что он хотел войти в это кафе вместе со своим приятелем, когда какой-то знакомый окликнул его. «Он что-то хотел мне сказать, и я подошел к нему. В этот момент раздался взрыв, а мой приятель как раз стоял на том месте. Так что теперь у меня нет больше приятеля», — сказал он. Его юношеский голос вдруг погрубел: «Вот так мы и живем здесь, мистер! Видите? Вот так и живем».

Отношение Эбана к России здесь разделяют многие. Несколько в иной форме я недавно слышал такое мнение в Европейском университете, от профессора Шолома Авинери, историка и политолога. Позицию профессора можно определить приблизительно так: после второй мировой войны повсюду верили, что капитализм вновь взял себе в аренду жизнь. Но такое представление оказалось иллюзией. Послевоенное процветание капитализма базировалось на дешевой

энергии и дешевом сырье, ввозимом из слаборазвитых стран. Теперь цена и того и другого возросла, и последняя бесплатная поездка западного капитализма подошла к концу, — для всех, кроме Америки. Другим западным странам теперь приходится переходить к более скромному жизненному стандарту. С другой стороны, в Восточной Европе жизнь значительно улучшилась. Низшие классы начинают лучше питаться, носить красивую и удобную одежду, жить в комфортабельных квартирах. Западная Европа все больше вступает в сумрачную полосу, а такие страны, как Венгрия, Болгария, Румыния, Польша, все больше прихорашиваются. Именно это, а не распространение красного империализма и подчинение Европы России, должны мы в первую очередь видеть.

Если я правильно понял, профессор Авинери говорит, что среди сателлитов России начинает возникать определенный тип независимого коммунизма, а западный коммунизм становится все более демократичным, все менее послушным Москве. В любом случае мир меняется, и ни одна из сверхдержав уже не является той, которую многие из нас долгое время себе представляли.

Такие слова скорее можно услышать в Париже или Милане, но отнюдь не в Иерусалиме. Такое представление о будущем, очевидно, объясняется предположениями о закате американского престижа и ослаблении его влияния. Все принимают как должное утверждение, что, поставив заслон проникновению коммунизма в Юго-Восточной Азии, Соединенные Штаты совершили величайшую ошибку в истории. Стремление по-новому взглянуть на коммунизм является результатом вьетнамской катастрофы и американских политических неурядиц. Кроме того, полная зависимость Израиля от Соединенных Штатов заставляет израильских интеллектуалов искать признаки надежды в коммунистическом мире. Я часто задаю себе вопрос, почему отказ от марксизма разрывает сердца людей? Что нужно, чтобы уничтожить надежды, порожденные Октябрьской революцией? Сколько же еще нужно учить интеллектуалов тому, что представляет из себя Советский Союз? Я знаю кое-что о жизни в коммунистических странах и никак не могу согласиться с Авинери. По моему мнению, это довольно поверхностный анализ, если только вспомнить, какой крошечной личной свободой пользуются люди в Восточной Европе. Но я вновь вспоминаю профессора Авинери и вижу, что он — очень симпатичный, совсем не бессердечный человек. Мне кажется, что он только «обкатывает» свои взгляды. Завтра у него будет другое настроение, и он заговорит совершенно иначе.

Джей Бушински, корреспондент чикагской «Дейли ньюс» — человек уравновешенный и солидный. Мы сидим с ним в холле новой гостиницы «Хилтон», и он рассказывает мне, как израильские власти выдали ему разрешение на освещение одной боевой операции. Израильские десантники захватили крошечный островок в Красном море, застигнув египетский гарнизон врасплох. Бушински видел, как пулеметным огнем был срезан часовой. «Он был совсем мальчишкой, — сказал Бушински. — Ему раздробили очередью ноги. Мясо висело клочьями. Он истек кровью и умер. Я спросил командира: «Разве нельзя было ему чем-то помочь?» — «Первый получает первым», — ответил он и устремился в атаку. И он был прав. Воспоминания об этом не покидают меня». Мы встретились с Бушински на Голанских высотах в 1967 году, когда я был корреспондентом газеты «Ньюсдей». Я напомнил ему, как Давид Хальберштам, этот ас журналистики, потешался над моими сообщениями, что я гоню по телексу целые полосы, описывая читателям Лонг Айленда, как именно выглядит поле сражения. Я тогда спросил Хальберштама, что, по его мнению, значит настоящая журналистика. «Когда взяли в плен египетскую армию во

главе с генералом, — ответил Хальберштам, — и корреспондент спросил, почему египтяне не стреляли, командующий ответил, что стрелять было нельзя, ведь выстрелами мы могли выдать противнику расположение своих позиций». Вот это, по мнению Хальберштама, — одно из самых замечательных сообщений, переданных в ходе войны 1967 года.

Такой точке зрения, конечно, не откажешь в профессионализме. Но мне хотелось знать, существуют ли еще какие-нибудь точки зрения на сей счет, и я задал тот же вопрос Бушински. Я знал, что у этого закаленного журналиста тоже легкоранимая душа. Он до сих пор не мог вытеснить из памяти воспоминание об этом египетском мальчике с раздробленными ногами.

До 1967 года я никогда не видел, даже не представлял себе поле боя. Проезжая на машине по Синайской пустыне, я ужасно удивлялся тому, какое громадное количество парусиновых или джутовых мешков вывалилось с грузовиков на землю. Но вскоре осознал, что эти раздувшиеся до отказа коричневые мешки — трупы, и лишь тогда заметил, как грифы, собаки и шакалы терзают мертвецов. Затем вдруг мы оказались рядом с египетской траншеей. Очень много трупов лежало на бруствере, разлагалось; открытые части тела солнце поджаривало, как куски мяса, а повсюду стояла вонь, похожая на гниющий картон. Вначале трупы раздувались, словно их накачивали воздухом, затем форма рвалась по швам, через нее просачивалась сукровица; глаза, выскочившие из орбит, становились плоскими, как плёнка; сквозь мышцы лица ясно различались кости черепа.

Многим читателям, может, будет интересно узнать, что представляют собой последствия войны. Израильский писатель У. рассказывает мне, как в 1948 году, когда ему было всего семнадцать лет, он весь день пролежал среди трупов, на поле боя возле Иерусалима, где его отряд попал в засаду, устроенную иорданцами, и был весь уничтожен. Прилетели грифы и начали пожирать трупы; они всегда начинают свою трапезу с глаз убитого. А он лежал среди трупов, но птицы его не тронули, лишь хлопали крыльями рядом, поблизости, он слышал их клекот, слышал треск разрываемой плоти. Он лежал там до ночи.

У. женат на американке, у которой маленькое миловидное личико. Она ужасно худа, и у нее какие-то замедленные движения. Когда она встает со своего места, этот процесс кажется бесконечным. Речь у нее тоже замедленная, она все время сбивается. Она кажется немного не от мира сего, странное американское дитя, продукт наших американских яслей. Они с У. живут в бедном арабском квартале, берут к себе больных детей, стариков-инвалидов, искалеченных животных. Жена Джона Ауэрбаха Нола однажды отправилась ее навестить и увидела, что она уложила больную обезьяну в свою кровать. Иногда ее эксцентричные выходки заставляют думать о безумии, но при внимательном отношении сразу замечаешь, что она не безумна, просто очень добра. Миссис У. похожа на Вирджинию Вульф.

У. убежден, что за Израилем числится очень много грехов, что он стал слишком коррумпированным государством, утратил весь свой нравственный капитал и у него не осталось ничего, за что стоило бы воевать. <...>

Исраэль Галили, министр без портфеля в нынешнем правительстве, слегка побранил меня за невежество в области политики правительства в отношении арабов. Но я искренне пытался выяснить, что из себя представляет такая политика, — ответил ему я. Когда я приехал в Иерусалим, то раздобыл массу правительственных документов по этому поводу, но из них не следует никакой ясной картины происходящего на самом деле. Я знаю, что правительство не намерено вступать в переговоры с ООП. Я знаю, что оно отказывается терпеть

палестинское государство на Западном берегу между Амманом и Иерусалимом. Нет, все это не так, возражает Галили — небольшого роста, крепко сбитый человек, с космами седых волос а ля Бен-Гурион, но с живыми, яркими голубыми глазами. Он, конечно, относится ко мне как к заинтересованному, но не понимающему сути дела обозревателю. Он бросает взгляд в сторону присутствующего при беседе министра обороны Шимона Переса, словно говоря ему: «Ну, ты видишь? Этот тип, судя по всему, вообще не понимает, о чем мы говорим» (вероятно, следует пояснить, что дело происходит за обедом в отеле «Мишкенот Шеананим», на котором присутствует и мэр Иерусалима Тедди Коллек). Затем он начинает мне объяснять, что Ицхак Рабин ясно дал понять: Израиль признает существование законных палестинских претензий. Я повторяю, что прочитал все правительственные сообщения на этот счет, но нигде не встретил и намека на то, что палестинские претензии признаются на официальном уровне. «Значит, у нас очень плохо работает служба по связям с общественностью», — делает вывод Галили. Здесь ему не откажешь в правоте.

В этот момент Тедди Коллек замечает, что более старые лидеры всегда выражали свое нежелание признавать существование арабской проблемы. Например, Голда Меир наотрез отказывалась ее рассматривать. Галили, этот старый сионист и киббуцник, выражает свое несогласие с Коллеком. Перес — это политик высокого полета, и он не намерен обсуждать важные политические проблемы за обеденным столом. Он пришел сюда как писатель, чтобы поговорить о литературе с американским коллегой,

Вокруг Переса существует какая-то аура. Вокруг него разливается сияние власти. Я это, правда, замечал и прежде. Такой феномен был заметен и у обоих братьев Кеннеди — Джона и Бобби. Это были такие люди, которые жили, как бы находясь на диете, состоящей из отдельных органов животного организма, — печени, почек и желез, напитывавших их мощной энергией. Волосы у них блестели, они обладали какой-то сложной гаммой краски, у них были красивые, сильные зубы. Мне кажется, что все это — следствие богатства и власти, а не поглощения гусиных потрохов или печени трески, которые от души поедал Леопольд Блюм, но нельзя все же сказать, чтобы он поражал дублинцев своей жизненной силой и дееспособностью. <...>

Одна из странностей жизни в этой стране: когда кто-то здесь говорит «борьба за существование», то он понимает это выражение в буквальном смысле. Для нас же подобные слова носят метафорическую окраску. Но и слово «кошмар» тоже не вполне здесь подходит. В один из вечеров я видел по телевидению, как в Бейруте убивали людей у меня на глазах: осажденные палестинцы пристрелили двух собственных товарищей-заключенных, которых послали к ним христиане, чтобы начать переговоры о перемирии. И это отнюдь не кино, которое мы смотрим по «ящику», а жуткая реальность, «исторические события», история, которая творится у тебя на глазах. <...>

Осматриваю достопримечательности Старого города в компании двух поэтов — Гарольда Шиммеля и Денниса Силка. Но это не совсем экскурсия. У меня нет, как полагается настоящему туристу, ни фото, ни кинокамеры, у меня их не было с 1940 года. В тот год, помню, я фотографировал длинноногих свиней в Мексике, на острове Ханитсио, расположенном на озере Паскуаро. Я никогда не видел таких свиней — будто на ходулях, и они, конечно, заслуживали того, чтобы быть запечатленными на пленку. Эту камеру я приобрел в ломбарде на

Саут стейт-стрит, и у нее где-то внизу были маленькие дырочки, поэтому все мои свиньи на фотографиях оказались пятнистыми.

Шиммель, бывший студент Корнельского университета, который учился в те дни, когда там преподавал Владимир Набоков, занимался дипломной работой вместе с Филиппом Рахвом в Брандеисе. Он в достаточной степени овладел ивритом, чтобы свободно говорить и писать. Находясь в компании вместе с ними, я, наконец, чувствую, что я в отпуске и избавлен от тягот политических дискуссий. У «Большого» Силка точеный профиль, прекрасный, чуть искривленный нос, а его деликатность просто меня развлекает... Он целиком поглощен выставкой персидских бутылок, у него широко раскрываются глаза, нижняя губа выступает вперед, и он ведет себя как лунатик.

Нам с трудом удается оторвать его от витрины. Шиммель ведет нас в лавку, которая специализируется на продаже старых почтовых карточек, — вот увековечен приезд генерала Алленби в Иерусалим во время Великой войны, есть кружевные поздравительные открытки — их здесь тонны, и открытки с нацарапанным на них текстом, и греческие издания Цейна Грея, так как владелец лавки — грек, старый воспитанный джентльмен. У него — громадный запас слайдов, карт, фотографий патриархов и паломников, бесчисленных лиц времен Оттоманской империи. Большие турецкие или балканские усы, которые носят вот эти солдаты и государственные деятели, были в большой моде в Чикаго еще в двадцатых годах. Таких усачей можно было встретить и на Саут Хальстед-стрит, и возле дома Халла, в кофейнях и в кондитерских; у продавцов, которые торговали вафлями, развозя их по улицам в ярких бело-красных тележках, усы были особенно пышные. Мы роемся в почтовых карточках, пытаясь выудить что-то необыкновенное. Элиас Канетти, этот превосходный писатель и несколько эксцентричный психолог, однажды заметил, что страсть к древностям выдает в нас каннибалов, если не вампиров. Почти все карточки темно-желтого цвета, напоминающего сорт винограда, из которого делают мускат, но больше в них нет никаких признаков съедобного, Я выбираю довоенную открытку: евреи, молящиеся возле Западной стены. Силк, который является заядлым коллекционером, роется в куче мусора, а в это время владелец лавки обращается к нам, видимо, с заготовленной заранее речью о великих эллинских традициях свободы, и говорит о Мильтиаде и Перикле так, словно они живут рядом, в двух шагах от его лавки.

Шиммель с Силком пытаются найти улицу ткачей, но вместо неё обнаруживают большую каменную конюшню, часть владений какого-то князя. Потемневшие, высеченные в камне орнаменты относятся к четырнадцатому веку, — об этом нам сообщают два юных араба, настроенных весьма приветливо. Да, эти стойла все еще используются, но ослы и мулы ушли на весь день. Деннис Силк начинает старательно расспрашивать юношей, благо они достаточно хорошо говорят по-еврейски. Мне, конечно, все равно, к какому веку относится этот хлев, к четырнадцатому или шестнадцатому. Меня больше интересует, что один из этих молодых людей вдруг решил помыть ноги. Он задирает штанины, садится на корточки и начинает поливать из зеленой бутылки пальцы одной ноги, при этом ловко балансируя на другой. У него — «кавалерийские» ноги, — это я так их называю, — короткие и полные. У женщины тоже могут быть кавалерийские ноги, но это не мешает ей обладать хорошей фигурой.

Мы так и не находим ткацких станков. Может, сегодня у ткачей праздник или выходной. Покупаем поблизости кунжутовые хлебцы, а в одной арабской лавке, набитой деликатесами, покупаем банки португальских очищенных сардин в кислом соусе, несколько огурцов и отправляемся обедать домой к Силку.

Силк живет на «ничейной земле», посередине какого-то пустыря. Дом, расположенный выше, над ним, до 1967 года был норданским постом, и в те довоенные времена возвращаться домой было опасно, тем более выпивши, так как никаких четких границ не существовало. А теперь пустырь — надежное и безопасное место; здесь бродят козы, бегают собаки и кошки, догнивают строения, которые, вероятно, во времена Мандата были красивыми домами, буйно растут сорняки, валяются консервные банки и бутылки. Отсюда открывается прекрасный вид на Моавитские горы в их рыжевато-коричневой наготе. Какая-то остромордая сучка трусит рядом с нами. Вероятно, где-то поблизости скрывается ее выводок — ее соски так переполнены молоком, что едва не касаются земли. Деннис открывает дверь, и она входит, словно хозяйка. «Это что, твоя любимица, Деннис?» — спрашиваю я. «Нет, — отвечает он печально и серьезно. — Нет, но она была подружкой моего пса, который умер в прошлом месяце, и она все еще приходит сюда по старой памяти».

В квартире Денниса не так много комфорта. Никак не могу определить, что это — хижина или лачуга? Недвижимость принадлежит греческой православной церкви, и Деннис лично три раза в год ходит туда платить за аренду, имея дело со странным чиновником — наполовину адвокатом, наполовину бухгалтером, — который постоянно пытается надуть поэта-квартиросъемщика. «Все это в духе Востока, — объясняет Деннис. — Нельзя просто положить на стол деньги и попросить выдать квитанцию. Прежде вы должны выпить кофе, слушать, как ваш собеседник уклоняется от прямо поставленного вопроса, в общем, пройти через все испытания левантийских хитростей».

Две комнаты забиты книгами и картинами. Денниса никак не назовешь чистоплотным холостяком; его не смущает паутина, пыль на мебели, вещах. Огромное различие между этой благородной пылью и отвратительной грязью. Я могу понять, почему у него тусклые окна; прозрачная чистота позволит пробиться сюда яркому свету, и он рассеет все поэтические полутона. Эта квартира прекрасна в том виде, в котором она предстает перед посетителем, — батиковая накидка на матраце, куча рукописей с печатями кофейных чашек. Мы, конечно, могли бы зажечь огонь в печке, чтобы в доме стало теплее, но это сейчас несущественно, — водка согреет быстрее. Перед нами стоят сливовица, ракия, цуйка, даже здешнюю водку вполне можно пить. Деннис открывает банки с сардинами, выкладывает на стол сыр, булочки, ставит стаканы. Он не убирает со стола книги и рукописи, просто небрежно сдвигает их в угол, и мы принимаемся за выпивку и еду. Мы ведем беседу о писателях. В журнале, лежащем на полу, напечатано интервью Гора Видала. Я всегда читаю их с удовольствием. Любопытно, говорит Видал в своем интервью, — насколько богата различными концепциями американская речь: «Американцы постоянно прибегают к эвфемизмам; они никогда не называют вещи своими именами... Очень трудно сказать, что же на самом деле имеется в виду; это не способствует выработке хорошего характера». Мы стали самым плеонастическим, самым напыщенным народом в мире, и более того, превратились в нацию лгунов. Должен добавить к этому, что ни один народ в мире не обладает таким пристрастием к самокритике. Мы обвиняем себя во всем, мы всегда находимся под грузом всевозможных обвинений, мы всегда себя судим и мечтаем о самых невероятных признаниях. И все это рассчитано на потребление во всем мире. Справедливо, что мы много лжем, — Видал здесь прав, — мы лжем как сумасшедшие. В нашей литературе нет Тартюфа, никаких лицемеров-монстров, никаких запредельных циников. Вместо этого у нас полно различных благоде-

тельных мифов, которые мы пытаемся приладить к собственной жизни и занимаемся этим с упорством идиотов. <...>

Шиммель и Силк вновь переводят беседу на поэзию и поэтов. Что из себя представлял Тед Рётке? Ну, это был круглолицый блондин гигантского роста, немного похож на Силка. Он любил снять ботинки и пиджак, ослабить ремень, чтобы распустить пузо. Когда он выходил на теннисную площадку в Яддо в Саратога-спрингс, его прямые удары рвали сетку. Подобные росказни развлекают Силка и Шиммеля, к тому же на столе стоит бутылка, а беспорядок, царящий в комнате Силка, напоминает мне Гринвич-виллидж тридцатилетней, даже сорокалетней давности. Силк, который восхищен Джоном Беррименом и даже написал превосходную статью о его «Песнях-снах», спрашивает, могу ли я читать стихи Берримена в его манере. «Могу попробовать», — отвечаю я. Я часто слышал, как он читал свои стихи в Миннеаполисе, да и в других местах. Джон мог позвонить мне часа в три ночи и сказать: «Послушай! Я только что написал нечто восхитительное! Только послушай!» Поэтому я отлично знаю, как он читает свои стихи-песни. Я прочитал на память некоторые из моих самых любимых. Выпивка и поэзия, чувства, охватившие меня к моему другу, покинувшему этот мир, короткий декабрьский вечер, который стал из голубого темно-синим, дрожь сумерек, — и вот когда я заканчиваю читать, то чувствую, что простыл. Силк обращает такое же внимание на холод, как морж на льдины.

Поэты провожают меня до мельницы сэра Мозеса Монтефиоре. Обращаясь к ним, говорю: «Она должна быть прекрасной». На самом деле так и оказалось. Когда я приехал в Иерусалим, дал себе зарок ни на что не обращать внимания. Но здесь, увы, это невозможно. Сегодняшний день — первый за целый месяц, когда я чувствую себя легко, в своей тарелке.

Мельница — одна из достопримечательностей Нового города. Тедди Коллек доставил сюда землю, привез и высадил оливковые деревья и кипарисы, устроив нечто вроде приличного городского парка, протянувшегося вдоль Кинг Дэвид-роад. Рядом с мельницей поставлена для всеобщего обозрения карета сэра Мозеса — сюда приводят школьников и привозят туристов, чтобы они полюбовались этим зрелищем и прослушали лекцию по истории этого иерусалимского квартала. Сэр Мозес, столь же кипучий и неутомимый, как и сам Коллек (хотя на портрете старый филантроп выглядит куда более мечтательным человеком по сравнению с мэром), убедил несколько еврейских семей покинуть свой грязный и убогий квартал и поселиться за городскими стенами. Это было нелегко — в середине прошлого века Палестину никак нельзя было назвать самой спокойной и опрятной частью Оттоманской империи. На переселенцев и путешественников постоянно нападали бандиты, но сэру Мозесу все же удалось добиться своего, и группа евреев построила свой поселок в дальнем конце Геином, который своими фасадами выходил на гору Сион. Деннис написал любопытную, полувымышленную биографию Монтефиоре, в которой рассказал о его странствиях и мечтах. Теперь сама мельница и старинные дома кажутся покрытыми каким-то историческим золотистым глянцем, и автобусы один за другим подвозят сюда шестиклассников, туристов, и те с удовольствием изучают медные таблички на древних городских стенах. Сама мельница чем-то напоминает знаменитую Водяную башню в Чикаго. Когда корова миссис О' Лири опрокинула копытом фонарь и пожар спалил весь Чикаго, почти ничего не уцелело от огня, за исключением шишковатой каменной башни в викторианско-готическо-пресвитерианском стиле, которая продолжала стоять на Мичиган-авеню, как маленькая любимица окружавших ее небоскребов.

А в Иерусалиме память о сэре Мозесе, его коляске и ветряной мельнице важна с политической точки зрения, — мэр Тедди Коллек пользуется любой возможностью, чтобы подчеркнуть законное право евреев жить в Иерусалиме. И здесь нет никакого обмана, — такие притязания высказываются на законном основании. Но все же мне кажется, Коллек хорошо понимает, что у него слишком малый срок, чтобы представить свое дело на рассмотрение трибунала всемирного времени. Иногда трудно сделать различие между его личной энергией и неотложностью такой нужды. И все же сохранена эта мельница, этот памятник ночному мечтателю сэру Мозесу с его приметной бородкой, тяжелыми башмаками, в английском цилиндре, возвышающемся на его еврейской голове.

Возвращаясь домой, чувствуя на себе воздействие водки, выпитой вместе с Силком и Шиммелем, я прохожу сквозь толпы туристов. Только что у меня был небольшой праздник в обществе двух поэтов. Они сумели освободить меня от груза безжалостных проблем. Сегодня мой рассудок следует в другом направлении. И дело даже не в том, что, следуя по новому маршруту, не чувствуешь никаких душевных терзаний, — даже сейчас я не мог не думать о самоубийстве Берримена, когда читал его стихи, но сейчас это наполненное смыслом сожаление. Что-то еще помогало сбросить тяжкий груз — поэтический дар. После того, как пропустишь несколько стаканчиков, чувствуешь в себе переизбыток истины. Мне кажется, что те политики, с которыми мне приходилось встречаться, — превосходные, интеллигентные люди, наделенные сильным характером, но у них отсутствует такая чудодейственная добавка. Удивительно, как они не сходят с ума от всех этих палаческих, убийственных проблем, от безумного давления, оказываемого на всех таким серьезным кризисом.

<...> У меня есть письмо от русского писателя Михаила Агурского, который недавно побывал в Иерусалиме. В нем он говорит, что «евреи могут продуктивно и эффективно работать, если только выполняется одно странное условие — все поставленные ими цели должны быть совершенно нереальными с точки зрения сегодняшнего дня. Если они преследуют такие цели, тогда они вне всякой конкуренции». «Сионизм, — продолжает он, — может быть возрожден теперь лишь с помощью инъекции таких нереалистических планов. Лично я проповедую цель — превратить Израиль в центр новой цивилизаций (ни в коей мере не менее!), принимая во внимание вполне очевидный закат западной (как, впрочем, и восточной) цивилизации... С прагматической точки зрения только такие идеи могут принести успех евреям».

В недавно вышедшей в свет небольшой газетке «Инсайт», которую издает Эммануэль Литвинов в Лондоне, я столкнулся с кратким изложением статьи Агурского по поводу русской иммиграции в Израиль. То, что утверждается в этом эссе, — будто русские позволят массовый выезд евреев в Израиль, — далеко от истины. Насквозь антисемитское советское правительство, которое дважды разрывало дипломатические отношения с Израилем, обрушивало на него самые злобные обвинения, вовсе не намерено дать Израилю то, что ему больше всего необходимо. Численность населения — одна из самых серьезных проблем для Израиля, и с этим здесь все соглашаются, хотя по другим вопросам здесь трудно добиться единодушия. Тысячи людей уезжают отсюда. И кем же их заменить? Когда импозантный министр обороны Шимон Перес выразил надежду, что в скором времени огромное число русских евреев приедут в Израиль, он вмиг утратил часть своей импозантности. Военному руководителю не пристало быть мечтателем. Трудно представить, чтобы русские не понимали, какие

ужасные потери понес Израиль в войне 1973 года, но разве они позволят ему восполнить их за счет массовой иммиграции советских евреев?

Однако Агурский утверждает, будто в скором времени русские евреи хлынут в Израиль, и это сможет привести к изменению характера израильского общества, а в конечном счете и судеб мира... Русские евреи внесут очень важный вклад в возрождение религиозных чувств в Израиле. Полученный ими тоталитарный опыт закалил их души и укрепил рассудок, считает Агурский, но этот горький опыт наделил их такой малой толикой мудрости, которую они не могут себе позволить потерять. <...>

Рёскин в своем сочинении, посвященном «Истории Пелопонесской войны» Фукидида, утверждает, что его предметом «была основная трагедия всего мира — самоубийство Греции». Возможно, мы снова достигли в своем развитии фазы самоубийства, и об этом говорят русские диссиденты, люди, которые сумели, благодаря своему героическому сопротивлению властям, сохранить в неприкосновенности рассудок и суждения, когда они начинают размышлять о нашем поведении.

Но, чтобы закончить с Агурским... Он говорит о старшем революционном поколении, которое еще не забыто, о мессианском универсализме этого поколения и его стремлении к торжеству социальной справедливости. Он считает, что еврейские пророки в русских переводах должны быть переданы в руки новых иммигрантов из Советского Союза, «чтобы обогатить их чувство национальной озабоченности», если пользоваться парафразом из его статьи, опубликованной в газете «Инсайт». «Никакое капиталовложение, кроме духовного, не может быть столь же эффективным». Вот что пишет сам Агурский: «Израиль должен стать центром новой цивилизации, как того требовали пророки, эти самые лучшие представители израильского народа». Редактор «Инсайт» комментирует: русские интеллектуалы-евреи типа самого Агурского начали задавать вопросы, которые «западные евреи считают давно решенными», и в результате приходят к иным результатам. Иногда они кажутся наивными, но иногда в них чувствуется внутренняя сила и привлекательность.

Представления таких русских о силе зла не могут обладать подобными эффектами. Их понятия о западном капитализме были выработаны в России. Поэтому они считают нас легкомысленными людьми, а условия нашей жизни подверженными хаосу. Они придерживаются присущих Европе и России взглядов о нашем своенравии. По их представлениям, мы являемся угрозой для свободы. Но они также не расстаются с надеждой. Израиль должен стать центром новой цивилизации? Я понимаю, что имеет в виду Агурский, когда он советует нам быть реалистами. Он проповедует... Но нет, я не стану приводить серьезные аргументы в ответ Агурскому. Он слишком неискренен. У русских диссидентов — таких, как Солженицын, Синявский и даже Агурский, мне нравится их постоянное бодрствование. По сравнению с ними мы все довольно сонливы.

У нас, на Западе, такое бодрствование наступает по временам и тут же исчезает. Я на себе, на собственном опыте, на примере своей собственной личности чувствую это возгорание и угасание и замечаю, что и другие подчинены этому. Я знаком с мировой историей и с русской революцией. Я знаю, что такое Освенцим, ГУЛАГ, Биафра и Бангладеш, Буэнос-Айрес и Бейрут. Но когда я начинаю вновь перебирать в памяти факты, мое зрение теряет фокусировку. Тогда я, вопреки здравому смыслу, начинаю подозревать во всем этом распространяющуюся всюду власть демонической воли, которая затрудняет наше понимание. Мне приходится насильно предполагать, уж не находится ли

Западная Европа и Соединенные Штаты под влиянием какого-то великого зла, уж не надета ли на нас хлороформовая маска.

Газеты сообщали, что посольство США подозревает Москву в облучении здания микроволновой радиацией. По словам ЮПИ, эксперты считают, что русские занимаются этим, дабы активизировать подслушивающие устройства, спрятанные в стенах посольства, и одновременно заблокировать американские подслушивающие устройства, или, по мнению автора одного зловещего сообщения, «радиация используется русскими, чтобы вызвать летаргию среди американских дипломатов». Все это может оказаться полной иллюзией, но общественное мнение готово этому поверить.

Хотя русским, если бы они только отдавали себе в этом отчет, не нужно использовать никаких устройств, чтобы усыпить американцев, — свободные страны сами проявляют удивительную летаргию в отношении собственной свободы. Вера в революцию до сих пор сильна в Западной Европе, а капитализм, особенно в той ненавистной форме, в которой он существует в Америке, считается отмирающим явлением. Многие с восторгом ждут его кончину. Устав от старых зол, все мечтают о чем-то «новеньком» и не успокоятся, покуда не заполучат желаемое в руки. Бодлер в своем дневнике писал, что жизнь — это больница, в которой каждый пациент уверен, что он непременно выздоровеет, стоит только сменить больничную койку. Когда я в конце сороковых жил в Париже, помимо своей воли начал изучать сей предмет. Из разговоров с хозяевами лавок, владельцами гаражей, официантами, консьержками я узнал, что «революционные» идеи (идеи о смене больничной койки), которые теперь стали банальностью, в те времена пропитали все слои французского общества. Ожидая нашествие коммунизма, ту самую к о й к у, которая излечит от всех зол, многие французские интеллектуалы старались переподготовиться к продолжению своей карьеры в условиях нового режима. У лидеров французского мышления были в распоряжении три десятилетия, чтобы заставить своих соотечественников осознать все факты о России и Восточной Европе, которые можно выразить в нескольких словах: в Восточной Европе не существует свободного общества; до сих пор коммунизму удавалось создавать только полицейские государства. Мне могут возразить, что равенство, безопасность и благополучие рабочего класса важнее свободы. Это я уже слышал. Подобные лозунги любят повторять индийские интеллектуалы, пытаясь оправдать репрессивные меры, применяемые Индирой Ганди. В таких случаях политологи полезны не меньше, чем мифологи и демонологи.

В нашем номере в «Мишкенот Шеананим» сервант, широкие мраморные подоконники, кофейный столик, стол — все завалено газетами, журналами, брошюрами и книгами, посвященными проблемам Ближнего Востока. Ночная смена гостиницы смотрит в холле телевизор. Главный охранник с крупной, коротко стриженной головой и большими выпуклыми глазами — восточный еврей, худощавый и смуглый. Ручка пистолета торчит из-за пояса бриджей. И, возвращаясь к себе домой, чтобы почитать газеты и книги, первым делом встречаешь вооруженный патруль. Они ходят и по верхней дороге, в саду, расположенном под нами.

От мэра Тедди Коллека постоянно поступают послания. То он приглашает меня с Александрой на концерт, то на раскопки, то на чай к греческому патриарху. Он успевает думать обо всем на свете, никогда не забывает дать совет, напомнить вам о чем-то, поблагодарить. У Коллека — массивная фигура, но он быстр в движениях, этот удивительно деятельный человек. Он — человек

задиристый, но не обладает душой философа. Его лицо никогда не остается неподвижным; оно постоянно морщится, а это — признак проницательного человека. У него прямой, короткий и толстый нос, сильно выступающий вперед; цвет лица красноватый, рыжеватые волосы спадают на лоб, когда он приступает к делу. Бальзаку непременно понравился бы такой мэр. Коллек для Иерусалима — все равно что дочери для отца Горио, что кузен Понс для своих произведений искусства. Но такой феномен явно не подходит ни под какую категорию. Когда он на службе (а он никогда не отдыхает), то, громыхая, носится по городу в автомобиле. Он везет вас в новый район, который он построил в Восточном Иерусалиме. Он может прибыть и в желтом автобусе, принадлежащем муниципалитету, в сопровождении нескольких помощников (по огородничеству, санитарии, досугу), чтобы показать вам те парки, которые он повсюду разбил на бывших пустырях. Здесь есть даже парк для слепых, — на специальных табличках брайлевским шрифтом описываются открывающийся оттуда вид, цветы, деревья, растения. Он сам — садовод-любитель, и кажется, что он знает каждый кустик в своем городе. Кроме того, он хорошо знает всех спонсоров. Подобно компьютеру, он называет имена филантропов, а секретарь внимательно записывает их в блокнот. «Здесь можно оборудовать площадку для игр, А предложения направить тому-то и тому-то». У Коллека целый интернационал знакомых богачей, сильных мира сего. У Коллека талант говорить открыто, откровенно, ничего не скрывая, — вам обо всем сразу же сообщат его голубые глаза, — но все же он соблюдает приличия. Он любит вставить изящную фразу — признак человека, знающего кое-что о культуре. У него венские манеры, с какой-то особенной британской грацией. Он бегло говорит по-английски. Когда ему приходится встречаться с представителями ученого английского мира, он радуется как ребенок. Однажды, беседуя с сэром Исайей Берлином, он был просто на седьмом небе. Он закатил в честь него роскошный обед, который не уступал хорошему банкету, и заставил ученого вступить с ним в умную беседу по поводу Канта и Кенигсберга. Его мемуары, если толоко он когда-нибудь выберет время, чтобы их написать, непременно очаруют весь мир. Он написал несколько добрых слов в предисловии к автобиографии Голды Меир, которая недавно была опубликована, Но сама книга его разочаровала. И здесь я с ним полностью согласен. Голда Меир — женщина, наделенная сильным мужским характером, судя по всему, процензуровала свои наиболее сильные чувства и в своей книге восприняла куртуазный стиль американского конгрессмена, «этакого важного джентльмена из прекрасного штата Арканзас». Вероятно, при этом она руководствовалась чисто политическими мотивами. Думаю, что подобных ограничений Коллек на себя не наложит. Оставаясь олицетворением природной силы, не прибегая к лести и уговорам, он сразу высказывает свои чувства.

Если погода позволяет, Коллек гоняет по городу в израильском стиле — с распахнутым на груди воротником. В декабре его можно увидеть в меховой шапке, в вязаном шарфе, наглухо застегнутом пиджаке, но никогда в пальто, ибо он передвигается очень живо, а пальто ему только мешает. Две пожилые леди рассказывали мне, как он перезаказал взятое ими такси. Только они попросили шофера довести их до Старого города, как из отеля «Кинг Дэвид» вышел массивный толстяк, уселся рядом с шофером и безапелляционным тоном назвал адрес, нужный ему. Одна из спутниц была крайне рассержена таким поступком, а вторая рассмеялась. «Во всяком случае, он увез нас недалеко», — сказала она. Мэр куда-то опаздывал по делам и в такой ситуации не допускал никаких исключений. Коллек, который может быть экстравагантно вежливым

человеком, иногда превращается в грубого медведя. И все же в мире не так уж много мэров, которые проявляют личную заботу о нуждах своих избирателей.

Пожилой Фрейденталь, владелец магазина канцелярских принадлежностей «Графо» , рассказал мне, как городские власти, решив расширить проезжую часть за счет тротуара, установили светофор прямо возле входа в его магазин, и покупатели должны были протискиваться бочком. «Я тут же отправился к мэру с жалобой. И как вы думаете, что он предпринял? Он тут же надел шляпу и отправился вместе со мной, чтобы провести личную инспекцию на месте. Он согласился со мной, считая, что было принято неверное, просто ужасное решение, и пообещал перенести светофор». Да, в наш век общественных отношений такое поведение может быть воспринято скептически. Но я делаю над собой усилие, чтобы не огрублять свое собственное восприятие. Совершенно справедливо, что иногда все выглядит не так, как предстает нашему взору. Но ведь иногда все выглядит именно так, как есть на самом деле. Просьба Фрейденталя была удовлетворена, а светофор перенесли на другое место.

Тедди Коллек любит Иерусалим — это не отрицают даже его противники. Христиане и арабы могут не принимать правления Израиля, но они полностью удовлетворены работой администрации Коллека; не получив голоса арабов, Коллек вряд ли был бы избран мэром на второй срок. В шутку его даже называют одним из арабских политиков. У него превосходные отношения с мусульманскими религиозными руководителями. Коллек просто обожает обращаться к церковным деятелям, называя великолепные звучные титулы. Он говорит: «Ваше Блаженство» — и радостно улыбается. Все это — скорее всего отзвуки Австро-Венгерской империи, врожденное чувство уважения к традиции и иерархии. Как бы там ни было, это страшно нравится Коллеку. Ему доставляет огромное удовольствие возможность поприветствовать греческого патриарха. Такие же чувства, надо сказать, испытываю и я. Патриарх — старец с дремучей бородой, чуть спотыкаясь подходит к нам. Он с чувством, тепло целует Коллека в обе щеки. Усаживается в удобное кресло по левую руку престола. Нам приносят чашечки с кофе, стаканчики с семизвездным греческим брэнди. Мы оживленно беседуем по-французски и английски. «Его Блаженство» заметно устал. Он только что вернулся после бесед с епископом Аммана. Кажется, папа предложил единую дату для соблюдения Пасхи обеими Церквами, и греческий епископ, судя по всему, готов принять такое предложение. Патриарху явно неприятно, что Римская Церковь старается представить себя в глазах общественного мнения единственной великой представительницей христианства. Рядом стоит фотография патриарха, на которой он изображен с папой, когда тот прибыл с визитом в Иерусалим. Отпуская особенно острое замечание по поводу этих пасхальных приготовлений, патриарх поворачивается лицом к фотографии, словно желая удостовериться, какой эффект производит его аргумент на главу римско-католической церкви. Узнав, что моя супруга Александра христианка, патриарх вручает ей маленький золотой крестик. Когда он застегивает цепочку у нее на шее, Коллек, видимо, чувствуя себя неловко, спрашивает: «Вы ничего не имеете против?» Конечно, нет. Меня развлекала эта сценка, но мне вовсе не нравится забота, проявляемая Коллеком в отношении чистоты моих религиозных чувств.

Как и у тысячи израильтян, у Коллека напряженные, сложные взаимоотношения с окружающим его внешним миром. Мне часто кажется, что жизнь в этой крошечной стране — мощное стимулирующее средство, но лишь самые благочестивые могут быть удовлетворены тем, с чем им приходится сталкиваться в Израиле. <...>

В Иерусалим и обратно...35

Двойные жалюзи на окнах все же не могут удержать лучей яркого утреннего солнца. Я просыпаюсь и отправляюсь на кухню, чтобы поставить на плиту чайник. В длинных коридорах гостиницы «Мишкенот Шеананим» растут цветы, отбрасывающие тень. Окно на кухне выходит в небольшой садик, — скорее, это террариум со стеклянными стенами, без крыши. Цветы в нем — экзотические «райские птички», слишком яркие. Дверь в номер открыта, а мы с Шахаром сидим за столом, пьем чай и смотрим через Геином на гору Сион. Шахар утверждает, что воздух Иерусалима благотворно воздействует на интеллект, — в это верил один из великих раввинов, — и он упоминает о псалме, воспевающем светлые одежды Господа. Все это можно воспринять всерьез, находясь здесь, в Иерусалиме. Один из персонажей удивительных рассказов Исаака Башевиса-Зингера смотрит на небо и говорит: «Нет — это не обычный хамсин, это пламя с Синая. Небо над головой — это не просто атмосфера, это — небеса с ангелами, серафимами, Богом». Вот перед вами еврейский трансцедентализм, выраженный, правда, с иной точки зрения. У Зингера получается так, словно в определенный момент в его рассказе чья-то невидимая рука нажимает пружину. Я вообще-то склонен подавлять такое воображение. И все же я тоже чувствую, что свет Иерусалима обладает очистительной силой, фильтрует кровь и мысли; я вовсе не запрещаю себе думать о том, что этот свет может оказаться верхней одеждой Господа.

Я подхожу к окну и смотрю в направлении к Иудейской пустыне. Различаю не столько землю, сколько фигуру какого-то громадного существа. Почва там серая. Далекие маленькие домики тоже серого цвета. Если оставить в покое барьеры рациональности, я чувствую, что могу с л ы ш а т ь гору Сион, не только видеть. Я исследовал эту гору. На ее вершине стоит церковь в окружении лесов. Каменщики трудятся над ее стенами. Здесь много каких-то монастырских построек и великое множество могил (сотообразный нижний горизонт почвы в городе усеян костьми). На пыльных тропинках можно увидеть обезьян, редко — верблюда. Стена шестнадцатого столетия в Западной части города заканчивается и упирается в узкую мощеную дорогу. Не вижу никаких причин, указывающих на то, что эта гора обладает голосом, издает звук, слышимый только для того, кто наблюдает ее через долину. Но о чем она говорит? Вероятно, это тот мир, которого лишили тайны, заставляет ныть современное сердце и увеличивает внушаемость. В поэзии такая внушаемость — радостный гость. Если же она возникает не тогда, когда это нужно (в рациональном контексте), то, значит, пора вызывать полицию; такая психологическая полиция выдворяет из вас преступный «анимизм». И вот ваша уважаемая сухость восстановлена. Тем не менее, я никогда не забуду: гора говорила со мной.

Я вхожу в один мощенный плитами дворик в греческом квартале и вижу, что он покрыт виноградной лозой. Единственный корень, из которого растет это широко раскинувшееся, мощное дерево, возвышается из маленького колодца, расположенного на несколько футов ниже плит. Свет пробивается через его листву. Сегодня мне не хочется идти дальше. Такое же чувство возникло у меня, когда я посетил армянскую церковь и старый библиотекарь показал мне собрание манускриптов. Он объяснил, что под полом церкви находится древний резервуар с водой, который обеспечивает такую влажность в помещении, которая требуется для сохранения этих бесценных реликвий. Как и тогда, меня просто подмывает сесть и замереть тут навечно, мягко чувствуя приближение конца.

Причина возникновения такого желания ясна: она объясняется контрастом между политикой и миром. Даже самое незаметное возвращение красоты заставляет еще сильнее почувствовать, как глубоки наши социальные раны, как

больно постоянно думать об агрессии, защите, сверхдержавах, дипломатии, терроризме, войне — и больше ни о чем. Такие заботы низводят искусство до нуля. Они подвергают опасности даже самые простые проявления эстетического опыта, возможность реагировать на то, что философ Дэвид Уайт Пролл (которого я читал, когда проходил курс философии у Елисея Виваса в штате Висконсин в 1937 году) назвал «эстетической поверхностью». Гор Видал подметил однажды в своем интервью слабость американцев к модным словечкам, и я, чтобы быть стопроцентным американцем, должен разделить с ним такое мнение, отсюда и выражение — «эстетическая поверхность». Но Пролл имел в виду повседневную жизнь, обычный опыт, чашку кофе или складки гардины, ведро, подставленное под жерло водосточной трубы: «Долгое, любящее созерцание ароматов, цветов, форм, благоуханий». <...>

Я закрываю дверь балкона, выходящую на гору Сион, и поднимаюсь вверх к стойке администратора за утренними газетами. Наш отель находится на холме, и гостиничный холл расположился прямо над нашим номером. За конторкой стоит Анни. Это миловидная, смуглая молодая женщина, марокканка по рождению. Она не очень счастлива в эти дни. Но угнетенное ее состояние только усиливает ее красоту. Я, конечно, ни за что на свете не скажу ей об этом. Мы обмениваемся замечаниями. Мой старомодный французский сороковых годов ее забавляет. Потом она вручает мне «Джерузалем пост» и «Интернэшнл геральд трибюн». Я бросаю взгляд на заголовки, и вдруг пленка застилает мне глаза, погружая в темноту, — сердце обрывается, падает куда-то вниз, на целую октаву или даже больше. Я забираюсь к себе в номер, чтобы узнать, что же произошло с голландскими заложниками, британскими заложниками, ливанскими заложниками, португальскими и ангольскими.

Читаю книгу, которая поглощает целиком мое внимание. От нее трудно оторваться. Это книга Люси Фогель «Александр Блок: «Путешествие в Италию», опубликованная в 1973 году. Блок пишет об одном эпизоде, который произошел с ним во время путешествия: «Я имею потребность делиться им (впечатлением) с другими. Для чего? Не для того, чтобы рассказать другим что-то занятное о себе, и не для того, чтобы другие услышали что-нибудь, с моей точки зрения, лирическое обо мне: во имя третьего, что одинаково не принадлежит ни мне, ни другим, оно, это третье, заставляет меня воспринимать все так, как я воспринимаю, измерять все события жизни с особой точки и повествовать о них так, как только я умею. Это третье — искусство: я человек несвободный, я ему служу.

Я человек несвободный, и, хотя состою на государственной службе, это состояние незаконно, потому что я не свободен; я служу искусству, тому третьему, которое от всякого рода фактов из мира жизни приводит меня к ряду фактов из другого, из своего мира: из мира искусства.

По этой причине я, как художник, имею сообщить вам, ничего не навязывая (ибо область искусства приемов навязывания не ведает), что описанное мною нисхождение под землю и восхождение на гору имеет много общих черт, если не со способом созданья, то с одним из способов постижения творений искусств. Лучшая подготовка к такому постижению — такое самочувствие, которое возникает в человеке, попавшем в край махаонов на лесной опушке или в край акведука под горой. Я не говорю, что это способ единственный; есть еще, например, также тоже очень верное; например, ряд глубоких житейских неудач и обид или сильная усталость при долгой незанятости ума. Но это способы, так сказать, отчаянные; первый же — самый естественный и самый верный.

Его надо достигать упражнениями или заслужить; упражнение над таким необычным делом в спешке нашей цивилизации сейчас едва ли кому доступно. Все теперь так торопятся».

Блок написал это в 1909 году.

Д-р З., гинеколог, которая приехала в Израиль лет пятнадцать назад и в свои семьдесят пять все еще активно трудится. Она говорит, что государственное медицинское обслуживание в Израиле совсем не облегчает ей жизнь. Ей приходится принимать по шестьдесят женщин ежедневно. Время от времени ей удается убедить молодых людей жениться на своих беременных возлюбленных. Приходится успокаивать еврейских невест, приезжающих из арабских стран, которые горько жалуются на то, что вот уже два месяца, как они замужем, но никак не могут забеременеть. Поздно вечером З., устало взбираясь по лестнице, добирается до своей квартиры и ложится отдохнуть. После такого тяжелого рабочего дня она щелкает фисташковые орешки. Она утверждает, что они снимают усталость и восстанавливают силы.

Одна из коллег доктора З. осмотрела семерых детей одного североафриканского рабочего. «Рада сообщить вам, что все они здоровы», — сказала она отцу. Но тот был просто вне себя от гнева. «Разве я привел сюда всех семерых, чтобы узнать, что они все здоровы и у них ничего нет? Нет, я привел их сюда лечиться». Он схватил стул и замахнулся на доктора. Он орал: «Ну-ка, лечи их!» Тогда она дала каждому по успокоительной таблетке. Медсестра посоветовала ей выписать сильное слабительное средство для отца. «Он этого вполне заслужил!» — настаивала она. Но доктор все же сумела побороть в себе искушение.

Из узкого окошка в здании фонда Ван Леера наблюдаю, как к крыльцу напротив, к двери разиденции президента республики, подъезжают иностранные высокопоставленные деятели. Выстроен, как полагается, почетный караул, а оркестр исполняет не самый бодрый в мире государственный гимн «Ха-Тиква». Темные, блестящие лимузины подкатывают к подъезду и уезжают прочь, а сопровождающие их мотоциклы жужжат и чавкают. Я наслаждаюсь прогулкой в Новом, — скорее новейшем городе и наношу визит в книжный магазин Герберта Штейна. Г-н Штейн — превосходный торговец старого типа, — высокий, бледный человек, весь в морщинах, с большими рыжеватыми усами. В заднем помещении его лавки лежат груды неразобранных книг на немецком, арабском, французском, английском и еврейском языках. У Штейна нечего предложить туристу, привыкшему к дешевым книжкам в бумажных переплетах. Он специализируется на исторических сочинениях, на мудрецах и магах, комментаторах Талмуда, на немецкой литературе двадцатого века, тома которой напечатаны на такой бумаге, которую нигде и не увидишь. Здесь также много книг о путешествиях, кулинарных пособий и бестселлеров моей юности — Викки Баум, Джордж Уорвик Дипинг, Эмиль Людвиг и даже Ричард Хардинг Дэвис.

Чуть позже мой друг профессор Иосиф Бен-Давид ведет меня на разбухший общественный рынок — «Сук». По пятницам он рано закрывается. Мы с профессором наблюдаем за субботней шумной сутолокой. Продукты все время дешевеют по мере того, как приближается час закрытия. Мы покупаем бананы, розы и маленькие мандаринчики, не больше обычных орехов. Бен-Давид захватил с собой авоську, куда мы складываем покупки. Этот рынок расположен всего в миле от коммерческого центра Иерусалима, но восточные и магрибские купцы придают ему особый, своеобразный, отстраненный оттенок. Мальчишки толкают тележки и кричат «Хэлло!», «Хэлло!», требуя уступить им дорогу. Ряды

закрываются, и вот появляется какая-то оборванная нищенка, начинает рыться в отбросах. Сегодня воздух в городе не отличается чистотой; он сероватого цвета, теплый и тяжело на вас давит. Мы оставляем фрукты в машине Бен-Давида и отправляемся гулять по узким улочкам. Те, под которыми расположены резервуары с водой, немного распухают посередине и чуть возвышаются, вроде кургана. Несколько парнишек гоняют мячи на маленьких, просто крохотных площадках. Во всех общинах — курдской, йеменской, польской — все заняты одним делом: стирают, подметают, прихорашиваются, что-то закалывают булавками, готовясь к наступающей Субботе. Старики в меховых шапках и длинных пальто медленно, торжественно шествуют в свои синагоги. «Все эти дома, — объясняет мне Бен-Давид, — будут снесены, так как центральная часть Иерусалима постоянно расширяется». Он отлично знает небольшие общины, ибо более тридцати лет был сотрудником министерства социального обеспечения и работал как раз поблизости — занимался реабилитацией несовершеннолетних преступников. Я уже научен собственным опытом и не желаю высказывать своего мнения по этому поводу, зная наперед его нетерпение к расплывчатым взглядам и нечетким формулировкам. Это — небольшого роста плотный человек. Взгляд его голубых глаз довольно мягок, он может быть созерцательным и даже мечтательным, но в любую секунду может полыхнуть огнем. Наши дискуссии обычно превращаются в споры, и, если он не уступает, я из-за уважения к нему всегда иду на попятный. Я прибыл из Чикаго и уеду в Чикаго; этот факт заставляет меня не лезть в бутылку. Кроме того, хотя он и выглядит внешне мягким человеком и при встрече улыбается и ласково протягивает руку, пожимая ее, я сразу чувствую твердость его ладони и силу его рукопожатия.

Мы направляемся к синагоге йеменских евреев. Первые посетители уже сняли обувь у входа — арабская традиция. Бородатые, смуглолицые, они чинно расселись вдоль стен. Видны их обтянутые чулками ноги.

Традиция требует по вечерам в пятницу чтения вслух Песни Песней, и все они читают ее нараспев, повторяя длинные строки в интонации, не свойственной для европейцев. Такие песнопения напоминают коллективные повторения слов за учителем, когда проходишь мимо окон арабских школ.

Йосеф Бен-Давид очень много знает о жизни евреев, выходцев из арабских стран. Он часто подчеркивает, что все они — тоже беженцы, которые оставили свои страны из-за преследований, а вся их собственность была конфискована. Все мировое общественное мнение сконцентрировало свое внимание на арабских палестинских беженцах, но об этих восточных евреях — а их насчитывается миллион — никто не вспоминает. Снова наша беседа возвращается к политике. Знакомство с достопримечательностями — дело хорошее, но наши головы разрываются от новостей, зловещих предзнаменований и различного рода спекуляций.

Бен-Давид, который внимательно следит за американской прессой, возмущен: «Судя по всему, конгресс спятил из-за ангольского вопроса. Он ограничил полномочия президента в проведении внешней политики. Выражая свое нежелание оказать ему поддержку, он тем самым поставил русских в известность, что они могут делать там все, что угодно. Все это осуществляется в обход главы исполнительной власти. Что это, политика умиротворения? У Соединенных Штатов больше нет внешней политики. Их поведение недостойно великой державы. Вашингтон выпустил из рук контроль над ситуацией». Все, что мне говорит Бен-Давид, сводится к следующему: само выживание Израиля зависит от Америки, а американская внешняя политика бьет отбой. Все внимание находящегося в агонии Израиля сосредоточено на развитии событий в Соеди-

ненных Штатах. Такое сконцентрированное внимание становится каким-то проявлением магии, чтобы предупредить грядущую катастрофу.

От конгресса Бен-Давид переходит к Киссинджеру: «Русские воспользовались созданной им разрядкой, чтобы изменить баланс сил в свою пользу. У него нет никакой реальной политики». И далее: «Что это за человек? Я думаю, у него есть вкус только к изысканному обществу. Он один из тех, кого вы называете прекрасными людьми».

Мы заглянули еще в несколько синагог, но моя субботняя радость вмиг исчезла. Бен-Давид испытывает самые искренние чувства к этому кварталу, мирной атмосфере Субботы, хотя совершенно ясно, что мысли его далеко отсюда, он думает о русских и арабах, о нефтедолларах, о безразличии Европы, об американской непорядочности и легкомыслии.

Я отправляюсь домой и дарю Александре букет роз. Все они — темно-красного цвета, почти черные. Цветы ужасно понравились Александре. <...>

Давид Фархи говорит, что Садат во время своего визита в Америку заявил о своей арабской лояльности и представил себя как супер-араба, чтобы избавиться от любых подозрений. Арабский мир обвинил его в мягкотелости. Сделав такой жест солидарности, он теперь может от всего отказаться и заниматься только внутренними египетскими проблемами, — перенаселенностью, экономическим застоем, болезнями. Профессор Еврейского университета Михаэль Брехер, израильтянин канадского происхождения, удивительно разговорчивый и отлично информированный обо всем человек, соглашается с Фархи и добавляет, что режим Садата находится в большой опасности. Русские сильно на него рассердились. Египетские студенты, многие из которых были младшими офицерами во время войны 1973 года, открыто критикуют Садата. Предпринятый в чисто пропагандистских целях пересмотр событий минувшей войны их не прельщает. Они знают, как плохо ими руководили и сколь быстро Израиль воспрянул от поражений, нанесенных ему в первый день войны. Если русские задумают осуществить государственный переворот,они могут для этого набрать сколько угодно рекрутов из числа озлобленных студентов.

За таким обменом мнениями стоят картины сонных городов, разбросанных по берегам Нила, и народа, страдающего от недоедания и страшных болезней. Мир, с которым предстоит мириться, это тот мир, в котором все, что прежде было терпимым, становится невыносимым...

Лев Толстой говорил А.Гольденвейзеру, который часто играл ему сочинения Шопена: «Может, оттого я нездоров, но иногда я просто прихожу в отчаяние от того, что происходит повсюду в мире: новая форма присяги, отвратительное воззвание о призыве в армию студентов, «дело» Дрейфуса, положение в Сербии, все эти ужасы болезней и смерти в живых, как ртуть, трудах Ауэрбаха... Я просто не могу понять, как человечество может продолжать так жить, когда оно видит все эти ужасы вокруг себя».

Разве мы ошибаемся, полагая, что испытываемые нами сегодня ужасы пострашнее? Сегодняшняя утренняя газета сообщила, что в Аргентине в канаве обнаружено девять трупов; у них были связаны сзади руки, и пуля прошла через затылок. Десятки людей убивают на улицах Бейрута ежедневно. Террористы захватывают заложников в Лондоне и взрывают бомбы в Белфасте. Будучи американцем, я сам решаю, думать мне о всех этих мерзостях или не думать, я просто могу не разворачивать утреннюю газету. Но в Израиле ни у кого нет такого выбора. Здесь статистика насилия пополняется ежедневно. И ничего нельзя пропустить, не заметить. Иерусалимец, попавший на крючок политики,

не может позабыть о Джеральде Форде и Китае, Рональде Рейгане и Калифорнии; он просто обязан внимать утверждениям Гарольда Вильсона в его речи о том, что Англия еще представляет собой такую силу, с которой необходимо считаться. Он не может просмотреть последние изменения в проведении стратегической линии Французской коммунистической партии или политические кризисы в Португалии и Анголе; он должен понимать особенности мышления мусульман и евреев диаспоры. Израильтяне, по существу, должны постоянно хранить в памяти четыре тысячи лет еврейской истории. Мир оказался у них в объятиях, и им предстоит совершать какую-то невероятную балансировку. Можно иначе выразить ту же мысль: ни один народ в мире не должен так упорно работать на всех уровнях, как этот. Менее чем за тридцать лет израильтяне построили современную страну, — у них есть дверные ручки и петли, слесарное оборудование, электрические батареи, камерная музыка, самолеты, чайные чашки. Это одновременно государство — военный гарнизон и культурное общество как спартанского, так и афинского пошиба. Оно пытается сделать все на свете, понять все, добиться достатка во всем. Все ресурсы, все способности людей напряжены до отказа. Их неослабная мысль об окружающем мире идет рука об руку с усилиями, предпринимаемыми в целях обороны. Эти люди самым активным образом, добровольно вовлечены в ход мировой истории. Я просто не знаю, как они могут выдержать такую нагрузку.

Прогулка с Шоломом Каном, преподавателем одного из факультетов Еврейского университета, по Старому городу. Он показывает мне греческую часть христианского квартала, и мы с ним заходим в маленькую францисканскую книжную лавку. Продавец — араб-христианин, он более пятидесяти лет прослужил в турецкой армии и любит поговорить о тех варварских временах. На витринах выставлены переводы средневековых итальянских рассказов о путешествиях.

— А где отец Хоад? — спрашивает его Кан, пытаясь навести справки о переводчике этих сочинений.

— Он уехал в Рим и три года назад умер.

— Ах, как жаль! Это был прекрасный парень, — искренне сочувствует Кан, который и сам — очаровательный человек. Но, как ни верти, в жизни такое случается. Появляешься на свет в Ирландии, овладеваешь ремеслом, переводишь сочинения средневековых итальянских путешественников в Иерусалим, отправляешься в Рим и там умираешь.

Кан очень хочет показать мне древние бани в нижней части Старого города, и мы идем туда переулком, где дети катаются на обезьянах, гоняют резиновые мячи, визжат, спрыгивают с повозок и разжигают маленькие костры в ведрах, чтобы погреть окоченевшие руки. Леденящий восточный ветер дует над арками крутых улиц. Древние камни холодны как лед. Лучи солнца редко достигают этих улиц. Шумная компания суданских ребятишек орет что есть сил, подавая советы шоферу, который пытается задом въехать в узкую улочку, поцарапав при этом арабскую надпись иссохшего фонтана, — вероятно, продарок какого-то султана одиннадцатого века. Кан осведомляется о том, как пройти к турецким баням. Продавец сладостей, который разрезает на части громадный вязкий торт, очень похожий на плоский жернов, кажется, оскорблен таким вопросом. Нет, его дело — продавать пирожные, а не давать разъяснения. Мы попадаем под своды, где сидит меняла с шеей, как у черепахи, он говорит нам, чтобы мы немного вернулись назад, а затем повернули налево. Он предлагает мне заплатить за каждый доллар на два фунта больше официального курса. Я терпеливо начинаю объяснять ему, насколько я щепетилен в подобных делах, и он не скрывает

своего мнения обо мне. Я — большой глупец. Это истинная правда. Если бы я что-то соображал, то не стал бы поучать человека, чья профессия связана с деньгами. Но тут ничего не поделаешь, — любой человек, у которого есть доллары, обычно глупец. Такова жизнь. И вновь мои мысли уносятся к отцу Хоаду, который отправился в Рим и там умер. Мы прошли аркаду и пытаемся навести справки у небритого крепыша в арабском головном уборе и стоптанных туфлях — владельца лавки, который занимается продажей бракованных изделий из зеленого стекла. Его лицо оживляется, когда до него доходит суть вопроса. О, конечно, он знает, как туда пройти. Вступая с нами в оживленную беседу, он предлагает нам выпить с ним кофе. Затем он демонстрирует нам мятую цветную фотографию своего сына, который изучает медицину в Чикаго, и мы выражаем, как и должно, свое восхищение. Я сообщаю ему, что я — из Чикаго. Он просто в восторге. Фотография, захватанная пальцами любящих родственников, передается из рук в руки. Ну, теперь всех нас связывают новые узы дружбы. В этом маленьком тупичке, где мы стоим, мы видим обычные для этих мест отбросы — апельсиновые корки, человеческие экскрименты, яичную скорлупу и крышки от бутылок.

Чуть ли не обнимая нас указующей рукой, владелец лавки торжественно провожает нас до Хамама. И вот перед нами искомое место, там за углом, чуть ниже оштукатуренного и окрашенного в розоватый цвет проулка, который виляет то в одну, то в другую сторону. Если сегодня женский день, то нам придется убраться. С уважением относясь к женской целомудренности, наш друг осторожно открывает дверь и поднимает вверх руку в знак предупреждения. Он кричит что-то в гулкое пространство, а затем машет рукой, приглашая нас присоединиться к нему. Мы входим в просторную, увенчанную куполом, круглую залу, которой, вероятно, тысяча лет. «Нет, тысяча четыреста», — утверждает наш гид. Из-за уважения к себе я настаиваю на своем и сбрасываю несколько столетий с названной им цифры. Но кого долго волнуют даты? Кратковременный идиотизм скептического озирания проходит, и вот я, к своей радости, оказываюсь в древней, прекрасной жаркой и пахнущей чем-то кислым камере. Диваны, заправленные какими-то тряпками и ветхими простынями, стоят вдоль стен. Они предназначены для отдыха клиентов. Рваные полотенца висят на веревках над головой. Эти веревки, пересекаясь, уходят все выше и выше и растворяются где-то в сумраке галерей. Одна арабская, очень старая женщина лежит на диване, вытянув одну из своих коротких ножек. Она делает какой-то жест, связанный с восточной куртуазностью. В этой увешанной, словно знаменами, полотенцами камере люди обычно отдыхают после утомительного мытья. Мы проходим через несколько парилок, в которых сейчас нет ни души. Наш арабский друг говорит: «Стоит вам провести здесь только одну ночь, и вы станете совершенно другим человеком». Охотно этому верю. Банщик скребет пол упругой щеткой. Он похож на супруга древней одалиски. Это крепко сбитый человек невысокого роста с кривыми ногами и широкой круглой спиной. Он так сильно наклонился, что, если бы он захотел посмотреть на нас своими темно-коричневыми глазами моржа, ему непременно пришлось бы высоко вскинуть голову. Его серебристая щетина и цвет тела, цвет тела человека, постоянно проходящего через испытание жарой и паром, — приятны на вид. «Но я хотел вам показать другое место. Оно куда древнее», — с расстроенным видом говорит Кан. Но мне и здесь удивительно приятно, и я не желаю ничего лучшего. Когда мы выходим из камеры, то видим, как старуха о чем-то оживленно болтает со своей подругой, громадной, замечательно толстой женщиной, которая присела на краешек ее дивана. Стоя на холодных булыжниках мостовой, мы благодарим нашего гида

в стоптанных туфлях и прощаемся с ним. Он возвращается к себе в лавку к своей щербатой стеклянной посуде. «Наверно, нам придется отказаться от посещения более древней бани», — говорит мне Кан. Но он компенсирует эту утрату своим рассказом о Максе Нордау.

Хаим Гури, поэт и журналист, сильный на вид человек, которому чуть больше пятидесяти, с черными вьющимися волосами на голове и добродушным, почти квадратным лицом — истинный симпатяга. На нем «водолазка» нежно-зеленого цвета. Он рассказал мне об одном случае, когда во время Шестидневной войны израильские солдаты забрали автомобиль «пежо», принадлежащий одной влиятельной арабской семье. Гури отнял его у мародеров и вернул владельцам. Члены этой арабской семьи горячо его благодарили за благородный поступок, а хозяйка дома даже пригласила его пообедать. «Я вам очень благодарна за автомобиль, — сказала она ему, — но после того, как вы его нам вернули, один из обиженных вами солдат явился сюда и забрал у меня драгоценности, которые подарила мне мать на мою свадьбу». Гури пообещал ей сделать все, что может. В это время он заметил, что какая-то голландка, сидящая за столом напротив, широко заулыбалась. Позже она объяснила ему, почему ее так позабавил этот инцидент.

— Когда началась война, — сказала она, — мы в Амстердаме начали собирать продукты и одежду для еврейских беженцев, которые, как мы считали, неизбежно должны были появиться в нашей стране. Ведь арабы дали твердое обещание всех вас уничтожить. Мы бы, конечно, не удивились, если бы сотни тысяч новых беженцев прибыли в Западную Европу. И вот перед вами эта женщина плачется, что у нее сперли какие-то узлы. А вы перед ней извиняетесь. Ведь немецкие солдаты мародерствовали в наших домах в Голландии. Немцы у русских... Русские у немцев...

Тем не менее Гури продолжал оказывать посильную помощь этой арабской семье. Его попросили помочь возвратить какую-то семейную собственность — дом возле Яффских ворот. Он считал, что подружился с этими арабами, и вот когда один французский журналист попросил Гури познакомить его с какой-нибудь арабской семьей, Гури организовал встречу с ними. Француза пригласили на обед. За столом дочь хозяйки, взрослая женщина, разоткровенничалась и заявила (хотя Гури утверждает, что она вся тряслась от страха): «Мы никогда не смиримся с присутствием евреев на нашей земле». Гури был просто шокирован таким откровением.

Я не сказал, что я думаю по этому поводу, хотя мне все было ясно как американцу и еврею. Он захотел повлиять на своих арабских друзей добротой. Идея ясна — выяснить отношения, накормить голодных, построить школы и больницы, нанять рабочих за высокую, непривычную для них зарплату, возвратить украденные автомобили и ожерелья и таким образом завладеть их сердцами. Но эти арабы играют в старую игру Эльзаса-Лотарингии, где роль Пруссии принадлежит Израилю, а сами они смело дрожат от страха, подобно старику- учителю в патриотическом рассказе Доде «Да здравствует Франция!» <...>

У меня состоялась беседа с профессором Вербловски о его книге, посвященной Иосефу Каро, автору «Шулхан Арух». Каро также оставил потомству свои воспоминания под названием «Маггид Мейшарим» («Провозвестник праведности»). «Маггид» — это дух, который разговаривал «в тишине и одиночестве» с рационалистом Каро, — голос, который звучал у него в сознании. Маггидизм в XVI-XVII веках широко воспринимался каббалистами, которые верили, что

демоны или злые духи входят в человека и заставляют его бесноваться, но и ангелы могут войти в человека и говорить с ним на языке мудрости, «...и тогда пробудишься ты после сна среди мыслей Мишны... и уста твои задрожат... ибо я Мишна, говорящий твоими устами». Сидя за стаканчиком, я спросил профессора Верблоски, хрупкого, красивого человека, верит ли он сам в голос Мишны или в прямое общение с божественным духом. Как историк религии он воспринял мой вопрос со всей серьезностью, но сам он оказался рационалистом. В конечном итоге, по его мнению, такие явления будут подвергнуты рациональному исследованию. Я должен был прежде догадаться, что этот гибкий, застегнутый на все пуговицы моложавый профессор с гвоздикой в петлице, конечно, согласится с современным подходом к данной проблеме. Возвращаясь к его книге, я понял, что он на самом деле — современный профессор, который говорил о Маггиде Каро как о проявлении «особой техники спонтанно проявляемого речевого, интеллектуального и высокоспециализированного теоретического спекулятивного материала без сознательных мысленных усилий». Да, мечта профессора — постоянный речевой поток на высочайшем уровне сознания! Какого еще дара может ожидать интеллектуал от ангела? Только беседы — чудесной, вдохновенной, глубокой беседы.

Мы с Александрой с радостью приняли предложение четы Верблоски разделить с ними субботний обед. Все благословения и молитвы, связанные с этим обрядом, тщательно разработаны. Мне еще никогда не приходилось слышать что-либо более элегантное, чем тот еврейский язык Верблоски, на котором говорят евреи-сефарды. Трое их детей-подростков, две дочери и сын, прислуживают нам за столом под наблюдением матери. Профессору, как того требует патриархальный обычай, подают первому. Его жена невероятно довольна всем, что говорит и делает ее муж; с первого взгляда видно, что она без памяти в него влюблена — редкое зрелище, скажу вам, в наш век озлобленных женщин. И кого же оставит равнодушным то удовольствие, которое получает миссис Верблоски от присутствия за столом супруга, восседающего на своем большом стуле за трапезой?

Вероятно, в моем сердце все же есть феодальный уголок. Я испытываю слабость к иерархии. Помню, какое глубокое впечатление произвел на меня день, проведенный в Токийской школе борцов «сумо». Мастера «сумо» — эти добродушные глыбы, наполненные до краев жизненной силой, блестящие черные волосы которых завязаны пучком на затылке, — важно восседали перед большими котлами, распределяя кипящую похлебку среди своих учеников, которые сидели на корточках кружком и получали еду в полном соответствии со своим рангом. Мастер одной рукой мог схватить самого сильного из них за шею и вышвырнуть с татами. И вот эта несравнимая ни с чем рука, густо усеянная татуировкой вокруг суставов, размешивала похлебку из водорослей, рыбы, выварки соевых бобов и каких-то неизвестных беспозвоночных, от которой шел ароматный, дивный запах. В этой руке большой поварской черпак казался кукольной ложечкой.

Не думаю, чтобы профессору Верблоски субботняя обеденная церемония нравилась больше, чем мне. Конечно, он не виноват, что мне в голову лезут странные мысли, но он напомнил мне одного маленького мальчика по имени Джэки в первом классе нашей Девонширской начальной школы в Монреале, который однажды заставил меня окаменеть от удивления, съев у всех на глазах сливу. Он вытащил ее из своего портфеля. Вначале он основательно потер ее о свои шорты, затем, чувствуя прилив счастья от того, что у него есть слива, от своей предусмотрительности, которая позволила ему захватить сливу с собой,

от самого себя, он смачно впился в неё зубами. Вот тогда я открыл, что такое талант. Только представить себе, какая простая, оригинальная и потрясающая идея пришла ему в голову — съесть сливу на уроке! Он был страшно доволен, и я был рад за него. Я был просто в восторге. Такое же впечатление на меня произвел профессор Вербловски. Во всяком случае, такой была моя неподавляемая, а скорее желанная ассоциация.

Но суть этого вечера, а у нас в Иерусалиме было много подобных вечеров, заключалась в том, что ни одна ортодоксальная семья не соблюдала с такой строгостью Субботу, как Вербловски. Я прочитал лекцию профессора «Суббота в еврейском сознании»; он говорит о Субботе как о «ценнейшем даре Талмуда» и добавляет: «Я употребляю сейчас традиционный язык теологов, а не свой собственный».

Среди израильтян много неверующих людей, но очень мало таких, которые не вели бы религиозной жизни. В конце концов, евреи живут в Израиле не только потому, что они — сионисты, есть и другие причины, и некоторые из них либо косвенно, либо прямо связаны с религией. Несправедливости, которые были допущены евреями в отношении арабов, можно скорее оправдать иудаизмом, всей еврейской историей, а не только одним сионизмом.

Разговаривал с Деннисом Силком. Я читал его стихи и пьесы для театра марионеток. Они возбудили меня, я почувствовал себя в приятном расположении духа, вдруг захотелось отправиться в Старый город. Мы вошли через Дамасские ворота и легким, неторопливым шагом пошли по сводчатым улицам. Меня очаровывает атмосфера базара. Мне ужасно приятно видеть, как высовывается зад осла из ночлежки, из лавки, кухни или пекарни, или заведений, где вяжут корзины. Прямо на улице портные работают на старинных машинках «Зингер», отчаянно нажимая на педаль. Мне нравится глазеть, как бродят туристы, как они пощипывают струны своих инструментов в узких проходах. Ожерелья, сувениры, глиняные лампы, пояса, пустые подушечки (вы покупаете их, забираете и набиваете дома сами), обшитые овчиной шлепанцы, широкополые шляпы, медные древности и черепки. Все это разложено прямо на земле — настоящий рай для старьевщика. Деннис ведет меня в игорный дом, который расположен в кофейне, где люди громко хлопают большими картами по столу и сражаются в биллиард. Игроки — молодые люди, подтянутые, смуглые, неулыбчивые.

Мы направляемся к учреждению, «укрепляющему тело», — на Via Dolorosa. Я называю его так, а не атлетическим залом, потому что здесь на самом деле укрепляют, «конструируют» своё тело.

Из атлетического зала направляемся в квартал, который находится рядом со сводом Церкви Гроба Господня. К нам подходит какой-то чернокожий человек в черных одеждах, оказывается, он член крошечной эфиопской общины. Наступил вечер, и становится особенно сыро; побродив немного вокруг, мы отыскали небольшую лестницу и спустились вниз. Деннис объясняет мне, что сто десять лет назад копты, соперники эфиопских христиан, сумели заменить замок на дверях в церковный дворик, и в результате целое столетие чернокожие люди должны были добираться в храм Гроба Господня кружным путем. Только после Шестидневной войны эфиопам удалось поставить новые замки и таким образом восстановить путь через ворота. У них есть две церквушки с примитивными картинами на стенах, разукрашенных ярко-красными, зелеными и желтыми полосами; тут же висят портреты седобородых патриархов, сурово взирающих на нас. Из теней появляются, материализуясь, священники в черных

шляпах. Сотни лет назад они впервые появились здесь и с тех пор упрямо цепляются за свой клочок земли на этом святом месте.

Кое-какие странности об Израиле: из-за того, что люди здесь много думают, из-за протяженности и глубины их истории этот осколок страны, а не страна, иногда мне кажется весьма внушительных масштабов. Какие-то измерения разума, судя по всему, входят в пространство.

Снова жить в Иерусалиме. Это все равно что почувствовать восстановление Храма. Но никто себя не чувствует спокойно на Сионе. Всемирный кризис накладывается на кризис, переживаемый государством, и оба они отражаются на проблемах внутренней жизни.

Израильтяне чувствуют давление, оказываемое на них противником, так сильно, как, вероятно, это чувствовали псалмопевцы, и кажется, иногда готовы вместе с ними воскликнуть: «Господи, раздроби зубы во рту их!» И все же, несмотря ни на что, они стараются быть благоразумными и терпеливыми.

На этом клочке земли — на этой бесконечно малой частице по сравнению с окружающими ее территориями — замотанный, усталый народ наконец может отдохнуть, но, увы, отдых здесь невозможен. Люди здесь часто спрашивают себя, почему антисемитизм обладает таким таинственным проникающим свойством. Даже китайцы, которые почти ничего не знают о евреях, записали себя во врагов Израиля. Да, конечно, у евреев множество недостатков, но они не отказались от старых добродетелей (ну, а что сказать о новых? да и что это такое?). Но в этот трудный час весь цивилизованный мир, кажется, устал от цивилизации, устал он и от евреев. Он больше не желает ничего слышать о выживании. Но ведь существуют евреи, которые вновь оказались на грани полного уничтожения и, как всегда, упрямо задают один и тот же вопрос: что намерена в этой связи сделать «совесть мира»? Я понимаю, почему Голда Меир после Октябрьской войны задала своим коллегам-социалистам из Западной Европы такой вопрос: «Вы что, серьезно толкуете о социализме?» Если они говорили об этом всерьез, то как они могли бросить на произвол судьбы единственную социалистическую демократию на Среднем Востоке? А «цивилизованный мир»?.. Разве не устал он от тех идеалов, которые Израиль просит уважать? Эти идеалы были разрушены до основания фашистской Италией, Россией, Германией. Голокауст можно рассматривать как назидательный урок или давно замышляемый проект в философском обрамлении такого определения: «Вы, религиозно настроенные, просвещенные люди, вы, христиане, евреи и гуманисты всех мастей, вы, свято верующие в свободу, человеческое достоинство и просвещение, — все вы считаете, что знаете человека... Нет, вы его не знаете. Мы вам продемонстрируем, что такое человек и кто вы сами. Только посмотрите на наши концентрационные лагеря и крематории и признайтесь, сможете ли вы открыть свои сердца этим миллионам людей и позаботиться об их судьбе?»

Становится вполне очевидно, что гуманистическое, цивилизованное, нравственное воображение этого воспринять не может. Столкнувшись с таким «метафизическим» опытом, оно впадает в отчаяние, а затем в летаргический сон.

В Израиле, куда ни пойдешь, кажется, что все тебе знакомо. Эти глаза, носы, выражения лиц, позы, жесты. У профессора Харкаби очень много общего с моим кузеном Луи Лашином. Но можно подойти к этому вопросу и с другой стороны: является ли этот лысый человек с крупной грудью и глубоким, сильным голосом менеджером фабрики в Назарете или же он — сын доктора Тира, который стал капитаном торгового флота Соединенных Штатов? Постепенно начинаешь подозревать, что целая свита духов орудует над ограниченным числом типажей тел и лиц.

Такой опыт одновременно и приятен и неприятен. Мне хорошо знакомы все эти глаза, веснушки на щеках, губы, пальцы, и все же такое сходство вводит в заблуждение. Когда встречаешь членов кабинета министров, которые выглядят как агенты какой-то страховой компании из Монреаля или преподаватели старших классов школы в Бруклине, становится не по себе. Потому что у меня абсолютно иное представление о главах государства. Они далеки, недосягаемы, как, например, Вудро Вильсон, они смотрят невидящим глазом поверх голов толпы, как Франклин Делано Рузвельт, они исполнены какой-то особой исторической сути, как генерал де Голль.

Правда, Бен-Гурион внешне был похож на руководителя. Голда Меир, когда я впервые встретился с ней в 1959 году, хлопотала над своими внуками, но даже в такой домашней обстановке она казалась великим человеком. У премьер-министра Рабина нет такой внешности, но может появиться, если он пробудет на своем посту достаточно долго. Почему политические лидеры прекратили придавать выражению лица классический стиль? У Джона Ф.Кеннеди, несомненно, была своя внешность, но Линдону Джонсону, казалось, она вовсе не нужна, — он сам был ею. Что касается Ричарда Никсона, то забота о своей внешности, судя по всему, не сильно тревожит его воображение; его взгляд ничего не выражает; кажется, что он оставляет его без присмотра, а сам удаляется всем существом в душевные глубины, где все на самом деле и происходит. Я вспоминаю других политических деятелей, которых мне довелось встречать, — Вилли Брандта в подаренной ему шляпе Стетсона, стоящего возле быстрого ручья в Колорадо, где водилась форель, или неопрятные волосы Гарольда Вильсона и его вялое рукопожатие. Французы, по-моему, никогда не преодолеют своей напыщенности. Мне ужасно хотелось повидать Сент-Джона Пёрса, известного дипломата и поэта. Называя свое имя, он по-шамански таращил глаза и вел себя как колдун; его взгляд, казалось, просто ввинчивался в маску покоя на моем лице. Он, словно сжатая пружина, постоянно напоминал о своем присутствии. Но даже французы начинают внешне походить на остальных. Один израильский руководитель назвал в моем присутствии Валери Жискар д'Эстена какой-то «компьютеризованной» личностью. «Он технократ с головы до ног, и это сразу бросается в глаза». Говорят, что Леонид Брежнев очень озабочен своим внешним видом, однажды он якобы спросил американского дипломата: «Вы на самом деле считаете, что у меня грубое лицо?» Такие вот разговоры слышишь, стоит тебе выйти из-за стола и окунуться в глубину жизни.

Черты характера, присущие премьер-министру Рабину, куда более банальны. Когда мы с Александрой встретились с ним за обедом, он показался нам каким-то частным лицом, попавшим в сложную общественную ситуацию. Этот крепкий, среднего роста человек, с лысеющей головой на мощной шее кажется человеком интеллигентным, смелым, готовым ответить на любой вызов; такое обязательство, конечно, не облегчает его жизнь. Он говорит на правильном английском, но в разговоре у него проскакивает множество израильских гортанных звуков. Вероятно, у него не столь ответственное выражение на лице,

но все же признаки этого сразу заметны. Это чувствуется и в его доме, хотя резиденция премьера не слишком помпезна; если бы не охрана с пулеметами, можно было бы подумать, что находишься в каком-то уютном домике в Вашингтоне или Филадельфии. Мы сидим с Рабином, супругами Эйриан и пьем «черри-брэнди». Амос Эйриан возглавляет канцелярию премьер-министра. Потом к нашему столу подсаживается сын Рабина со своей подружкой. Он — солдат и, вероятно, прибыл домой в отпуск. Молодые люди за столом хранят молчание. Жена премьер-министра весьма миловидная, смуглая женщина и большая любительница поболтать. («В ней есть что-то классное», — прокомментировала после визита моя Александра.) Но она знает, что мы пришли послушать не ее, а ее супруга, премьер-министра Израиля.

Но что может лидер самой неспокойной страны в мире рассказать своим американским друзьям? Можно быть заранее уверенным — он лишь повторит нам то, о чем уже говорил, обращаясь к общественности. Что еще ожидать от него? Хотя я не журналист, а более подверженное грезам создание, но все равно Рабин должен проявлять со мной осмотрительность.

С другой стороны, я терпеть не могу тратить время занятых людей, обремененных грузом ответственности. В этой связи мне вспоминается один анекдот о Линдоне Джонсоне, который напугал не скупившегося на лесть интервьюера, заявив: «Что за говенный вопрос вы задаете главе самого мощного в мире государства?»

Правда, Рабин не подавал вида, что я попусту растрачиваю его время. За обедом он сказал мне все, что мог. Но я пришел не за сенсацией, мое дело — наблюдать, чувствовать атмосферу, видеть, запоминать. Кажется, Рабин это понимал. Миссис Рабин также это понимала и пыталась по мере сил направлять беседу по верному руслу. У Рабина — четкие, выверенные манеры. Человек, занимающий такой пост, обязан на людях держаться уверенно, то есть нормально. Но в его положении нет ничего *нормального*. Его правительство неустойчиво, ему нужно выдерживать «ближние бои» дома, противостоять силе арабов с их нефтедолларами, русской помощью и помощью Вашингтона. Американский конгресс в настоящее время настроен произраильски, но этого нельзя сказать о государственном департаменте. Доклад заместителя госсекретаря по ближневосточным и юго-азиатским делам Гарольда Саудерса о палестинском вопросе привел в отчаяние израильтян, — они восприняли доклад как доказательство дальнейшего усиления арабского лобби в государственном департаменте, которое по тактическим соображениям получает поддержку даже от Киссинджера. <...>

Арабы, считает Рабин, не заинтересованы в территориальных уступках и никогда ими не удовлетворятся. Они считают себя хозяевами этой земли. Мусульмане относятся к евреям и христианам как к второсортным гражданам, поэтому все наши предложения бессмысленны, когда мы говорим о мире в обмен на территории. Повсюду выражают надежду, что по мере того, как арабские страны будут богатеть и модернизировать свой уклад жизни, они станут проявлять меньшую враждебность, сосредоточатся скорее на желании больше производить товаров, а не на войне. Я пропускаю это замечание мимо ушей, но я сильно в этом сомневаюсь. Можно легко проверить теорию Бегина, обратив свой взор к Ливану, где в условиях самого современного быта фанатики-экстремисты в настоящий момент убивают людей на улицах некогда цветущего Бейрута. Вероятно, приятнее и легче иметь дело с феодальными монархами, чем с оказавшимися под европейским влиянием молодыми лидерами левого толка. Рабин также утверждает, что сила арабов уменьшится, если Европа и Америка

начнут разрабатывать собственные энергетические ресурсы. А сколько времени займет этот процесс, — спрашиваю я себя. Шесть лет? Восемь? Десять? И все это время Израиль будет по-прежнему получать от Соединенных Штатов миллиарды долларов, а у них есть свои интересы в арабском мире, о которых тоже нужно побеспокоиться. Но об этом не стоит говорить Рабину, — я ведь пришел слушать, а не спорить. Поэтому я просто замечаю, что Соединенные Штаты не смогут быстро разрешить проблему с энергоносителями.

Спрашиваю у Рабина, как он охарактеризовал бы присутствие русских сил в регионе. Он отвечает, что, по его мнению, русские сеют хаос на Ближнем Востоке, желая досадить Соединенным Штатам, но стараются избегать военных действий, способных привести к мировой войне. Прямая конфронтация совсем не обязательна, — можно добиться большего, действуя и косвенным путем. Русские надеются «финляндизировать» Западную Европу. После смерти Тито они постараются проникнуть в Югославию. Им не нравится новая демократическая линия Итальянской и Французской коммунистических партий, но если эти партии захватят власть, то Соединенным Штатам придется убраться из Западной Европы и оставить Россию единственной континентальной державой. Отсюда «финляндизация». Этот термин означает, что русские завоевания не получат должного жесткого отпора. Советы не сделали в Хельсинки того, что они натворили в Праге.

К концу обеда разговор касается весьма важной темы — общественного мнения. Рабин признает, что в области «паблисити» Израиль не сумел добиться больших успехов. Я соглашаюсь с ним и напоминаю, что арабская пропаганда стала довольно эффективной за последнее время, и арабы сумели расположить к себе мировое общественное мнение. Да, здесь у них не отнимешь таланта, подтверждает Рабин, но подчеркивает, что это — не самая главная проблема для Израиля. Я не согласен.

Арабы пользуются значительной поддержкой и симпатиями со стороны левых сил. Однажды Раймон Арон утверждал, что французская интеллигенция «марксианизирована» на 80 процентов. Французской интеллигенции удалось самым необъяснимым способом сохранить свой громадный престиж и сделать это, несмотря на высказывания интеллектуалов, что сегодня Париж в культурном отношении находится на уровне Буэнос-Айреса. Накапливаемый столетиями престиж нельзя растерять за несколько десятилетий, и отношение французов к событиям в той или иной части мира нельзя сбрасывать со счетов. Во Франции, Германии, Англии и Соединенных Штатах интеллектуалы левого толка при обсуждении проблем Израиля продолжают употреблять марксистско-ленинские категории: финансовый капитал, колониализм, империализм. Арабским националистам достаточно бросить какой-нибудь антикапиталистический, антиимпериалистический клич, чтобы немедленно получить поддержку со стороны Запада. И все это происходит на фоне значительного традиционного антисемитизма во Франции и Германии. История социалистического антисемитизма, увы, довольно продолжительна и отличается мерзостью, но я весьма сомневаюсь, что старый, левый антисемитизм по-прежнему сохранился в том же объеме среди европейских интеллектуалов. Они открыто не проявляют своего антисемитизма, им достаточно, что Израиль, живущий на американские субсидии, служит целям американского империализма на Ближнем Востоке (между прочим, Сартр это отрицает). Но в Европе еще сохранились наполненные до краев резервуары симпатий, которые могут быть открыты в любой момент Египтом, Сирией и даже ООП. Многие радикально настроенные американцы разделяют такие симпатии.

Я стараюсь краткими фразами убедить Рабина в том, что Израилю неплохо было бы подумать об использовании интеллигенции в средствах массовой информации Соединенных Штатов. Я говорю ему, что страна находится в настроении «большой чистки». Мы расчистили все после Вьетнама, после Уотергейта, теперь наступила очередь для «чистки» ЦРУ, ФБР и действий официальных лиц, связанных с крупными аферами в области здравоохранения. Если средства массовой информации поднимут проблему палестинцев или сохранения мира на Ближнем Востоке, то, принимая во внимание такое настроение в стране, когда все чаще раздаются призывы к правительству «навести порядок», это может оказаться губительным для Израиля. Рабин утверждает, что он целиком отдает себе в этом отчет. Но я сильно сомневаюсь в том, что израильские высокопоставленные деятели до конца понимают скрытую опасность, — сужу об этом по тому, что мне пришлось видеть и слышать у себя дома. Там, в Америке, мало известны основные факты. По-видимому, очень немногие американцы знают, что, когда в 1947 году в ООН было внесено предложение о создании двух государств — еврейского и арабского, — евреи приняли условия сохранения политической независимости для арабов-палестинцев. План ООН был отвергнут арабскими странами, которые намеревались противостоять всеми средствами такому разделению и начали организовывать вооруженные нападения на представителей еврейской общины в Палестине. Арабам удалось убедить американское общественное мнение в том, что евреи высадились в Палестине после окончания второй мировой войны и вытеснили оттуда местное население силой оружия.

Профессор Принстонского университета Бернард Леви считает, что Израиль должен выиграть свою борьбу в Соединенных Штатах и заручиться поддержкой американского общественного мнения. Вероятно, он прав. Уже сейчас стратеги из журналистской среды пересматривают важное значение Израиля как военной державы, заявляя во всеуслышание, что Израиль вовсе не является чем-то необходимым для защиты американских интересов. Из этого следует, что лучше заигрывать с арабским миром. <...>

Нас пригласили на обед друзья Александры, которые вместе с ней преподают математику в Еврейском университете. Очень приятные люди. Их дети, мальчик и девочка, просто очаровательны. Они подходят к столу и смело разглядывают нас, прохаживаясь перед нами взад и вперед, словно шаловливые львята. Они заглядывают к нам в тарелки, чтобы увидеть, как иностранцы поглощают котлеты. Мы для них странные и смешные существа.

Беседа, как водится, быстро переходит на серьезные темы. В Израиле почти не услышишь обычных сплетен. Инфляция, высокие налоги, жесткая программа экономики — таковы непременные темы бесед. Нам говорят, что многие жены вынуждены вернуться на работу. Александра сама заметила, насколько более занятыми стали ее коллеги. Им теперь приходится больше времени уделять преподаванию; у них остается меньше возможностей для проведения научных исследований.

После обеда приезжают еще два гостя — доктор Элиа Рипс со своей женой. Чета Рипсов приехала сюда из Риги. Когда русские вступили в Чехословакию, то студент математического отделения Рипс попытался сжечь себя в знак протеста. Пламя, охватившее его, правда, удалось сбить, и его отправили в сумасшедший дом. Находясь там и не имея под рукой учебников, он сумел решить какую-то знаменитую задачку по алгебре. После своего освобождения Рипс эмигрировал из страны и приехал в Израиль незадолго до начала войны

Судного дня. Так как у него не было никакой армейской специальности, он, чувствуя необходимость помочь обороноспособности Израиля, устроился работать на бензозаправочную станцию. Несколько месяцев качал бензин, не получая за это ни шекеля. Теперь Рипс — преподаватель Еврейского университета. Он стал не только ортодоксом, но и ревностным верующим. Четыре дня в неделю он изучает Талмуд. Специалисты в области математики, физики, биологии, которые являются убежденными сторонниками религии, не редкость в Израиле. Во все часы дома в Иерусалиме, где проходит обучение религии, полны народа.

Рипс недавно женился на молодой женщине. Она — француженка по рождению и истовая иудейка. Она очень похожа на тех смуглолицых Ребекк, которые влюблялись в крестоносцев. Тема нашей беседы — наука и религия; границы научного познания, уверенность в том, что существуют и иные способы познания окружающего мира. Сам Рипс, этот алгебраический гений, мало участвует в беседе, хотя внимательно к ней прислушивается. Он — хрупкий, миловидный молодой человек с тонкой белой кожей. Прежде всего вам в глаза бросается его манера сидеть, — в этом заметна целая философия. У него расслаблены ноги, руки, запястья. Когда он был в доме для умалишенных, то требовал для себя только одного — стула, на котором он мог бы сидеть. Во время нашей беседы промелькнуло одно замечание, которое я уже слышал где-то прежде, — оказывается, Лейбниц мог сидеть неподвижно и размышлять в течение трех суток... Когда я увидел, как сидит Рипс, я начал отдавать себе отчет в том, как он производит расчеты в голове и находит в итоге ответ на неразрешимую задачу. Но самое потрясающее в нем — решительность, которая позволила этому мягкому, абстрактно мыслящему человеку облить себя бензином и поджечь.

Интересно, знают ли люди, пользующиеся большим уважением, что они говорят? Лаура Джексон обращает внимание на опасность, которую могут представлять собой «мыслители» для остального человечества. Она усматривает такую опасность в тех лингвистических формах, в которые они облекают свои мысли. Это, по ее мнению, позволяет им гипнотически, силой личной воли захватывать контроль над нашим рассудком. Другой способ описания такого явления — это «политический стиль интеллектуального действия». Далее она говорит о «традиции интеллектуальной гонки за лидером среди выдающихся «властителей дум» («Бернард Рассел и другие: идея выдающегося ума»). Никто из тех, кто попытается составить такой список «властителей дум», не сможет пропустить имя Сартра. Не могу согласиться с тем, что вся проблема заключается в лингвистических формах, но я готов подписаться под заявлением Лауры Джэксон, что в любом поколении мы признаем наличие гонки за лидером среди выдающихся умов, чьи идеи «классовой борьбы», «эдипова комплекса», «кризиса идентичности» ловят нас, как сачки — разноцветных бабочек.

Читая рассуждения Сартра о проблемах Ближнего Востока, я спрашиваю, отдает ли он себе отчет в том, что пишет. Помню свой разговор о Сартре с Эдмундом Уилсоном. Он не сдерживал своего восхищения перед ним. Почему? Возможно, потому что оба они выступали против одного и того же. Уилсон говорил, что Сартр на самом деле уязвим и подвергается критике со всех сторон, но ведь он, в конце концов, писатель, литератор. Это звучит более внушительно по-французски — hommes de Lettres, один из той удивительной плеяды, где блистали Вольтер, Дидро, Ренан, Сент-Бёв, Тен и Валери. Ни одно поколение, не располагающее своими hommes de Lettres, не может назвать себя вполне цивилизованным. Таким образом, Сартр — это весьма ценный экспонат в

инвентарном списке нашей цивилизации. Раймон Арон, человек, сильно отличающийся от Уилсона, говорит, что в спорах с Сартром «я очень часто оказывался в конечном счете правым. Но даже тогда я отдавал себе отчет, что передо мной носитель творческого духа». Социологи, которые сами никаких творческих притязаний не обнаруживают, иногда очень легко, небрежно наделяют творческим духом любого человека, протянувшего им для пожатия руку.

В конце сороковых годов я имел обыкновение прогуливаться до «Понт Ройяль» и посещать бар, где обычно сидел Сартр. Не могу сказать, чтобы он удостаивал меня своим вниманием. Как, впрочем, и других американцев. Но шестьдесят лет тому назад все было по-другому. Когда Дос Пассос и Э.Э.Каммингс прибыли во Францию, они служили водителями санитарных машин во время мировой войны и нашли в стране достаточно теплый прием, или им, может, просто так казалось. Любознательные молодые американцы, которые поспешили в Париж после окончания второй мировой войны, встретили ледяной прием. Потом я начинаю думать о людях типа Кафу Наган, этом гениальном писателе, который любил читать новеллы Мопассана и других французских писателей в Токио в начале восьмидесятых, и вот, окончательно влюбившись в них, отправился, чтобы лично их повидать. Кафу пришлось долго ехать через американский континент. Он остановился в Чикаго, провел больше года в Государственном колледже Ипсиланти в штате Мичиган. Когда же, наконец, он добрался до Парижа, то не нашел ни одного французского писателя, пожелавшего поговорить с ним. Таким образом, те из нас, кто в конце сороковых годов приехал туда из Америки, были не первыми, кто испытал на себе боль невостребованной любви.

Я прочитал роман Сартра «Тошнота», но лишь как любопытную вещь, не задевшую меня за живое. Роман «Дороги свободы», с его трогательным волнующим картинным методом, с его «одновременностью», я нашел слишком неловко историческим, чересчур неистовым и «перегретым». Уиндэм Льюис придумал верный термин для такой литературы, назвав ее «циклонной». По мнению Сартра, только различного рода бедствия — чума, войны, массовые убийства, кризисные ситуации — могли открыть самую суть человечества в целом, — L'homme tout entier. <...>

Бодлер, который сильно отличался от Сартра менее формальным образованием и тем, что занимался поэзией, обладая минимальной теоретической подготовкой, говорит о том глубоком возбуждении, которое охватило его в революцию 1848 года. И какова же была причина такого глубокого волнения? «Желание отомстить, — просто объясняет он в своем очерке «Обнаженное сердце», — естественное удовольствие, испытываемое от разрушения». Он сам, правда, несколько устраняется от этого, так как для него все естественное вызывает лишь подозрение. В своих дневниках Бодлер также говорит об «аристократическом удовольствии», получаемом от нанесения оскорбления. В те времена все оскорбления, естественно, носили слишком буржуазный характер. Иногда мне приходит на ум, что в двадцатом веке Америка была избрана историей, чтобы заменить буржуазию, а Франция, как нация, оказалась вознесенной до аристократического положения. Соединенные Штаты стали в определенном смысле объектом ее аристократического занудства.

Между Сартром и любой заданной в политике проблемой всегда помещались Соединенные Штаты. В мире существуют две сверхдержавы, но только одна из них представлялась ему несущей в себе позитивное зло. Когда мы с ним обсуждали положение на Ближнем Востоке, его первой заботой как друга

Израиля стало отделение Израиля от американских интересов. В одном из интервью, которые я читал в 1969 году, Сартр, выражая свои глубокие симпатии к Израилю, утверждал, что в арабо-израильском конфликте нечего искать справедливости ни с той, ни с другой стороны, и он защищал Израиль, отказываясь называть его инструментом американского империализма. Более того, подчеркивал Сартр, важно отметить, что «израильская экономика не создана для функционирования в одиночку. Экономика такой страны, как Израиль, должна быть целиком и полностью сконцентрирована на Ближнем Востоке, но на самом деле одна половина ее экономики представляет собой развитую страну, а вторая — слаборазвитую. Осуществляя торговлю с капиталистическими и промышленно развитыми государствами, Израиль обычно поставляет туда фрукты, овощи или цветы; его экономика не может существовать и эффективно действовать, если она поддерживается только такой продукцией и торговлей, — здесь не поможет даже огранка бриллиантов». Он завершает свой чудесный экономический обзор утверждением о длительной зависимости Израиля от немецких репараций и его нынешней зависимости от денег, предоставляемых «произраильски настроенными евреями Нью-Йорка». «Абсурдно утверждать, — говорит он, — что Израиль является острием американского империализма, но в настоящее время Израилю необходима поддержка со стороны американских евреев». Однако сами арабы загнали Израиль в такое положение, когда он «обречен как с военной, так и экономической точки зрения зависеть не от правительств империалистических государств, а от еврейского меньшинства в таких странах, которое, в основном, разделяет политику таких стран».

Сартр осуждает тех, кто заявляет, что войну 1967 года начали арабы. Больше уже нельзя подавлять закравшиеся подозрения, вызванные его небрежным анализом израильской экономики и ее поддержки со стороны империалистически настроенных евреев в Соединенных Штатах, и я поневоле задаю себе вопрос: разве этот влиятельный мыслитель и выдающийся революционер не понимает, что он говорит? Президенту Насеру было прекрасно известно, когда он закрывал Акабский залив и выдворял войска ООН, что он тем самым не оставлял Израилю никакого выхода, кроме войны. Насер не только выступал с открытыми угрозами в адрес Израиля, он также бросал дерзкий вызов правительствам Франции, Великобритании и Соединенных Штатов, которые взяли на себя обязательство по обеспечиванию судоходства в Акабском заливе. Друг Насера, ведущий политический обозреватель Моххамед Хейкал, писал в мае перед началом войны, что безопасность Израиля поставлена на карту и что теперь Тель-Авив вынужден прибегнуть к силе. Сартр же говорит по этому поводу: «Те, кто утверждают, что арабы начали войну, что арабы — преступники, забывают обратиться к положению палестинцев, к их абсолютно невыносимому положению. Они также забывают, что арабы с самого начала под давлением британского маневрирования были вынуждены высказать отрицательное отношение к Израилю, отношение, которое преобладало там все это время, с 1948 года, что и спровоцировало начало этой идиотской войны». <...>

У Сартра наблюдается то, что я называю «синдромом Ларусса». Если парижанину приспичит что-то узнать об эскимосах или каяках, все сведения он может почерпнуть, открыв словарь Ларусс, где на картинке будет изображен желтоватый человечек, сидящий в лодке-каяке. Де Голль часто наносил русским оскорбление своим выражением «от Атлантики до Урала» — именно так описывалась Европа в «Малом Ларуссе» издания 1907 года. Французы иногда проявляют в своем взгляде на вещи определенную запоздалость. Сартр наверняка

заимствовал у Ленина его определение империализма. Суть ленинского памфлета «Империализм, как высшая стадия капитализма», которую он написал в 1916 году, заимствована из книги Джона Аткинса Гобсона «Империализм», опубликованной в 1902 году. Истина, само собой разумеется, вневременна, и не нужно ради этого быть человеком современным, но если занимать какие-то определенные позиции и проповедовать действия, которые могут стоить людям жизни, нужно быть очень осторожным при освещении исторических фактов. Здесь ясно проступает опасность, которую могут нести в себе «мыслители» для всего человечества.

В своем интервью в 1969 году Сартр, взгляды которого обычно разделяют европейские «левые», выражает свои симпатии к арабскому миру. Он надеется, что более популярные и более «левые» арабские режимы будут легче воспринимать существование рядом с ними израильского государства. Однако, жалуется он, нельзя усадить израильтян и арабов за один стол какой-нибудь международной конференции. Нельзя потому, что арабы этого не желают. «Ну, а почему необходимо постоянно идти на уступки арабам?» — спрашивает журналист. «Потому, — отвечает Сартр, — что у «левых» гораздо больше симпатий к некоторым национально-освободительным движениям, — вспомните об Алжире, о том, что он представляет для нас, — чем по отношению к правительству или стране, которая до сих пор не стояла перед такой угрозой, как это имеет место в настоящий момент». <...> Иными словами, существуют миллионы арабов; они обладают реальной политической силой, и ни государственный департамент, ни политбюро, ни Жан-Поль Сартр не могут себе позволить с ними не считаться.

Еще один вопрос задают Сартру: было ли целью арабских государств в 1948 году и потом в 1967 году — уничтожение еврейского населения в Израиле? «Да, — отвечает Сартр, — но лишь уничтожение Израиля как государства». Он уточняет. Он хорошо знает арабов, «левых» арабов, само собой разумеется, и «все те, которых я знаю, рассматривают Израиль как государство, а не как Израиль — еврейское меньшинство; напротив, они утверждают: «Мы должны создать такое государство, которое будет арабским или палестинским и одновременно еврейским, такова наша цель... Идея, которую выражали некоторые ответственные политические личности, заключалась в подавлении государства, а не евреев, как национального меньшинства». На это интервьюер отвечает, что он родился в Александрии и прожил на Ближнем Востоке более двадцати пяти лет и знает, как относятся к меньшинствам — коптам, евреям и прочим в Египте, они — типичные второсортные граждане. Как в Соединенных Штатах полноценными гражданами считаются только белые протестанты, так в арабских странах единственными полноценными гражданами являются арабы-мусульмане.

...Сартр признает, что «проблема национальных меньшинств на Ближнем Востоке довольно часто решается кровавой резней», но снимает с евреев обвинения в колониализме; будь они на самом деле колонизаторами, тогда он должен был бы призывать к их уничтожению, ибо в своем вступлении к книге Франца Фанона «Обездоленные Земли» он призывает угнетенные народы расправиться с угнетателями. По Сартру, жертвы империалистической пропаганды могут добиться свободы, самоуважения и человеческой зрелости только путем кровавой борьбы.

Но и кровь для Сартра — лишь игра воображения. Из его биографии мы узнаем, что для него существуют разные виды крови, ибо когда французский писатель Давид Руссо, которого немцы отправили в Бухенвальд, составил в 1949 году обращение, осуждавшее уничтожение миллионов узников в русских концентрационных лагерях, Сартр отказался подписать манифест. Поставив свою

подпись под документом, говорил он в свое оправдание, он тем самым укрепил бы американский империализм.

В своем интервью он говорит о великой ценности страданий евреев, навязанных им «наследием постоянных гонений», и называет такую ценность беспредельной. Но именно в силу того, что евреи постоянно подвергались ужасным преследованиям, «государство Израиль должно подать пример; мы вправе требовать от этого государства гораздо больше, чем от других». Интересно, каким образом можно примирить такую особую, драгоценную судьбу этой страны с антисемитизмом, проявляющимся повсюду в Восточной Европе? Но в глазах Сартра эти страны тоже особые и весьма драгоценные, и такая непоследовательность, конечно, требует объяснения, а именно: евреи, мол, отличаются от всех прочих граждан тем, что обладают выбором и могут отправиться в Израиль. А это, объясняет Сартр, только поощряет антисемитизм. «Если какой-то советский или румынский гражданин, которые в настоящее время подвергаются большому искушению со стороны антисемитизма, не имеют права покинуть страну, за исключением особых на то обстоятельств, если румынский еврей, напротив, может называть себя и румыном, и израильтянином, то неевреи сочтут, что к этим людям относятся более благосклонно, чем к ним, и что они не проявляют в достаточной степени лояльности. В то же время правительство враждебно относится к ним, утверждая, что с того момента, как они либо выбрали Израиль, либо готовы сделать такой выбор, они уже больше не являются социалистами.

Правы они или нет, — сказать трудно, но я уверен, что такая разновидность сионистской деятельности очень серьезна, и от нее нельзя просто так отмахнуться. Мне кажется, что мы должны признать право Израиля как суверенного государства принять у себя всех евреев, которые выразят такое желание, но эта страна не должна проводить воинственную сионистскую политику за рубежом».

Что означают эти слова? Во-первых, глубокое невежество в отношении условий жизни в странах Восточной Европы. Советские граждане живут под тяжким грузом громадного числа всевозможных ограничений. Они лишены возможности путешествовать свободно даже по своей собственной стране, не говоря уже об эмиграции. Сартр говорит, что неевреи в России проявляют свою враждебность к евреям, потому что те могут поехать в Израиль, если только правительство предоставит им такое право. Но он также утверждает, что евреи подвергаются угнетению и выражают свое желание эмигрировать, а посему они уже не являются лояльными социалистами и добропорядочными советскими гражданами.

Надежда Мандельштам, вдова знаменитого поэта, которая знает социалистические страны лучше Сартра, утверждает, что антисемитизм в России — это государственный продукт, который насаждается сверху и изготовляется в котелке под названием «аппарат». Андрей Синявский, правда, не согласен с тем, что антисемитизм целиком навязывается сверху. В народном сознании, объясняет он, еврей — это злой дух, бес, который вселился в тело России и поставил в ней все с головы на ноги... В течение какого-то времени русскому крестьянину было известно, что Ленин — еврей, а Сталин — грузинский еврей. Находясь в тюрьме, Синявскому пришлось даже слышать обвинение в том, что Лев Толстой тоже был евреем.

Мнимые друзья Израиля всегда побуждают его продемонстрировать моральный пример: «Мы обязаны требовать большего от этого государства». Далеко не ко всем странам обращаются с подобным требованием. Однажды, когда один из министров де Голля начал говорить что-то о друзьях Франции во время

заседания Кабинета министров, генерал его перебил. «У нации есть только интересы, а не друзья», — поправил он его. Ну, а как бы себя вел тот же де Голль, если бы в 1940 году англичане не отнеслись к нему по-дружески? У наций иногда на самом деле есть друзья, как и свои интересы. Само собой разумеется, что и в Пентагоне, и в государственном департаменте, и в конгрессе есть крутые люди, которые предпочитают думать не о дружбе, а об интересах. Но Америка по-своему, довольно небрежно, выражала свои нравственные чувства. Ей было бы не по себе без этого. За период с 1950 по июнь 1975-го Соединенные Штаты внесли более 600 миллионов долларов в фонд помощи ООН и фонд рабочего агентства с целью оказания финансовой поддержки палестинским беженцам. Израиль предоставил более 60 миллионов. Советский Союз не дал ни цента, как, впрочем, китайцы и алжирское правительство, которые так пекутся о судьбе палестинцев.

Но Сартру, как и другим людям его типа, хочется, чтобы евреи были уникальным исключением. Возможно, сами евреи породили такие ожидания: Израиль предпринимал чрезвычайные усилия, чтобы стать демократическим, разумным, равным для всех государством, способным к проведению перемен. Он, по сути дела, трансформировал своих евреев. В гитлеровской Европе их вели на заклание; в 1948 году те, кому удалось выжить, превратились в замечательных воинов. Когда они жили в изгнании, у них не было земли, а здесь они быстро освоили труд фермера. Мамлюки сделали все, чтобы прибрежная палестинская равнина стала пустыней; евреи превратили ее в цветущий сад. Очевидно, они восприняли историческую ответственность и стали людьми исключительными; они упрямо придерживались этого принципа, упорно цеплялись за него. Вопрос заключается не в том — нужно ли требовать большего от других народов. Но такие требования не раздаются в адрес других. Иногда мне приходится удивляться, почему западные интеллектуалы (и особенно французы, которые пользуются таким престижем в Сирии, Ливане и Египте и которые установили связи с «левыми» в арабских странах) не говорят арабам: «Мы обязаны потребовать от вас большего. Вы тоже, — и особенно те из вас, кто являются марксистами, — должны попытаться сделать что-то ради братства и заключения мира с евреями, ведь им пришлось перенести такие чудовищные страдания, и сделать это как в христианской Европе, так и в тех странах, где властвует ислам. Израиль занимает что-то около шестой части одного процента тех земель, которые вы называете арабскими. Разве нельзя чуть преобразовать традиции ислама, чуть иначе их интерпретировать, поменять акцент, чтобы получить возможность принять эту «пустячную» оккупацию? Великая цивилизация должна уметь проявлять человеческую, щедрую податливость. Разрушение Израиля не даст вам ничего хорошего. Предоставьте возможность евреям жить в своем маленьком государстве». Но нельзя проявлять свое невежество и полное неуважение к людям, требуя от них, пусть даже в мягкой форме, изменить свое отношение к окружающим. В любом случае Сартр такого не требовал. Он постоянно занят размышлениями о революции — славной, непобедимой. Взрыв, организованный сотней миллионов арабов, может пробить огромную дыру в гниющей буржуазной социальной структуре. После экстатического периода убийств воцарятся мир и справедливость. Феллах, продемонстрировав свое мужское начало, успокоится, выучится читать и станет гражданином и т.д. «Стыдно не приглашать за стол представителей израильских «левых», но если мы это сделаем, — не будем же лицемерами, — это означает отказ от приглашения арабов», — так сказал в заключение Сартр.

Прощальные прогулки по Иерусалиму. Речь уже идет не о знакомстве с достопримечательностями, а о расставании. Иногда сквозь отвесный холодный дождь сияет ярко-синее безоблачное небо. Меня страшно удивил мой брат Сэм, вдруг заявившийся в мой номер. Сейчас он находится с визитом в Иерусалиме, а дома такое появление его просто невозможно. Мы живем в противоположных концах Чикаго и обычно приглашаем друг друга на обед или ужин по телефону. Вероятно, прошло не менее тридцати лет с тех пор, когда мы встречались просто так, в такой утренний час. Мы оба удивлены, но молчим, не подавая вида. На губах у брата блуждает веселая, заразительная улыбка. Мы долго осматриваем друг друга. У нас обоих осталось лишь одно свидетельство нашей неизменной, не поддающейся возрасту сущности — карие глаза. Все остальное — сплошные морщины. Ну, а почему нам не улыбаться? В конце недели ко мне приехал из Тель-Авива кузен Нота Гордон, и теперь в одной комнате находятся три человека из одной семьи, три родных лица. У Нота цвет лица несколько отличается от моего и Сэма, в нем появились бледно-коричневые тона. Кроме того, он носит кепку советского покроя, а на зубах его поблескивают золотые коронки. Но нет никакого сомнения, что мы трое — от одного генетического корня. Все сбережения Нота за двадцать пять лет работы ушли на то, чтобы его жена, двое сыновей и его сестры могли выехать в Израиль.

Простой человек, он ведет простую жизнь, как и все мои родственники из Риги. У него — маленькая квартирка, обставленная старомодной мебелью. Наша кузина Лиза со своим супругом Вейстрехом — владельцы бакалейной лавки размером не больше буфетной, но приходится проводить там почти весь день на ногах. По десять часов. Кузен Белла, который в Латвии был медицинским работником, здесь работает кассиром в большом магазине. Его сын — инженер, выполняет какую-то работу, связанную с электроникой для фирмы «Сони». Белла рассказывает мне об одной из наших двоюродных сестер, которая с мужем теперь живет в Женеве. Во время немецкой оккупации Риги эта кузина со своей сестрой были работницами на фабрике, шили армейскую форму. Перед отступлением немцы эксгумировали тысячи трупов из братских могил и всех их сожгли — возможно, из опасения оставить вещественные доказательства. Среди сотен людей, которых заставляли вскрывать могилы, вытаскивать полуразложившиеся трупы и бросать их в костры, находились и две молодые девушки. Одна из них не смогла вынести этот кошмар, заболела и умерла.

Наши европейские кузины, которые знают, что такое арест, депортация, массовые убийства и война, очень рады, что теперь могут вести обычную, простую жизнь. Как ни странно, у них в душе больше спокойствия, чем у американских представителей нашей семьи; они, правда, чувствуют себя в меньшей безопасности, но они меньше суетятся.

Русские диссиденты, очутившись на Западе, замечают, что может произойти с природой человека, если ей предоставлены все возможности для развития. Они считают, что после окончания второй мировой войны американцы не хотели и слышать о чем-либо, что могло бы воспрепятствовать таким возможностям. Испытывая великую радость от наличных денег и автомобилей, от возможностей путешествовать и приобретать, удовлетворять свои сексуальные влечения, наслаждаться самыми удивительными зрелищами, американский мир (Генри Джеймс был прав: Америка — это скорее целый мир, а не страна) предоставил Сталину полное право надеть ярмо на поляков, венгров, румын и чехов. Нас обвиняют в том, что мы «заплатили» коммунистическим диктатурам, лишь бы оставаться такими, какими мы были прежде, и что мы до сих пор продолжаем такую политику умиротворения, называя ее «разрядкой». Солженицын упрекает

Запад в том, что он воспринимает свободу как нечто приобретенное раз и навсегда. В результате мы больше не пользуемся свободой героизма и добродетели, а лишь особой, демонстративной показухой, в которой «полно ярких блесток, роскоши и пустоты», — говорит Солженицын. И добавляет: «Вы вступили в эру расчета. Вы уже неспособны на жертву ради той тени свободы, которая когда-то существовала, и повсюду идете на компромисс. Пусть вон та территория будет отдана другому, говорите вы, но пусть продолжается наше процветание на той почве, на которой мы стоим прочно».

Когда я был студентом последнего курса антропологического факультета, я горел желанием исследовать племена эскимосов, которые, по сообщениям, предпочитали голодать, но не есть ту пищу, которая для них «табу». Насколько люди, спрашивал я себя, подчиняются требованиям культуры или своим обычным жизненным заботам и в какой точке это существо должно почувствовать необходимость выжить, пережить прорыв через ограничения, накладываемые обычаем и верой? Я считал, что среди примитивных народов объективные факторы играют куда менее значительную роль. Но сейчас я отнюдь не уверен, что цивилизованные умы более эластичны, более восприимчивы к реальности, или что они проявляют более живую, более разумную реакцию на угрозу вымирания. Я понимаю, что, будучи американцем, я больше склонен к иллюзиям, чем мои родственники. Но сумеют ли израильские ветераны страданий массовых расправ и войн спастись? Поможет ли им опыт пережитого? У писателей, писавших о Катастрофе, я встречал самое суровое осуждение европейского еврейства за то, что своим нежеланием отказаться от комфорта, собственности, устоявшихся привычек оно позволило отдать себя на заклание. Я не вижу смысла в том, чтобы порицать мертвых. Но история — это на самом деле кошмар, как утверждали Карл Маркс и Джеймс Джойс, и сейчас настало время для евреев, этого исторического народа, восстать, вырваться из своей исторической спячки. Но израильские руководители, по моему мнению, не собираются пробуждаться. Иногда мне кажется, что на самом деле существуют два Израиля: реальный, тот, который заявляет о себе с помощью территориальных притязаний; и другой, психологический Израиль — громадная, неоценимо важная страна, играющая важнейшую роль в мире, мире настолько же пространном, как вся история, и все же погруженная в сон. <...>

Настроение Якова Лейбы Талмона можно назвать одновременно приподнятым и подавленным. Этот энергичный оратор стремится втиснуть свои обширные знания в рамки простой беседы. В нем есть какая-то утонченность, профессорская стать. Он опрятно одет, галстук подобран со вкусом, — это вам не один из тех израильских типов с кустистыми бровями и в рубашке с открытым воротником. Наша беседа с Талмоном — истинное мученье. Он ясно выражает то, что я уже слышал на протяжении долгих месяцев, — все эти подозрения, сомнения, страхи. Один израильский друг предупредил меня: «Ради Бога, не позволяйте себе увлекаться тем, что вам здесь говорят интеллектуалы. Вы узнаете от других людей гораздо больше». Я вспоминаю это предупреждение, но в то же время вижу, насколько глубоко обеспокоен профессор, как его всего выворачивает наизнанку. Он говорит о еврейской истории, европейской истории, всемирной истории, но в середине своей лекции он вдруг осекается и замечает: «Разве в конечном итоге Гитлер не победил? В том, что касается евреев? По крайней мере одна треть из шести миллионов, загубленных в концентрационных лагерях, являлась лучшей надеждой будущего Израиля — сионисты, либеральные демократы, все они были отлично подготовлены и образованны. И они были

уничтожены, отравлены газом, сожжены, превратились в дым, в золу. Сам «еврейский вопрос» превратился в дым. Восточные евреи, которые приехали сюда, по-своему превосходные люди, но они не обладают современными ремеслами, на которые здесь такой большой спрос. Да когда евреи страдали от Гитлера, мир знал об этом, но когда они все умерли, осознание этого умерло вместе с ними. Да, до 1939 года евреи Центральной и Восточной Европы создали богатую, жизнеспособную цивилизацию, — культуру, литературу, науку. Эта цивилизация погибла в рвах и газовых печах. И когда все это исчезло, дымом развеялось, у евреев остались одни синагоги, чтобы скрепить еврейскую жизнь. В этом и заключается одна из причин успеха еврейского клерикализма в Израиле. Наши политики просто обязаны использовать все, что может нас теснее сблизить».

Профессор Талмон, специальность которого — политическая история Европы, в разговоре со мной выходит далеко за рамки Израиля. Когда он переходит к новым формам национализма, то упоминает о его французских и славянофильских разновидностях. Интегральный национализм, как он его называет, сводится к одному: власть мертвых над живыми. Он сильно опасается проявлений фанатичного национал-экстремизма в Израиле. «Безумие, — утверждает он, — относить аргументацию назад, к иудаизму бронзового века, и вспоминать враждебность амалекитян и эдомитян, чтобы претендовать на вечные права — в прошлом, настоящем и будущем — в Святой Земле, и сочетать эсхатологические видения с современным вооружением».

Больше всего Талмона беспокоит то, что такие движения неизменно оказывались яростно антисемитскими по характеру. Мистически настроенные националисты в Израиле прибегают к языку священной войны. Арабы тоже призывают к священной войне — джихаду. Сложилась взрывчатая ситуация. Еврейскому выживанию угрожают не только арабы, но оно подрывается и изнутри, говорит Талмон.

После победы в войне 1967 года Израиль мог какое-то краткое время считать себя военной державой. Он также мог представлять себя, пишет Талмон в рукописи, направленной мне, «как одну из немногих стран, которые в этом загнанном мире обладают чувством стоящей перед ними цели». Это соображение я считаю самым важным. Израильтяне прибегли к войне, а не к нравственному ее эквиваленту по Уильяму Джеймсу, и она научила их твердости. Выражая свою озабоченность упадком цивилизации, чувствуя собственную гордость (гордость и озабоченность в равной мере), они могли научить кое-чему этот мир. Замордованные останки нации, уцелевшие в Освенциме и Бухенвальде, продемонстрировали всему миру, что они могут возделывать иссушенную почву, строить города, организовать свое общество, вести исследовательскую работу, заниматься философией, писать книги, поддерживать живой великую нравственную традицию и, наконец, создать армию стойких бойцов.

Война 1973 года сильно пошатнула их уверенность в себе. Египтяне форсировали Суэцкий канал. Вдруг перед ними вновь отверзлась бездна. Франция с Англией предали Израиль. Голосование в ООН возродило чувство, что этой «нации не место среди других наций». В то время когда Израиль сражался за свою свободу, ораторы обличали его грехи и бесконечно муссировали палестинскую проблему. В наш сумбурный век из многих стран бежали люди и становились беженцами. В Индии, Африке и Европе миллионы людей были вынуждены бежать. Они толпами собирались на границах, к ним относились как к рабам, заставляли умирать от голода, но только вопрос о палестинцах постоянно остается открытым. Там, где речь заходит об Израиле, весь мир

просто разбухает от нравственного самосознания и совести. Нравственная оценка, этот бесплотный призрак в Европе, становится полнокровным гигантом, стоит только упомянуть Израиль и палестинцев. Может, это происходит потому, что Израиль принял на себя ответственность за сохранение либеральной демократии? Или существует какая-то иная причина? Наподобие того, что представляет собой Швейцария во время зимних отпусков или Далмация для летних туристов, Израиль с палестинцами стали чем-то вроде моральной курортной зоны для удовлетворения потребности Запада в торжестве справедливости.

Израиль может добиться права на существование, утверждает Талмон, лишь предпринимая особые усилия, «каким-то особым искуплением, став лучше, чем другие». Это — самое сильное, постоянное мучение Израиля, и в то же время парадокс. «Мы требуем большего от этого государства», — говорит Сартр. Но так как сам суверенитет Израиля находится под вопросом и мировое общественное мнение все еще не готово признать его наравне с другими странами, такое требование жестоко и абсурдно. Израиль, по мнению Талмона, превращается в «государство-гетто». Можно ли требовать чего-то большего от «государства-гетто»? Нелегко проследить, где находятся корни такого уродливого парадокса. Может, сами еврейские моральные традиции в этом виноваты? С другой стороны, многие еврейские радикалы, как мне кажется, похерили моральные обетования и предпочитают прорицать, что история, которая является сама по себе моральным движителем, создаст справедливые общества с помощью классовой борьбы и революции. Они не задаются вопросом, почему африканский крестьянин или безграмотный феллах должны равняться по нашим нравственным стандартам (вернее, по нашим бывшим стандартам). Но, судя по всему, они на самом деле верят, что евреи с их высокоценным очистительным перечнем выпавших на их долю страданий должны взять на себя уникальное обязательство и перенести на свои плечи груз морали, который все остальные давно отправили на свалку. <...>

Этот мягкий, излишне возбужденный профессор Талмон, который старается пропустить через свое ученое сознание целый поток причин и следствий, одновременно говорит о хасмонеях и римлянах, о Марксе и Ленине, о Шарле Мура, Морисе Барресе и о католической церкви. Может, ему было бы проще совладать со всем этим, если бы он не думал сразу о многом? Хотя он и является источником этих быстрых мыслей, иногда кажется, что на самом деле он — лишь мишень для них.

В конце нашей беседы профессор Талмон переходит к вопросу об Израиле и мировом еврействе. Судьба еврейства в Израиле и в диаспоре настолько тесно связаны, что уничтожение Израиля приведет к уничтожению «корпоративного еврейского существования во всем мире, к такой катастрофе, которая может захватить и еврейство в Соединенных Штатах».

Мой последний сеанс у массажиста Моше. Я, конечно, буду скучать по его кратким лекциям по анатомии и не потому, что они несут новую информацию (он часто повторяется), а потому, что мне нравится одновременно его свежее и поблекшее мальчишество, невинность, его вдохновенное отношение к этому храму — телу человека. Он достает свою сумку с «молнией», выкладывает из нее бутылочки с маслами, окунает полотенце в обжигающую воду, чтобы сделать компресс на спине, кладет под лодыжки валик и, растирая мое тело, начинает объяснять мне технические приемы, мистические взаимоотношения между мускулами и различными органами. Его объяснения удивитель-

но современные, научные, и в то же время они поразительно древние, восходящие к Эскулапу. Когда он спрашивает меня о массажистах в литературе, то на ум приходит только слепой в романе Рейнера Хеппеншталя «Полуденная гроза». И еще весьма расплывчатый персонаж из какого-то японского романа. Может, то «Дневник старого умалишенного» Дзюнъитиро Танидзаки? Он создал удивительные образы ипохондриков в литературе. Нет, кажется, массажист действует в романе Танидзаки «Повесть о слепом». Я начинаю описывать Моше технику японского массажа: на сеансах не надо раздеваться, лечение проводится через одежду. «Очень умно, — отзывается Моше. — Когда массаж производится через одежду, исчезает трение». Он никогда не слыхал о книге Хеппенштала и записывает ее название. ...Наконец, Моше надевает зимнее пальто и говорит: «Ну, пора прощаться». Мы с ним выпили несколько глотков цуйки. В Иерусалиме можно достать вполне приличную цуйку. В лавке одного армянина можно всегда купить бутылку польской водки, настоенной на травах, или «Столичную». Его лавка расположена поблизости, через долину. Но ничего подобного, что могло бы сравниться с цуйкой, доставленной сюда с Карпат, здесь не достать. Я вкушаю эту сливовую квинтэссенцию вместе с Моше, и мне жаль расставаться с ним. Я спрашиваю себя, что же нужно сделать, чтобы оставаться и в пожилом возрасте таким живым, энергичным человеком. Волосы седеют, а чувства молодеют. Он выражает надежду, что я буду продолжать упражнения для шеи. Для этого нужно качать головой и считать про себя от одного до девяти. Если он услышит о хорошем массажисте в Чикаго, то пришлет мне его имя и адрес.

Поздним вечером мы выставляем на стол всю имеющуюся у нас выпивку, а также оливы, орехи, сыр, сосиски и бисквиты. Отъезжающие иногда устраивают приличную «отходную». Ее устраивали Исаак Стерн со своей женой, а перед ним Александр Шнайдер. Здесь нет ничего похожего на американские вечеринки с коктейлями, когда гости, разбившись на пары, стоя разговаривают друг с другом, с трудом пытаясь разобрать слова собеседника в ужасном гаме. Мне часто приходила в голову мысль, что какой-нибудь производитель слуховых инструментов мог бы нажить целое состояние, занявшись продажей переносных передатчиков-приемников, специально предназначенных для вечеринок с коктейлем и званных обедов. Здесь же все сидят чинно за столом, едят и пьют, и ведут одну общую беседу. Коллеги по математическому факультету Александры присутствуют вместе со своими женами; приходит также Деннис Силк, и мы обмениваемся с ним подарками: я получаю от него книгу профессора Вербловски «Йосеф Каро», я просто жаждал ее заполучить; взамен я вручаю ему вельветовый плащ из Милана, так как мне известно, что он очень хотел бы его иметь. Администратор гостиницы «Мишкенот» Питер Халбан тоже решил почтить нас своим присутствием, а также Ханна, Ариана и Анни, которые здесь работают; пришли Давид и Шуля Шахар. Среди нас находится и Уолтер Хейзенклевер, который только что вернулся с Дальнего Востока, и наши друзья, чета Далескисов. И, конечно, Тедди Коллек с супругой. Пунктуальный Коллек всегда остается верен себе: мы были у него в гостях, вот теперь мы уезжаем, и он пришел попрощаться с нами. Чтобы подсластить горькую разлуку, мы едим все, что стоит на столе, и старательно опустошаем бутылки. Ночью в спальне тяжелые вздохи вытесняют сон. Думаю про себя, как же я обойдусь и больше не увижу Джона Ауэрбаха и его жену Шолу, моих дорогих друзей из киббутца Сдот Ям в Кесарии? Такси подкатило к гостинице еще до зари. Мы встаем (тоска на сердце!), чтобы закончить упаковывать вещи. Мы так и не научились здесь разводить огонь в печи и вынуждены поджаривать булочки на тостере, и они от нашего неумения часто подгорают. Александра открывает двери балкона,

чтобы в последний раз увидеть гору Сион... Когда такси срывается с места, направляясь к аэропорту Бен-Гурион, из двигателя нашего «Мерседеса» выстреливает громадное серое облако дыма. «Мы опаздываем на самолет», — говорит Александра, и ее лицо оживляется. А мне невыносимо от мысли, что придется возвращаться в пустую комнату, к этим обедам, к столу, заваленному газетами. Но водитель, скрывшись под капотом, вероятно, знает, что нужно делать в таких случаях. Он что-то ковыряет проволочкой, и машина заводится. Через пять минут мы уже выезжаем из города и мчимся вниз по гористой местности.

В этом воскресном рейсе в нашем самолете нет хасидов. Над Средиземным морем нас угощают кофе. Мы во власти ровно работающих, урчащих двигателей, мы вознесены над тем, что мы понимаем как красоту, — красоту над нами и под нами, глубокую и воздушную голубизну. Мы не ощущаем ни скорости, ни движения. Мы повисли в пространстве, и только слышим чей-то мягкий говор, и видим, как перед нами меняют стаканчики с выпивкой и прохладительными напитками. Через соломинку пьем апельсиновый сок из бумажного «контейнера», — а под нами Кипр, а может, Крит. А упомянул ли пилот об Адриатике? Затем возникают заснеженные вершины Альп, окутанные тяжелыми кучевыми облаками. Некоторые пассажиры отключили лампочки, вмонтированные в спинки кресел перед ними. ...Облака уже не золотистые и не кучевые, они расстелились, словно куски шерстяного сукна, между высокой голубизной, простирающейся на север, и холодной серой землей. Мы летим через эту серую угрюмую завесу, и вот перед нами открывается зимняя Англия, вся темно-зеленая, как парк. И эта какая-то домашняя, уютная угрюмость — отличная терапия для нашего растревоженного духа. Мы отправляемся в отель «Duррант», на Георг-стрит. Здесь, на улице Георга, вид на гору Сион заменен викторианскими стенами и окнами расположенного напротив музея. Отсюда видна соседняя улица, где Капитан Марриэт, автор романа «Господин Покладистый Корабельный гардемарин», писал свои книги. Чтобы унять возбуждение после такого путешествия, мы достаем уже ополовиненную бутылку цуйки, — это прекрасное средство для устранения тоскливых, неотвязных сожалений. Нам удалось доставить ее в полной сохранности, упаковав в джутовый мешочек. Затем мы выходим на улицу. На Оксфорд-стрит — громадная субботняя толпа людей. Подложенные террористами бомбы здесь могут взорваться столь же просто, как и на Яффа-роад. Александре понадобились какие-то учебники по математике, поэтому мы садимся в автобус и следуем до магазина Фойля на Черинг-кросс. Опять эти ужасные книги! Но все же, преодолевая себя, покупаю несколько, чтобы добавить в своей библиотеке по Ближнему Востоку. С нашими покупками мы бесцельно слоняемся, направляясь к Пиккадилли и тамошним кинотеатрам, — если только можно слоняться по такой холодной погоде... Мы принимаем решение посмотреть кинокартину с участием Тома Стоппарда. Это просто ужасно! Правда, мы только хотели укрыться от промозглого холода серой улицы, съесть в темноте пару конфет и понаблюдать, как на экране гладко разворачиваются события, чтобы немного отойти от перелета. При других обстоятельствах я бы не стал сильно возмущаться убожеством фильма, но после того, как мы провели три месяца в серьезной, постоянно настораживающей атмосфере Израиля, нет желания забивать себе голову чепухой. Это что-то вроде случая «культурного шока». Пустозвонство картины просто отрезвляющее, от него цепенеешь; фильм наполняет меня ощущением скорой гибели революций — эгалитарной, сексуальной, эстетической. Они не протянут долго, не так ли? Все они были чем-то серьезным, необходимым, но их очень быстро довели до уровня балагана. Самый главный враг прогрессивных идеалов — это не истеблишмент,

а беспредельная тупость и скука тех, кто их воспринимает. Жизни в Израиле не позавидуешь, нет. Но все же в ней отчетливо выражена основная цель: люди сражаются за общество, которое они сами создали, за свою жизнь, за свою честь. Израиль — слишком маленькая, слишком особенная страна, и ее нельзя ставить в один ряд с западными демократиями или противопоставлять ее им. Там тоже полно хаоса, растет преступность, правит слабое правительство, а каждая из политических партий «тянет одеяло на себя». Войны, — когда-нибудь заявит Израиль, — помогли нам избавиться от опасности левантийской изнеженности, лени и продажности. Но узы демократических стран с цивилизацией становятся все слабее и чуднее. Судя по всему, они либо экспериментируют, либо ведут азартную игру с собственными свободами, безрассудно расчищая почву для тоталитаризма, пусть и не желая этого сознательно. Джозеф А.Шумпетер в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» отдает себе отчет, что на Западе нарастает враждебность к капитализму; его осуждение, даже отвращение к нему: стало «почти повсеместным требованием этикета дискуссии», — утверждает он. Тем, кто хорошо знает тоталитарные общества, приходится только удивляться и задавать себе один и тот же вопрос, когда же западный либерализм признает эту опасность? Или вообще никогда? Вот в чем Солженицын усматривает духовный кризис, поразивший Запад: «Складывается такое впечатление, что демократии могут выжить, но все же в этом нельзя быть до конца уверенным. Демократические страны — это островки, затерянные в громадной реке истории. А в ней вода прибывает постоянно».

В Лондоне мы наносим визит Эли Кадури и его супруге Сильвии Хаим, известной арабистке, темноволосой, миловидной, круглолицой женщине. Она приносит чай с пирожными и присоединяется к беседе. Кадури — высокий, слегка сгорбленный человек с короткой прической. Я прочитал две его книги — «Версия дома Чэтхэм» и «Арабские политические мемуары». Обе произвели на меня глубокое впечатление. Он пишет без назидания, не впадая в риторику, и до тонкостей знает свой запутанный, иногда окрашенный кровью предмет. Я однажды слышал от своего друга Эдварда Шилса, что интеллектуальная жизнь — это самая страстная жизнь для человека. Я вспоминаю об этом, когда вижу, что делает такой человек, как Кадури, и спрашиваю себя, смог бы я вынести все возбуждение и всю опасность такой карьеры, — я имею в виду эмоциональную опасность и психологическую ответственность. Когда Кадури исследует проявления нового национализма в странах «третьего мира», он, в отличие от Гобсона, Ленина, Тойнби, Сартра и многих их учеников, видит не только разрушительное воздействие западного империализма на эти страны. «Против европейцев выдвигаются всевозможные обвинения за их экономическую эксплуатацию, их грозят призвать к ответу за тиранию и высокомерие, — пишет Кадури в своем пространном эссе «Национализм в Азии и Африке» (Нью-Йорк, 1970). — Однако никак не уйти от простого и самоочевидного факта, что все эти регионы, которые, как утверждают, страдают от империализма на протяжении всей своей истории, и до прихода западных держав знали только чужеземное правление, которое отличалось наглостью и алчностью ничем не ограниченного произвола. Таким образом, сожалеть о появлении Запада в Азии и Африке нужно по иному поводу: да, Запад принес проклятие на Восток, но сделал это ненамеренно, и в этом заключается вся трагедия; но это проклятие рассматривалось и до сих пор многими рассматривается как драгоценное благо, самое драгоценное из всех, которые Запад мог принести на Восток во имя искупления его предполагаемых грехов; и само это проклятие — такая же мощная пагуба как на Западе, так и на Востоке. Кожные заболевания, инфекции из Западной

Европы охватывают через Балканы Оттоманскую империю, Индию, Дальний Восток и Африку, пожирая плоть отстоявшегося общества, ослабляют его, обезоруживают перед натиском невежественных и бессовестных авантюристов и умножают тем самым ужас и злодеяния; вот в таких терминах следует описывать то, что Запад сделал для остального мира, и сделал это не умышленно, а исходя, в основном, из добрых побуждений и своего примера высокого престижа и процветания». Самым разрушительным экспортом с Запада стала политическая теория: различного рода конституции и политические партии западного типа, концепция классовой борьбы, планы реорганизации общества по западному образцу. <...> Мы сидим в гостиной Кадури и начинаем беседу с израильско-арабского конфликта. «В арабском мире, — говорит Кадури, — в настоящее время власть сосредоточена в основном в руках нефтяных шейхов Аравийского полуострова, а они, как известно, все ревностные мусульмане. Эти фундаменталисты меньше всего склонны молча согласиться с существованием еврейского государства на территории, которая, по их мнению, принадлежит мусульманам. Запад не понимает арабский мир; не понимает его и Израиль», — подчеркивает Кадури. Он показывает египетскую брошюру, составленную в основном из цитат из Корана; она распространялась среди офицеров и солдат накануне войны Судного дня (1973). Во вступлении к этому памфлету генерал-лейтенант Саад Шазли, в ту пору начальник египетского генерального штаба, говорит: «Сыновья мои! Офицеры и солдаты! Евреи вероломно и несправедливо переступили наши границы. И мы, сыновья Египта, исполнены решимости отбросить их назад, разгромить их позиции, убивая и уничтожая врагов, чтобы смыть с себя позор поражения в войне 1967 года и восстановить нашу гордость и честь. Убивайте их повсюду, где обнаружите, не давайте им себя обмануть, ибо это — предательский народ. Они могут притвориться, что сдаются, чтобы затем одержать над вами победу и жестоко расправиться с вами. Убивайте их повсюду, и пусть вам станет незнакомо милосердие по отношению к ним!» Сартр в своем споре утверждал, что феллах лишен привилегий и прав гражданства из-за своей неграмотности. Среди тех, кто не умеет читать, в 1967 году распространялись книжки-комиксы. В Синайской пустыне я подобрал одну из них: в ней были антисемитские карикатуры вполне нацистского пошиба, я даже подумал, что они вышли из-под руки Юлиуса Штрайхера и были напечатаны в его газетенке «Дер Штюрмер». Но ничто не исчезает навечно. «Протоколы Сионских мудрецов» по-прежнему имеют широкое хождение в арабских странах (и в Российской Федерации. — Ред.) и печатаются в роскошных новых изданиях, за них заплачено нефтедолларами. В тридцатые годы нацисты пользовались значительной поддержкой на Ближнем Востоке, а еще раньше французские противники Дрейфуса распространяли антисемитизм в Сирии и Ливане, где особым уважением пользовалась французская литература. Когда я рассказываю Кадури о своей беседе с Рабином, он выражает свое согласие с премьер-министром в том смысле, что всякие территориальные уступки арабам бессмысленны. Они просто хотят, чтобы евреи убрались прочь. Однако Кадури не принимает надежду Рабина, что модернизация постепенно приведет к смягчению конфликта, — наоборот, успешная модернизация заставит арабов чувствовать себя гораздо сильнее, и такой прилив силы только уменьшит их готовность решить конфликт мирными средствами. <...> В интересах Израиля иметь дело с арабскими странами по отдельности, — подчеркивает Кадури. Вести переговоры с коалициями гораздо труднее. Разногласия, возникшие в германо-австро-венгерской коалиции во время первой мировой войны, лишь препятствовали усилиям по заключению мира. В этом отношении арабы куда более «крепкий орешек».

Какая-нибудь сверхдержава при желании могла бы упростить переговоры. Но у русских, судя по всему, нет никакого стремления к выработке мирных и надежных договоренностей. Американцы? Трудно дать какое-то связное описание их политики. Когда евреи приняли решение под напором сионизма «заняться политикой», они не представляли, что делали. К трудностям, обусловленным историей, добавились беды маленького государства, стоящего лицом к грозовым штормам ненависти. Кадури не говорит ничего, что находится за пределами его сознания. Все его суждения тщательно продуманны до конца. И его не причислишь к числу оптимистов. Вот что я привожу с собой в Чикаго по возвращении.

Громадный, пепельно-серый чикагский пейзаж с черными отметинами. Зимой он приобретает какой-то «минеральный» оттенок. После стольких лет, проведенных здесь, я все никак не могу осознать, что причины такой картины — вполне естественные, и у меня всегда возникает подозрение, что это дело рук присутствующей здесь темной силы, которая пользуется такими материалами, как улицы, бунгало, многоквартирные дома, обнаженные стальные каркасы, сажа, ветер, — какого-то чародея, которому взбрело в голову, что все должны воспринимать город как нечто материальное, практическое, энергичное. Но эта темная сила еще и комедиант, абсурдист, мастер иронии, который выпячивает «реализм» Чикаго; он маскирует свои самые мрачные фантазии под его материальность, строения, мостовые, дренажную систему, инженерные сооружения, банки, электронику. Мы сваливаем наш багаж на переднем сиденье такси и едем по городу, — спидометр хищно постукивает, словно стучат чьи-то острые зубы. В газетах появилось сообщение о новом мошенничестве, изобретенном местными таксистами: они вскрывают спидометр и заставляют его крутиться быстрее. Мы учимся жить в условиях таких проказ. Конечно, нас им не надуть (дело чести!), но мы продолжаем ехать и молчим. Сопротивление — это слишком затратная по времени процедура, к тому же абсолютно бесполезная, с эмоциональной точки зрения. Но значительно хуже мелкого мошенничества страшная вонь в автомобиле, — какая-то смесь человеческих эманаций и восточных пряностей. Мы опускаем стекла. Ну вот, мы дома — пересекаем «пояс» бунгало. Никто не может точно сказать, сколько деревянных бунгало в Чикаго, их количество сравнимо лишь с числом звезд в галактике. Вероятно, все они построены по единому плану: столько-то бетона, столько-то штук кирпича, гостиная, столовая, две спальни, кухня, крыльцо, задний двор и гараж. Под домом погреб. И внутри дома все одинаково: драпировка, венецианские жалюзи, морозильник, телевизор, мойка, сушилка, безупречный камин — всюду чувствуется однообразие, пресность, регулярность, семейные привязанности, страх перед преступностью, беспокойства о затратах. Мы молча едем минут двадцать мимо этих бунгало, и без слов ясно, что мы о них думаем. Вдоль берега озера расположился другой Чикаго, громадные небоскребы глядят в воду. Сейчас поверхность озера серая, но при солнечном освещении она становится голубой. И вот мы снова на старом месте, — те же ковры, книги, мебель, те же вопросы и те же заботы. Утром, когда на плитке кипит чайник, включаю радиоприемник и слышу те же программы, те же новости, ту же рекламу. <...> Радио трещит, рекламируя утку по-пекински и французские блюда, названия вин вместе со всеми мировыми катастрофами и беспорядками. Вокруг на своих местах, как и прежде, лежат книги, бумаги, журналы, рукописи. Невозможно угнаться за корреспонденцией. Оскар Уайльд однажды сказал, что знал одного многообещающего молодого человека, который доконал себя, отвечая на все письма. Просто невозможно продраться через эту навозную кучу газет, да плюс еще две-три

книги, которые поступают ко мне ежедневно. В университете мне предстоит вести с Дэвидом Грином курс длинных рассказов или коротких повестей Толстого: «Хозяин и работник», «Хаджи Мурат», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергий». Слава Богу, я просто обязан сперва прочитать все эти шедевры. А также «Одиссею», так как Грин часто приглашал меня на свои лекции по Гомеру, которые он читает на греческом языке. Я посещаю две его лекции в неделю и слышу его назидательную, запинающуюся речь, сидя за спинами внимающих ему студентов. Мы проходим пятую книгу. Одиссей покидает остров Калипсо на плоту и уходит в «открытое море». Но Посейдон устраивает страшный шторм своим трезубцем. Ино со стройными лодыжками приходит на помощь отчаявшемуся Одиссею и передает ему свою накидку, призывая его плыть, несмотря на бурю. Что может быть более прекрасным, более впечатляющим, чем эта картина, — Одиссей в своем отчаянии обращается с молитвой к богине рек, и она замедляет для него течение, чтобы дать ему возможность выбраться на берег. Итак, Одиссей выбирается на берег, у него на руках стерта кожа, а морская вода струями выливается у него из носа и рта. Он вновь свободно дышит, и его сердце вновь заливает теплота. <...>

В Стэнфорде, где мы провели несколько дней, поменяв мрачную ледяную страну — «Чикаголенд» на цитрусовую зелень региона, блаженствуют пенсионеры. Там я встретился с профессором Иосафатом Харкаби (кажется, он генерал по званию), чья специальность — арабо-израильский конфликт. Профессор Харкаби, который получил степень кандидата философии и арабской литературы в Еврейском университете, сделал еще и военную карьеру. В период с 1955 по 1959 гг. он был начальником разведки министерства обороны Израиля. В Пало Альто он проводит какие-то научные исследования. Лицо профессора говорит о том, что он провел гораздо больше времени на солнцепеке, чем у книжных полок. Глаза у него светлее цвета лица, ясный, точный взгляд; седые волосы; четко очерченный рот, приятной формы губы. Его внешняя приятность объясняется целеустремленностью человека, на которого давит груз проблем. Нас с ним угощает обедом в клубе факультета старый мой приятель доктор Генри Каплан, радиолог, который возглавляет новую стэнфордскую лабораторию по исследованию раковых заболеваний. Нам приносят большие куски говядины на ребрышках, но на них не так много мяса, чтобы целиком завладеть нашим вниманием, не оставляя ничего для беседы. <...> Мы, живущие на Западе, не понимаем арабской проблемы, говорит профессор Харкаби; к сожалению, и израильтянам в этом отношении похвастаться нечем. Им нужно глубже вникнуть в суть конфликта. Израильским руководителям, если они на самом деле хотят разумно подойти к решению проблемы, нужно прежде всего выяснить, кто такие арабы, какой мир с ними должен быть положен в основу взаимоотношений. Харкаби говорит прямо, без обиняков. Сионисты пришли в Палестину без каких-либо планов вытеснить оттуда арабов. Они надеялись организовать там еврейское государство, но, когда Герцлю не удалось получить международной хартии на право провозглашения такого государства, сионисты ограничились покупкой земель для возделывания. Земли приобретались у арабов, их никто не захватывал силой. Евреи постоянно проживали в Палестине с древних времен. Прибытие еврейских поселенцев из Европы не привело к их вмешательству в борьбу арабов за свое самоопределение. До последнего времени не существовало никакого арабского националистического движения или борьбы за самоопределение. Вот что пишет Харкаби о том первоначальном периоде — восьмидесятых—девяностых годах прошлого столетия: «Палестинские арабы не проявляли большой заинтересованности в этой стране и не выражали к ней особенной

привязанности; многие их руководители сами продавали земли, хотя для вида выражали свой протест в этой связи». Англичане вместе с евреями в двадцатые годы предложили выход из создавшегося положения, но он был отвергнут арабскими экстремистскими лидерами. Начались мятежи и убийства. Еврейские поселенцы организовали отряды обороны, которые стали зародышем будущей армии. «Неуступчивость, проявляемая арабами, привела к политике разделения и возникновению еврейской государственности», — пишет Харкаби. Арабы не имеют никакого отношения к плану ООН по разделению; они отвергли план создания отдельного палестинского государства, подвергнув его нападкам со всех сторон. Во время конфликта палестинское общество, которое никогда не отличалось особой крепостью, развалилось на части. Большинство богатых семей покинуло страну. Как сообщает арабский историк-националист Валид Аль-Кахави («Катастрофа и создание арабского отечества», Иерусалим, 1974), арабские руководители тоже начали покидать страну. Они искали «успокоения в Египте, Сирии и Ливане». Они отказались от невыносимой ноши борьбы и принесения жертв ради рабочих, крестьян и представителей среднего класса... Все эти факторы — коллективный страх, моральный распад и хаос, проявлявшиеся в любой области жизни, — стали причиной отъезда арабов из Тиверии, Хайфы, Яффы и десятков деревень. Харкаби в заключение говорит, что «если палестинцы и были вытеснены, то сделали они это сами».

Это звучит довольно сурово, но Харкаби не снимает ответственности за это и с сионистов. Его никак нельзя упрекнуть в предвзятом отношении к арабам. И все же он пишет, что арабские лидеры, разглагольствуя «о справедливом решении палестинского вопроса», под этим подразумевают отказ от «израильского вопроса»: «Ислам не признает ни независимости, ни равенства в отношении евреев». На языке арабских националистов, Израиль — это «один из наиболее опасных очагов империалистического сопротивления борьбе народов», а посему он «должен быть ликвидирован». Изменение арабской позиции требует гораздо большего, чем просто дипломатии или политики. Арабские государства, как феодальные, так и «левого» пошиба, признают только одну религию — ислам. Они могут терпеть евреев, маронитов, коптов, но только как национальные меньшинства под исламским верховенством. Террористы из организации «Фатх» обратились к исламским религиозным руководителям с просьбой разрешить им объявить войну евреям джихад: священная война необходима для установления советской республики.

С израильской точки зрения, идеального решения можно достичь, если отыскать пути смягчения закоренелых предрассудков, сложившихся на протяжении столетий. Но бесполезно, особенно в атмосфере накаленного национализма, мечтать об изменении арабской культуры или о развитии каких-то новых органов, способствующих примирению. Органы, замешанные на альтруизме, не пойдут в рост. Если у еврейских «левых» найдутся новые сердца, чтобы внести в это дело свой вклад, то я не уверен, что такая трансплантация увенчается успехом. <..>

Палестинцы, утверждает Харкаби, образуют особую группу среди арабов, они не чувствуют себя, как дома, в соседних арабских странах. «Среди беженцев, — пишет он, — развилось особое мышление, которое клеймит позором ассимиляцию палестинцев в арабских обществах и называет ее актом предательства». Некоторые палестинцы оказывают сопротивление усилиям, предпринимаемым с целью улучшения условий их жизни в лагерях, опасаясь, что это будет воспринято как их отказ от надежды на возвращение. Харкаби проводит различие между старшим поколением беженцев, которое стремится возвратить

утраченную землю и собственность, вернуться к идиллии прошлого, и молодым поколением, которое заменило такую ностальгию ненавистью и хочет вернуться на родину отцов только как завоеватели и хозяева. Это новое поколение, смешивая марксизм с терроризмом, выбрало в качестве своих любимых теоретиков Мао Цзедуна, Фанона и Че Гевару, и такие идеологические пристрастия завоевали им симпатию у еврейских «левых».

Палестинцы являются пан-арабистами, но их знакомство с арабскими странами «не всегда внушало им любовь к ним, так как у них были свои горькие претензии к ним», — довольно оригинально пишет Харкаби. Они, конечно, получили какую-то поддержку, но их немало эксплуатировали и злоупотребляли ими.

Профессор Малькольм Керр писал в книге «Арабская «холодная война» (1971), что бытующий на западе миф утверждает, будто «проблема Палестины объединяет арабские страны, а во всем остальном они разделены. Точнее было бы сказать: когда арабы выражают готовность к сотрудничеству, то такое желание находит свое выражение в соглашении избегать всяких действий в отношении Палестины, а когда у них появляется настроение поссориться, то отношение к Палестине и становится предметом такой ссоры». <...>

Я обратился к книге профессора Керра о «ближнем» бое между Насером и его соперниками, чтобы хоть что-то понять в политике, проводимой странами, окружающими Израиль. Для меня чуть ли не откровением стал рассказ Керра о борьбе между палестинскими партизанами и иорданской армией короля Хуссейна. Палестинцы-федаины носились с грохотом по Амману в своих джипах, набитых оружием. Они вели себя, пишет Керр, «как обычно ведет себя оккупационная армия; они вымогали финансовую помощь от людей, иногда даже от иностранцев, как у них дома, так и в общественных местах; они нарушали правила уличного движения, не регистрировали свои средства передвижения, отказывались останавливаться у армейских КПП; они повсюду хвастались своей ролью в судьбе Израиля и всячески умаляли достоинство армии. Само их присутствие в Аммане, в месте, весьма далеком от поля боя, казалось вызовом, брошенным самому режиму». Партизаны не очень проявляли себя в стычках с израильскими пограничными патрулями, «но с помощью своей армии, финансов, социальных служб, международной дипломатии федаины возводили основы собственного государства внутри Иордании». Иорданское правительство после поражения 1967 года было вынуждено принять различные группы палестинского сопротивления, пытаясь как-то контролировать и сдерживать их воинственный пыл. Хуссейн старался избежать военных столкновений; некоторые из палестинских организаций тоже хотели установить мир, но экстремистски настроенное меньшинство, Народный фронт освобождения Палестины во главе с доктором Хабашем, просто отбилось от рук. По его мнению, правительства Саудовской Аравии, Кувейта, Ливана и Иордании целиком зависели от Соединенных Штатов, а поэтому являлись «скрытыми коллаборационистами Израиля». Народный фронт объявил бойкот ООП Арафата, назвав эту организацию бюрократической и антиреволюционной. Хабаш со своими сторонниками решил придать своей борьбе более революционный характер, для чего начал осуществлять захваты заложников, самолетов и вести широкую антииорданскую пропаганду. Стремясь к сохранению единства, другие палестинские организации воздерживались от критики в его адрес, хотя не одобряли действий Народного фронта. Само собой разумеется, происходили вооруженные столкновения между революционерами и иорданскими войсками. В этой армии росли чувства антипатии и даже ненависти по отношению к палестинским партизанам. <...>

В июне 1970 года Народный фронт захватил несколько отелей, в сентябре были захвачены четыре самолета, принадлежащие европейским авиационным компаниям. Теперь, несмотря на разработанный Насером план мирного урегулирования, Хуссейн больше не мог откладывать сражение. Начиная с 1967 года, его с Насером связывали общие интересы, но король уже не доверял дружбе, которая строилась на явно выраженных тактических расчетах. Палестинцы были клиентами Насера; Хуссейн был его врагом, одним из тех реакционных правителей, которых он неоднократно клеймил.

В середине сентября палестинские «коммандос» начали подготовку ко всеобщей забастовке в поддержку своих требований о «чистке» режима Хуссейна, после которой королю предстояло стать «номинальной властью». Такой безрассудный вызов, брошенный палестинцами, переполнил чашу терпения Хуссейна и его военачальников. 17 сентября армия нанесла удар по силам палестинцев. «Не только укрепленные точки федаинов, но и все районы проживания палестинского населения, включая их лагеря беженцев на окраине Аммана, стали мишенями и подверглись прямому обстрелу из пулеметов, гаубиц и всех артиллерийских средств».

Иракская воинская часть, насчитывавшая в своем составе до двадцати тысяч бойцов и расположенная в Иордании для защиты интересов палестинского сопротивления, не вмешивалась в конфликт. Сирийская танковая колонна перешла границу, но была вынуждена отступить после нескольких дней кровавых боев.

Бедуины Хуссейна расправились более чем с 3,5 тысячами людей. По словам Керра, «иорданская армия уничтожила больше палестинцев в 1970 году, чем Моше Даян в 1967-м. Пикантность создавшейся ситуации не могла остаться незамеченной для палестинцев, которые жили на Западном берегу в условиях израильской оккупации. Каковы будут их перспективы, что станет с их надеждами, если они возвратятся под суверенитет Хашемитского государства? ...Некоторые из беженцев на Западном берегу теперь предпочли жить под израильским господством, чтобы не стать жертвами иорданской армии. Не прошла эта пикантность мимо израильтян, которые были вынуждены сделать одно весьма проницательное наблюдение. «Если арабы так расправились друг с другом, — задавали они вопрос, — то на какое отношение могут рассчитывать израильтяне, если арабы победят?»

В арабском мире Насер подвергся суровой критике, так как его дружба с Хуссейном делала его соучастником массовой расправы над арабами. Его искусство политика, которое столько раз превозносилось до небес, снова привело к гибели тысяч арабов. <...>

Профессор Керр считает, что бойня в Аммане стала тем, чего Насер уже не мог вынести, и это унижение привело, судя по всему, к роковому сердечному приступу. Египет был слишком бедной и слабой страной, чтобы поддержать бисмарковские амбиции Насера. Да и сам он, по словам профессора Керра, не обладал такой силой, чтобы вынести все более тяжкий груз поражений. <...>

В Лондоне Кадури говорил мне: жаль, что евреи занялись политикой. Так ли уж необходимо было основывать новое государство в самой опасной зоне мира? Национализм, подразумевал он, это такое зло, которое евреям не следует добавлять к своей и без того горькой истории. Мне казалось, что когда он так говорил, то выражал свое сожаление. Однако он никого не винил. Если я выйду за рамки высказанного им, то должен нести за это личную ответственность. Но как трудно обращать свои здравые рассуждения к тем людям, которые

пережили Катастрофу... Возможно, многим из тех, кому удалось выжить в аду концентрационных лагерей, захотелось и после этого остаться вместе. Они хотели жить вместе, как евреи. В любом случае глупо говорить об альтернативах. Создание этого государства было неизбежным. Лишь отчаянная, обнаженная необходимость заставила выживших евреев отправиться на Ближний Восток. Они не занимались разработкой абстрактных исторических проблем — они стояли перед лицом полного уничтожения.

А чем же грозил арабам приезд еврейских беженцев? «Самой печальной для арабов судьбой, — пишет Уолтер Лакёр, один из талантливейших исследователей Ближнего Востока, — стало разделение Палестины и предоставление арабам статуса национального меньшинства в еврейском государстве». Основание Израиля не прошло чисто, без греха, но избежать конфликта было просто невозможно, так как «не существовало никакой основы для компромисса». В чем же он видит вину сионистов? Их главный грех заключается в том, что они вели себя точно так, как другие люди. Государства-нации никогда не появлялись на географической карте мирно, без нарушений справедливости. В центре любого государства при его образовании, как выразился недавно один писатель, «лежит гора трупов». «Историческая трагедия сионизма, — говорит Лакёр, — заключается в том, что он вышел на международную арену, когда в мире уже не оставалось незаполненного пространства». С течением времени все жестокости, совершенные давно существующими государствами, выветрились из памяти и прочно забылись. Русские депортировали со своих родных мест чеченцев, калмыков, волжских немцев, но проблемы этих народов никто не обсуждает в ООН. Так вот где собака зарыта: то, что другие совершили в крупных масштабах, евреям нельзя делать даже в крошечном. За это их и обвиняют. Чем вы слабее, тем непростительнее ваша вина; чем опаснее ваши условия жизни, тем суровее вас критикуют.

Независимые арабские государства были созданы после того, как союзники разрушили Оттоманскую империю. Тогда лорд Бальфур надеялся, что освобожденные от турецкого ярма арабы не станут выражать недовольства и уступят один процент освобожденных территорий для создания еврейского национального дома. Речь идет «о маленьком клочке земли, — он никак не может быть больше с географической точки зрения, если не говорить об исторической, — маленьком клочке, который арабы передают теперь из своих территорий народу, который на протяжении сотен лет был разлучен с этой землей», — писал лорд Бальфур.

Но его робкая надежда была отвергнута.

Блестящий молодой израильский писатель А.Б.Иехошуа привел своих читателей в состояние шока, предположив, что у евреев есть нечто такое, что вызывает умопомешательство у других народов. Немецкая жестокость по отношению к евреям была особым видом проявления безумия. Иехошуа усматривает подобные симптомы среди арабов, развиваются они и в России. «Может, в нашем еврействе есть что-то особенное, — пишет он, — в том риске, на который мы идем, в том факте, что мы живем на краю пропасти и умеем это делать. Для нас наше еврейское естество понятно, и мы его хорошо ощущаем, — но трудно сказать, понимает ли это остальной мир, и, прибегнув к особой логике, можно даже оправдать такое недопонимание, так как, когда вы обращаетесь к такому феномену как еврей, его не так легко понять. Ибо в глазах нации, например, немцев и арабов, которые сталкивались с нами в определенной

исторической ситуации, само наше существование и неопределенность нашего естества могли вызвать искру безумия».

Вряд ли стоит поддаваться шоку из-за подобных спекуляций в отношении одного из величайших преступлений нашего века, — преступления, которое может повториться. Стоит лишь исключить возможность, что причиной этого является сила тьмы или дух зла, и вы просто вынуждены признаться, что некоторые из нас, даже не отдавая себе в том отчета, провоцируют других к сумасшествию и убийству.

Именно такую «неопределенность естества» евреи стремились преодолеть в Израиле, лишившись «тайны» и превратившись в обычных людей, в обыкновенных фермеров, рабочих, механиков, солдат, — частично ради отказа от того характера, который они приобрели, находясь в изгнании, частично ради того, чтобы избежать той искры, которая может взорвать разум их потенциальных врагов. Те евреи, которые хорошо знают еврейскую историю, не могут не видеть признаки помешательства повсюду. Кто-нибудь предпринимал попытку понять, почему еврейские доктора стали выдающимися специалистами в области современной психиатрии? Опыт говорит, что здравомыслие — отнюдь не стабильная и надежная величина. Отсюда и постоянный акцент Израиля на «нормальность». Иехошуа говорит о «нормализации» евреев в своей собственной стране. Если бы они не были вынуждены сражаться с арабами, то основная цель сионизма была бы достигнута. Таков его вывод.

«Почему нации яростно неистовствуют вместе, и почему народы являют тщету?» — спрашивает Гендель, приводя цитату из Священного писания в своем «Мессии». И спустя тысячелетия мы все еще неистовствуем, все еще являем тщету. И вот появился Израиль — нация среди других наций. Сионисты не хотели терять своего еврейства в землях своего изгнания и расстаться с ним через ассимиляцию. Ассимиляция в любом случае не сработала; да и с кем можно было ассимилировать в эпоху упадка? Но все же Израиль в целом не может избежать некоторой ассимиляции. Ради собственного выживания ему приходится вникать в американские проблемы, — своей озабоченностью состоянием дел в Америке евреи в Тель-Авиве напоминают евреев в Нью-Йорке или Чикаго. Израиль должен считаться с этим миром, с его безумием, даже в самой его гротескной форме. И все это ради того, чтобы жить жизнью евреев в еврейском государстве.

На следующий день я опять в «Чикаголсиде». Как мореход античности, которого постоянно зовет к себе Северный полюс.

Если посмотреть на север из моего окна, видна новая башня «Сиарс», в сумеречном свете она не изумрудная, а темно-серая. Она похожа на карандаш и выше нескольких айсбергов, если их поставить один на другой. «Сиарс» напоминает сотни тысяч японских транзисторов, уложенных громадно-высоко и ожидающих отправки морем.

Я знаю, как утишить мой буйный дух в этом городе. Я звоню своему коллеге по университету Моррису Яновицу и договариваюсь встретиться у «Орла», в соседнем ресторанчике. Мне хочется поговорить с ним об Израиле. <...>

Яновиц спрашивает меня, как я оцениваю нынешнюю ситуацию в Израиле и что я в этой связи мог бы порекомендовать. Я отвечаю, что мое суждение, вероятно, не имеет особой ценности. Я здесь просто заинтересованный любитель, новичок, пришедший учиться. Однако я могу рассказать ему то, что слыхал от интеллигентных, разумных и опытных наблюдателей.

Многие из них, говорю я, считают, что Израилю нужно было давно убраться с Западного берега — само собой разумеется, на выгодных для него условиях. Ни один человек в здравом уме не может говорить об уходе Израиля, если это связано с риском военного нападения. Но правительство по горло увязло с этой оккупацией. Некоторые советники короля Хуссейна убеждают его теперь ответить отказом на предложения вернуть захваченные земли. Советники Хуссейна руководствуются при этом таким соображением: «Мы должны были управлять палестинцами, а в это время другие их подкупали. Теперь пусть ими управляет Израиль, а их подкуп мы возьмем на себя».

Укрепив свое положение нефтедолларами и пользуясь всемирной поддержкой, особенно со стороны «левых», арабские страны не видят никакой необходимости в проведении переговоров с Израилем. Они планируют его полное уничтожение в будущем, а пока с удовлетворением наблюдают за тамошними распрями и беспорядками. Кроме того, существует и проблема ультраортодоксальных зелотов, которые считают своим, данным им Богом, правом захват земель на Западном берегу. Рассерженные арабы рассматривают нежелание правительства Рабина пресечь поползновения этих поселенцев как знак одобрения их действий или как его скрытую политику. Израильские религиозные националисты не объединены в какую-то политическую группу, но в парламенте они пользуются поддержкой «правых». Я разговаривал в Иерусалиме со студентами, которые считают, что нет ничего более опасного в настоящий момент для Израиля, чем религиозный национализм. Они считают такие действия антисионистскими, так как руководители сионистского движения не проявляли никаких религиозно-территориальных амбиций. В Америке даже те, кто симпатизируют Израилю и поддерживают его, не видят причин, почему Соединенные Штаты должны выступать спонсорами такого религиозного экспансионизма. С другой стороны, многим израильтянам отвратительна мысль о том, что Израиль может превратиться в американского сателлита, поэтому они, выражая свои симпатии к таким движениям, как Гуш Эмуним, тем самым хотят утвердить собственную политическую независимость. По сути дела, они хотят сказать, что не пожертвуют своей независимостью только потому, что Америка выделяет им два миллиарда долларов ежегодно.

Яновиц не исключает возможности, что новый президент может занять жесткую, даже оскорбительную позицию. Однако, указывает он, с самого начала американская политика всегда преследовала цель оказания защиты Израилю. Без американского одобрения и помощи Израиля, вероятно, не существовало бы. А американцы в последнее время все чаще заявляют, что только они могут принести мир на Ближний Восток. Тем не менее, такая зависимость очень больно воспринимается. В период с 1967 по 1973 гг. израильтяне, по крайней мере, чувствовали себя свободными от «патронажа». Теперь даже самые вялые критики обвиняют Рабина в продаже Израиля Америке. Они скорее готовы все оставить как есть, чем превратиться в марионеток и жить на американские подачки; поэтому они твердят, что не уступят ни пяди земли ни на Западном берегу, ни на Синае. А с другой стороны, продолжает Яновиц, оккупация Западного берега дает возможность международной общественности винить Израиль за все дурное, происходящее на Ближнем Востоке; оккупация усиливает палестинское движение; оккупация стоит Израилю кучу денег и не приносит ему ничего, кроме огорчений. Арабы не хотят, чтобы ими управляли израильтяне. Они требуют самоуправления. Из-за высокой рождаемости арабы скоро могут превзойти по численности евреев и одержать на выборах победу. Как же

демократическое еврейское государство предполагает решить демографическую проблему? <...>

На следующий день аккуратный Яновиц прислал мне меморандум, в котором объяснял некоторые свои замечания, сделанные накануне за столом. «Израильтяне должны выступить с весомым пакетом предложений в отношении урегулирования на Западном берегу, так как эта территория касается палестинских устремлений. Необходимо выступить с предварительными предложениями и завязать дискуссию». В результате таких переговоров можно добиться какой-то формы кондоминиума. Западный берег, принимая поправки и той, и другой стороны, должен стать основой для образования Палестинского государства. Но это должно быть такое государство, которое признает взаимозависимость в современном мире. Такой установленный кондоминиум предполагает образование каких-то совместных агентств, которые займутся разрешением проблем, связанных с телевизионной связью, транспортом, валютой и прочими совместными соглашениями, определяющими условия торговли и коммерции. Такие особые соглашения могут быть заключены и с другими арабскими странами. Главным вопросом станет вопрос о гарантиях военной безопасности и предотвращении терроризма. В качестве первого совместного шага должны быть созданы совместные израильско-иорданские полицейские силы, на которые будет возложено выполнение этих задач».

Переговоры в Женеве должны открыться с такого предложения. Их следует начать немедленно. Яновиц говорит, что есть основания считать, что Россия проявит свою заинтересованность в таком соглашении, хотя Россия не будет напрямую вовлечена в работу по поддержанию мира. Другие арабские страны, например, Саудовская Аравия, могут оказать поддержку такому кондоминиуму. Саудиды «могут быть привлечены к ватиканизации нееврейских Святых мест в Иерусалиме». Вопрос о доступе к Святым местам столь же важен для арабов, как и безопасность на Западном берегу для израильтян. Почему Советский Союз согласится рассмотреть подобный план? Потому что Советы опасаются нового «военного раунда», последствия которого могут быть непредсказуемыми, — слишком велик риск дальнейшей эскалации военных действий. «Они выражают свою озабоченность в связи с распространением ядерного оружия на Ближнем Востоке, — говорит Яновиц. дело израильской политики проанализировать все возможности, способствующие предотвращению добавления ядерного оружия в этот арсенал. Это очень важно для поддержания долгосрочной безопасности и для моральной позиции Израиля в мире. Разумеется, Израиль может обладать ядерным оружием, но такой шаг с его стороны должен рассматриваться как крайняя мера. Необходимо создать международную организацию, в которую вошло бы Международное агентство по атомной энергии, и наделить ее полномочиями, позволяющими предотвращать ввоз ядерного оружия на Ближний Восток».

Яновиц считает, что некоторые израильские политики и интеллектуалы убеждены, что нельзя избежать еще одного «военного раунда», и что такое сражение только укрепит Израиль, предоставив ему более благоприятные условия для ведения переговоров. Он не сомневается, что в следующей войне израильская армия проявит больше мужества и будет действовать куда более эффективно, чем в 1963 году. Но Израиль не сможет одержать окончательную победу, — еще одно сражение «приведет к еще одному пату и к еще одному витку гонки вооружений». Потери будут значительными, цена войны окажется слишком высокой. Еще одна война «разорвет ткань израильского общества и приведет к новым разрушениям и новой трагедии». <...>

В Иерусалим и обратно...73

Вновь образованные государства часто попадают в беду, если умирает их основатель и отец. Бен-Гурион обладал таким авторитетом, который позволял ему осуществлять контроль над враждующими фракциями и навязывать непопулярные, но необходимые решения. Теперь нет никого, кто мог бы сравниться с ним. Нет и времени, чтобы молить небеса о ниспослании ему преемника.

Занимался составлением того, что можно назвать личным конспектом по Израилю, — выписками из дюжин книг и десятков документов. Иногда испытываешь соблазн и начинаешь думать, что все, что поддается исследованию, все, что может быть записано, можно подвергнуть разумной корректировке. Но затем вспоминаешь, что те исследователи, которые лучше других знают свой предмет, как раз и оказываются самыми большими пессимистами. И тогда на ум приходит мысль, что такая разумная корректировка — это одна из самых отдаленных возможностей. Время от времени истинной природе изучаемого предмета все же удается прорваться. Вот я читаю статью Дэвида Гутмана, одного из профессоров, который был участником прошлогодней конференции по проблемам Ближнего Востока, много путешествовал по региону, интервьюировал арабских и израильских руководителей. Профессор Гутман дословно цитирует речь министра обороны Сирии генерала Мустафы Тласа перед Национальной ассамблеей. Восхваляя одного героя войны, который своими руками убил двадцать восемь израильтян, генерал сказал: «Он зарубил трех из них топором, а затем отрубил им головы. Другими словами, вместо того чтобы застрелить их из пистолета, он схватил топор и срубил им головы. Он вступил врукопашную с одним из них и, отбросив в сторону топор, ухитрился сломать ему шею и, впившись зубами в его плоть, начал пожирать ее на глазах у своих товарищей. Но это — совершенно особый случай. Должен ли я его представить к награждению Медалью Республики? Я награжу этой медалью любого солдата, который сможет убить двадцать восемь евреев, и я осыплю его похвалами и почестями за смелость». Египетские и сирийские руководители говорят об основании Израиля как о «первородном грехе»; неужели этот грех настолько велик, что оправдывает не только массовое убийство, но и каннибализм? Разного рода комментаторы и ученые — левые, правые, центристы — разглагольствуют об империализме и социализме, о ближневосточном национализме. Нужно ли добавить к списку этих «измов» еще и каннибализм? <...>

Давайте попытаемся все это объединить, «привести к общему знаменателю», как любил говаривать один из моих преподавателей. Все это, конечно, хорошо. Но сей предмет просто ускользает, не позволяет внести в себя ясность. Вмешиваются такие обстоятельства, как история ислама, политика Израиля, амбиции русских, американские внутренние и внешние проблемы. Они нагромождаются друг на друга, не говоря уже о таких «вещах», как потрясения в третьем мире и кризис, переживаемый западной цивилизацией. Вместо того чтобы внести ясность, мы заражаемся царящим хаосом. Кроме того, я обнаружил, что разговоры с общественными деятелями, отчеты о которых публикуются в газетах, в этом деле далеко не подспорье. Моими самыми неудачными беседами оказались беседы с теми людьми, у которых было что сказать.

Абсолютно бесплодная беседа с Киссинджером. Во-первых, он не хочет говорить. Во всяком случае, серьезно. Во-вторых, он уже все сказал. Все его взгляды давно отражены в прессе и известны во всем мире. Все, по сути, уже сказано.

В Вашингтоне ярко сияет солнце. Меня приглашают в приемную Киссинджера. Я бросаю взгляд на то, что, как полагаю, является собакой его секретаря, золотым охотничьим псом, а потом принимаюсь изучать портреты Бена Франклина и Д.Адамса, а также различные изысканные вещицы, расставленные повсюду в этом зале, который носит имя Джеймса Монро. Ожидая вызова, я потягиваю из стаканчика виски и читаю брошюрки, в которых подробно описывается эта комната. Мне их предупредительно вручил вежливый помощник. Затем появляется Киссинджер, человек с крупным лицом и замечательной шевелюрой; ее тугие завитки плотными волнами идут к макушке. Самый натуральный тип американца-иностранца, который говорит на гарвардском и вашингтонском английском языке. Он приглашает меня пройти вместе с ним в его личную столовую, где официант тут же ставит перед нами тарелки с супом, телятину и десерт, с которым, очевидно, нам никогда не справиться. Киссинджер пробует пудинг и тут же отодвигает его в сторону. Обращаясь ко мне, он говорит, что не может позволить мне цитировать в прессе его слова. Ладно, я готов повиноваться. Между тем его обильно цитируют все, кому не лень. Я не только выслушал бесконечные дискуссии тех людей, которые его хорошо знали, но прочитал книгу Матти Голана о нем и меморандум Мартина Липсета, в котором излагаются взгляды Киссинджера на положение в Израиле. Все эти факты до сих пор звучат у меня в ушах. Тогда что же мне здесь делать? Мне очень любопытно узнать, что думает государственный секретарь об Израиле. Если верить меморандуму Липсета, то Киссинджер заявил, что его «религия» вряд ли позволит ему ослабить свою поддержку Израиля. Его родители погибли в концентрационных лагерях, и, само собой разумеется, это не могло не сказаться на его эмоциональном состоянии. Если бы он знал, что ситуация на Ближнем Востоке приведет к таким громадным трудностям, то, вероятно, отказался бы от поста государственного секретаря. Но он, конечно, готов сделать все, что может, чтобы добиться там прочного мира.

Государственный секретарь смотрит мне прямо в глаза, я близко вижу его крупное лицо. Вдруг он понижает голос и начинает весьма благочестиво рассказывать мне о своих чувствах еврея. Я не могу отделаться от мысли, что, вероятно, под столом уже крутится пленка звукозаписывающего аппарата. Несомненно, чтобы обезопасить себя, он записывает нашу беседу. Почему бы и нет? Он не должен рисковать, принимая визитеров, которые могут исказить его слова. Очень трудно понять, то ли он говорит мне то, что на самом деле думает, или то, что, по его мнению, я хочу услышать. Он говорит, что тень уничтожения висит над ним, как и над другими евреями, что и его душа наполнена страхами за безопасность Израиля. Если мир не сумеет пройти через нравственное испытание с целью сохранения такой безопасности, то это будет конец цивилизации. Он рисует себя активным защитником Израиля, чьи усилия не оценены должным образом. Он посвятил Ближнему Востоку больше времени, чем любой другой американский государственный секретарь. Америка, которая является единственной опорой Израиля, на самом деле больше заинтересована в арабах. Сразу бросается в глаза, что хочет сказать Киссинджер: именно он стоял между Израилем и его противниками в американском правительстве; когда он уйдет со своего поста (а это должно произойти в скором времени), то о нем еще пожалеют те, кто сейчас нападают на него. Киссинджер обладает ловкостью опытного манипулятора, но я чувствую его пульс, каким бы слабым он ни был.

Киссинджер обладает определенной культурой (он этого не скрывает) и является серьезным ученым в области истории и политики. Вполне возможно, что теперь, находясь в Вашингтоне, он выражает некоторое презрение, свойст-

венное «большим шишкам», к обычному профессору. Люди говорят о его двуличии, расчетливости, цинизме, и, скорее всего, он циничен и хитер. Ну, чтобы отстаивать свое в никсоновском Вашингтоне, человек должен быть невероятно находчивым, сложным, одаренным во многом, а это иногда вызывает неприязнь. В беседе с ним я вдруг вспоминаю одну фразу из книги Голана. Вот что он говорит по поводу «челночной» дипломатии Киссинджера: «Мои записи его дискуссий являют такой образчик обмана и нарушенных обещаний, которые заставили бы покраснеть от стыда его любимца Меттерниха».

«Эх, — восклицает Киссинджер, отворачиваясь в сторону. — Как было бы хорошо, если бы Библию составили в Уганде. От этого всем было бы лучше».

Затем он приносит свои извинения и оставляет меня с таким ощущением, что он, мол, готов еще поболтать со мной, но его ждут в каком-то скучном комитете конгресса.

Джо Олсоп, которого я тоже посещаю в Вашингтоне, — один из самых преданных сторонников Киссинджера. Олсоп тоже не хочет наживать себе лишних врагов. Многие считают его безумным «ястребом» и милитаристом. Может, так оно и есть. Я отправляюсь к нему, чтобы пропустить с ним по стаканчику виски, а не для того, чтобы выразить свою поддержку его взглядам. Он иногда меня коробит, но мне всегда нравилось в его компании. У него очень приятный голос. Его круглые веснушки заканчиваются на кончике носа. Он сидит в своей библиотеке в Джорджтауне и потягивает чай из большой чашки. Вокруг на полках книги снизу доверху. Ему иногда нравится поиздеваться над своими посетителями, но он все же их развлекает. Его воспоминания стоит послушать. Он довольно долго разглагольствует. Очень часто ссылается на свою любимую здесь, в Вашингтоне, книгу Генри Адамса «Демократия». Но он не возражает против перемены темы. Это вам не гнетущий скряга, — нет, это весьма живописный тип. Он ведет спор, задавая серию агрессивных по характеру вопросов, уснащенных всевозможными восклицаниями вроде: «А!», «Вон оно что!», «На самом деле?», «Разве у Израиля есть более надежные друзья, чем я?», «А что Генри — а?», «А где будут другие, когда запахнет жареным, — а?» (Он не называет «других» по имени, но ясно, что он говорит о сторонниках Израиля в палате представителей и в сенате.), «Где они будут, когда там начнут зачитывать список, — а?», «Хватит ли у них мужества ввязаться в бой, или же они начнут спасать свои треклятые собственные шкуры, — а?», «Ну-ка, ответьте мне, — а?» Он энергично расхаживает по библиотеке, — этот немного сгорбленный, но еще сильный человек. «Я буду там, когда начнут вызывать по списку, — заверяет он меня. — Ну, а что происходит с этими израильтянами? Разве не могут они, наконец, уладить собственные внутренние разногласия, которые осточертели всем? Или они хотят оказаться на том же месте, на каком оказались Англия и Франция в 1939 году? Сражаться, как загнанные в угол крысы? Разве я не советую им, что нужно избежать этого? Но разве я не буду стоять за них до последнего, — а? Я просто обожаю этих парней. Они умеют драться. Но они не испытывают сейчас ко мне дружеских чувств, не правда ли?»

— Они считают, что ваша статья, которая начинается с обращения «Мой дорогой Амос», была инспирирована Киссинджером.

— Чепуха. Я написал ее сам, по собственному желанию. Так я всегда думал, и им об этом хорошо известно. Когда Рабин был послом здесь, в Вашингтоне, он был одним из моих лучших друзей. Я люблю его как брата. Ну, а почему эти ребята настолько упрямы, что не хотят уступить землю? Купить мир за землю?

Но до сих пор они почти ничего не купили.

Поздняя весна. Лилии зацвели и отцвели, с деревьев опал цвет. Весна 1976 года выдалась холоднее обычной. В марте мои друзья в Израиле сообщили, что у них там — очаровательное время. Я помню анемоны на склонах Галилеи. Деннис Силк прислал мне несколько стихотворений и жалуется, что политика довела его до депрессии. Он развлекается игрушкой, присланной ему из Китая; ее можно использовать в театре марионеток, для которого он пишет пьесу. Джон Ауэрбах сообщает, что он работает на курорте киббуца, расположенного на берегу моря, бронирует по телефону для желающих места и готовится к летнему сезону. Говоря о политике, он утверждает, что хотя он прожил в Израиле тридцать лет, с каждым годом он все меньше в ней понимает. Политики просто дерутся между собой, — «и это происходит во враждебно настроенном против нас мире, а запасы оружия накапливаются с каждым днем». В Иерусалиме происходят беспорядки из-за Храмовой горы, а на Западном берегу — демонстрации и мятежи. Будет ужасно, если такие стычки примут хронический характер, а за убийствами последуют репрессии. Тогда здесь возникнет ситуация, подобная Ольстерской, а Белфастом станет Иерусалим, который Тедди Коллек так старается превратить в приятный, мирный город.

1 мая я с большой радостью прочитал в чикагской газете «Трибьюн», что израильский посол в Лондоне Гидеон Рафаэль привез израильские предложения для мирных переговоров. Они не вызвали большого интереса, — пресса была занята признаниями одного конгрессмена из штата Огайо, который включил свою подружку, сексуальную и зажигательную дамочку, в федеральный список на получение зарплаты. Только после того, как завершился этот очаровательный и пикантный эпизод из американской истории, газеты смогли предоставить первые полосы новым мирным предложениям Израиля. Одно из них призывает установить мораторий на программы вооружений, в результате чего миллиарды долларов можно было бы направить на переселение беженцев и на дальнейшее развитие Ближнего Востока. Израиль предлагает также покончить с состоянием войны; вывести вооруженные силы за надежные и безопасные границы; обсудить проблемы беженцев; открыть свободную навигацию по Суэцкому каналу и другим водным путям. Последнее предложение призывает крупные державы держаться на расстоянии и не вмешиваться в арабо-израильские переговоры.

Вероятно, эти предложения Израиля будут проигнорированы арабами, но они указывают на то, что Израиль не парализован упрямством своих политических противников, что ему не занимать способных и здравомыслящих лидеров. Они явно способны договориться между собой.

Никто не может назвать точных данных потерь в Ливане. Но что из того, если они будут точно известны? Разве сорок тысяч убитых вызовут у нас меньший ужас по сравнению с тридцатью? Можно только гадать, какой отпечаток все эти убийства накладывают на разум и сердце арабской расы, каким образом они там регистрируются? Считают, что «красные кхмеры» уничтожили полтора миллиона камбоджийцев, — это согласовывалось с их планами улучшения жизни в стране и ее возрождения. Какой же смысл заключен в таком производстве трупов? В древние времена стены павших городов завешивали кожей, содранной с побежденных. Этот обычай давно забыт. Но желание убивать по политическим причинам, — или оправдывать ими убийства, — остается таким же острым, как и прежде.

1975-1976

Перевел с английского Лев КАНЕВСКИЙ

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ

"ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА". ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

29 мая, понедельник (1967 г.)

...Включил радио: «Происки израильской военщины...» Раскрыл «Правду»: «Израиль накаляет обстановку на Ближнем Востоке...»

Мог бы уже привыкнуть к нашей «правде»! Все же, почему — Израиль, если это Египет потребовал убрать из демилитаризованного Синая ооновские «голубые каски» и ввел туда свои танки? почему — если это Сирия концентрирует войска на Голанских высотах, откуда долина Иордана как на ладони? почему — если это Иордания «во имя арабской солидарности» объявила всеобщую мобилизацию, а ширина Израиля в центральной его части, наиболее населенной, на границе с иорданским «Западным Берегом» — менее двух десятков километров? Немцы были дальше от Москвы в декабре 41-го, чем Арабский легион короля Хусейна от Тель-Авива. Но позади Москвы еще почти вся Россия, а за Тель-Авивом — Средиземное море. Иерусалим же попросту разделен фронтовой линией, как Сталинград в 42-м.

Для того чтобы обозреть восставшее Варшавское гетто, немецкие офицеры поднимались на выносной пожарной лестнице...

Новое сообщение: Иордания пропускает через свою территорию войска Ирака «во имя (а как же!) единства арабов против общего сионистского врага». Вождю палестинцев Ахмеду Шукейри прямо в Газу, в резиденцию, доставлено 50 танков. Прежде он грозился, что ворвется в Израиль на верблюдах и сбросит евреев в море. На танках, надо думать, сподручнее.

Засыпает колючим ветром
Развороты фугасных дыр —
На четыре квадратных метра
Навалился арабский мир...

При взгляде на карту оторопь берет.

Потные руки уже сомкнулись на горле Израиля, уже придавили вполне ощутимо: Насер перекрыл Тиранский пролив и блокировал Эйлат — израильский порт, ориентированный на восток, через который идет почти все нефтеснабжение страны.

Западу, который заикается насчет свободы судоходства и прочих международных прав, Насер пригрозил перекрытием Суэцкого канала. Нефтяные шейхи Аравии, Кувейта, Бахрейна, эмиратов, презрев классовую солидарность с Западом, горой за революционера Насера (нашей марксистско-ленинской науке придется еще как-то объяснить этот факт) и угрожают прекратить поставки нефти «империалистам» и даже взорвать собственные нефтепроводы, если последует хоть какая-то поддержка Израилю.

Как подлинный социалист (подобно всем диктаторам нашего века) главное свое заявление Насер приберег для межарабской конференции профсоюзов: «Наша цель — уничтожить Израиль. Это будет тотальная война!» Как водится в таких случаях, бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Скандирование: «Насер! Насер!» Выкрики: «Вождь! Веди нас в бой! Час настал!»

Наша печать не столько сообщает обо всем этом, сколько проговаривается, не в силах сдержать восторг. Не выключаю радио, читаю все газеты подряд, перелопачиваю кучу дерьма ради крупицы информации. И с ужасом понимаю, что ликование нашей пропаганды небезосновательно. «Демократия» в судорогах», — пишет «Правда». Американский конгресс сочувствует Израилю, но президент осторожничает, никак не определится большинство, — сочувствием все и завершается. Вот оно — «лицемерие демократии». Похоже, так и есть.

Великобритания юлит и больше всего, кажется, хотела бы сейчас очутиться на Луне, подальше от земных неприятностей.

Франция, как всегда, больше всего озабочена собственным «величием». Во имя этого она готова на любое предательство.

30 мая, вторник.

Заявления нашего правительства всегда в лучших имперских традициях: «Израиль ведет рискованную игру с огнем в районе, находящемся в непосредственной близости от границ Советского Союза».

Все, не примыкающее непосредственно к нашим границам, находится «в непосредственной близости» от них, во всяком случае — «в сфере непосредственных стратегических интересов Советского Союза», обнимающей земной шар от полюса до полюса. Так что вывод Заявления звучит конкретно и увесисто: «Ни у кого не должно быть сомнения, что тот, кто пошел бы на развязывание агрессии в районе Ближнего Востока (понимай: ближнего — к нам), встретился бы НЕ ТОЛЬКО С ОБЪЕДИНЕННОЙ СИЛОЙ АРАБСКИХ СТРАН, но и с решительным противодействием агрессии СО СТОРОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СО СТОРОНЫ ВСЕХ МИРОЛЮБИВЫХ ГОСУДАРСТВ», т.е. соцлагеря, вооруженного до зубов.

Когда-то, во время Польского восстания, прозвучал лозунг: «За нашу и вашу свободу!» Кажется, он был провозглашен не поляками, а как раз русскими, вдруг понявшими, что свобода, как и справедливость, да и элементарная порядочность, неделимы. Советский простой человек, даже и высоколобый, яйцеголовый, от Ближнего Востока и событий там бесконечно далек (чем и отличается от своего правительства). Ладно еще, если хоть как-то интересуется происходящим, академически оценивает шансы сторон, точно речь не о человеческих жизнях, а о шахматной партии.

Мне, вдруг почувствовавшему себя до мозга костей евреем, пеняют: «Ты-то чего суешься? Это же не твоя страна!» Или: «Насер — фашист. Но в чем-то, наверное, и он прав?» Или: «Нашли место, где устраивать себе родину! Это же форменный гадючник! Конечно, Биробиджан — не Иерусалим, но везде можно

найти горку и назвать ее Сионом... Новым Сионом, главное — безопасным». Или: «А ты бы как хотел: чтобы наша страна поддерживала меньшинство (евреев) против подавляющего большинства (арабов)? Нет, так не делается большая политика!» Или: «Боже мой! да в Китае ежегодно от голода гибнет, вероятно, больше народа, чем имеется во всем этом Израиле. Тебя это тоже волнует?»

И — рефреном: «Рано беспокоиться. Может, и войны еще не будет».

Наша пресса с удовольствием подчеркивает растерянность (будто бы) Леви Эшкола. Выступая по радио, он, похоже, запнулся, долго подбирал слово (прямой эфир?), «вздыхал» и «чавкал». На лекции по международному положению рассказ о том, что израильский премьер родом то ли из Вильно, то ли из Житомира, родной язык его — русский, советский посол Чувахин был принят в его доме как родной: премьеру приятно было поболтать по-русски, вспомнить снега, березки... И никакой он не Леви Эшкол, а — Лева Школьник! «Вот и жил бы себе здесь, на родине, — неожиданно заключил лектор. — А то вон поперся черт-те куда — в Палестину!»

В газетах намеки на то, что и Голда Меир, и Моше Даян — тоже «русские евреи», то ли из «русских евреев». Первую иронически называют «Голдочкой», чуть ли не жидовочкой. Очень также смешно, что у Даяна выбит глаз, он с черной повязкой на лице...

«Как восстановить равновесие на Ближнем Востоке? Очень просто: присвоить Даяну звание Героя Советского Союза и — выбить глаз Насеру».

Даян был ранен, когда воевал в Сирии в английской армии, — как раз тогда, когда Насер воевал с англичанами в фашистских войсках Роммеля. Это ему прощается. Вот он уже и коммунистов выпустил из своих тюрем (хотя компартия в Египте, как и повсюду на Арабском Востоке, все еще запрещена). Он — наш, он — душка!

Лежит на пляже кверху пузом
Полуфашист-полуэсер,
Герой Советского Союза
Гамаль Абдель На Всех Насер.

1 июня, четверг.

В географии — т.е. в конфигурации берегов, в распределении по планете гор, рек, озер, лесов и пустынь — есть нечто фатальное. Истоки Иордана, питающего Израиль, — в Сирии, и сирийцы уже пытались отвести эти воды. Египет еще безо всякой войны в безопасном отдалении от границы с Израилем запер его в Акабском заливе — и теперь может выступать в качестве обороняющегося, даже миролюбца. Это Израилю надо теперь что-то делать, чтобы сбросить с себя петлю, пока ее не затянули окончательно...

Пока что Насер говорит о возвращении Израиля «к позициям» 1948 года (т.е. даже не к признанным границам, а к фронтовому противостоянию только уже при полном удушении еврейского государства). И тон его совершенно такой же, как Гитлера, который требовал для начала «освобождения» чешских Судет... И как Гитлер когда-то, он тоже уже на велосипеде: надо крутить педали, куда-то ехать, чтобы не упасть. Куда же?

Каждое слово Насера теперь ловится во всем мире, полно значения, — я много бы дал, чтобы видеть, как произносятся эти потяжелевшие вдруг слова. Могу только догадываться, как он, допустим, скрещивает на груди руки,

откидывая при этом голову и слегка поворачивая ее в профиль, или — как закладывает руку за обшлаг своего полувоенного френча, как он взмахивает рукой вперед и вверх, давая направление, задавая темп внимающим массам...

Он, Насер, советует Америке быть реалистичной, т.е. поддерживать не «горстку сионистов» (понимай: обреченных), но — «пробудившийся арабский мир». Это он, Насер, пробудил их! «Земля горит под ногами сионистских агрессоров!»

Ахмед Шукейри, маленький фюрер палестинцев, мечется по арабским столицам и при полном сочувствии окружающих вслух мечтает о том, как устроит евреям ад на земле...

Это к вопросу о том, цивилизованнее ли арабы в 1967 г., чем турки полвека назад, когда вырезали полтора миллиона армян...

Оказывается, радиостанции всех арабских стран без устали передают новый шлягер, в припеве призыв: «Этбах! Этбах!» Припев повторяется с такой частотой и горячностью, что можно решить, будто дело идет о любви. Но «любовь» — «ишк», а «этбах» — «резня»... Ахмед Шукейри, главнокомандующий «Палестинской армией освобождения», без устали повторяет это — «этбах!».

Миллионы и миллионы послевоенных беженцев в десятках стран живут, давно забыв о своем беженском статусе, — палестинцы на особом положении. Их неустроенность и страдания — важнейший политический капитал всего арабского мира. Не только нефтяные шейхи, раскатывающие в позолоченных лимузинах, но и США вкупе с Израилем не должны устраивать как-то сносно их судьбу. Это разом подкосило бы саму идею «арабского единства». Беженцы должны страдать на виду у всех — в назидание Западу.

Израиль создан беженцами — только еврейскими. Надо ли было и их оставить страдать в назидание Германии, еще недавно фашистской, и всему миру, вдруг закрывшему все свои государственные границы перед обреченными людьми?

Теперь, когда де Голль в своей обычной величественной манере объявил, что на Ближнем Востоке виноват (перед Францией?) будет тот, «кто выстрелит первым», я вспоминаю, сколь жалкой оказалась Франция в 1940 году, сколь быстро пала перед Гитлером, так что и лица ее тогда не успевали разглядеть. По какому праву эта страна в 45-м разделила лавры с державами-победительницами?..

2 июня, пятница.

Наша пропаганда, надо сказать, впрямую достигает цели. Только не той, на которую рассчитывали. Она воспитывает меня (думаю, не меня одного) каждым своим словом, поскольку вопрос жизни и смерти для евреев, спасшихся от Треблинки и Майданека, решается не неделями и днями, а часами и минутами хода арабских танков с трех сторон Израиля. Никакой безумный геометр не смог бы так фантастически растянуть границы, как это вышло волею исторических судеб. Наиболее реальны следующие направления арабских ударов:

в центре Израиля с тем, чтобы рассечь его надвое — 14 —17 км.;
из сектора Газы на Хеврон с отсечением Негева — меньше 40 км.;
поперек Иерусалимского коридора с окружением города — км. 10;
отсечение Верхней Галилеи с перекрытием Иордана — 10 —12 км.

Не думаю, чтобы египетские, сирийские, иорданские, прочие арабские генералы, глядя на карту, не видели бы того же, что и я.

У Гитлера не было такой прекрасной возможности: концентрации евреев на самом морском берегу, где и отступать некуда.

Геополитическое соотношение между противниками чудовищно. Как раз тот невероятный случай, когда расстояние от А до Б в десятки раз короче расстояния от Б до А. Радио сообщает, что важнейшие египетские аэродромы на границах с Ливией и Суданом, сирийские — на границах с Ираком и Турцией попросту недостижимы для израильской авиации, тогда как для арабских пилотов, поднявшихся в воздух, весь Израиль до самого моря как на ладони...

Крохотная, бесконечная одинокая страна.. Уже навстречу возможным передвижениям американского Шестого флота вышла в Средиземноморье советская эскадра, уже президент Джонсон призывает Израиль «к сдержанности», уповает на снисхождение Насера: авось станет пропускать к Эйлату суда «третьих стран» или даже израильские — под американским военным эскортом...

Ну, а если советская Черноморская эскадра продвинется дальше — в Красное море? Ей это сделать проще, чем американцам, — ближе, да и Суэцкий канал контролируется Египтом... И еще: сколько стали бы терпеть эти баснословно дорогие конвои американские налогоплательщики? Это же нефть Израилю дороже золота станет! Это ж как уголь самолетами в Западный Берлин во время объявленной Сталиным блокады...

Когда-то папа, увидев рисунок какого-нибудь художника Жукова (вряд ли, чтобы то был снимок, — Ильич, полненький, очень оживленный, с пальцами за проймами жилета, — заметил: «Чем-то, видно, доволен: обделал очередное дельце». Чем мог быть так взбодрен Ильич: разгромом Кронштадского восстания? расстрелом очередной партии попов?..

И я будто воочию вижу, как этот наш нынешний Ильич довольный потирает руки: вставил Америке, пусть почешется! Это надо же, сорвать такой политический куш без единого выстрела... Ай да Леонид Ильич! ай да ухарь! ай да сукин сын! В Совете Безопасности все даже вздрагивают и как-то подтягиваются, когда берет слово советский представитель. Когда он весомо, словно чеканя шаг, произносит каждое слово, так и кажется, что слово это только что продиктовано ему прямо из Москвы, со Старой площади...

А что евреев вырежут — что ж, не таков ли объективный ход истории? Бывают ли победы без жертв? Не всех и вырежут: есть ведь у евреев, в конце концов, другое — вполне надежное — отечество, Еврейская автономная область! Там всё своё, все свои. Даже первый секретарь обкома — натуральный еврей, натуральнее, чем в этом Израиле...

В политике, как и в картах, важнее всего прикупить для начала козыри. Сто с лишком миллионов арабов — вот они, козыри!

3 июня, суббота.

И квартира — своя, и жена — юная и здоровая, — а душа все оборачивается назад, в Киев, к покинутому пепелищу...

Папа там уже едва управляется и с мамой, почти разбитой параличом, и с собственной астмой. Планы: обменять их комнатенку и мою однокомнатную «хрущобу» на что-то двухкомнатное и съехаться. Но дом в Киеве уже и тогда, когда то ли в 45-м, то ли в 46-м году мы там поселились, считался аварийным — и обмен запрещают. Добрые люди подсказывают: нужна взятка. Но — сколько, кому и как дать, — никто не знает.

С улицы дом видный, трехэтажный, со следами былого благополучия, несколько покосившийся вправо, но прочно подпертый с этой стороны двумя бревнами. Спиною дом врос в крутой глинистый бугор, и с этой стороны, со двора, похожего на яму, свои три этажа: полуподвал с занавесочками на окнах,

уходящих в землю, бельэтаж, где на кухне есть даже такое удобство, как газ, и — чердак, разделенный перегородками на жилые кельи, выходящие оконцами и дверьми на общую галерею. Там у нас, в крайней келье, печка, сложенная папой. Он же восстановил край крыши, обрушенной (видимо бомбой) во время войны.

Такой вот обменный фонд.

Бугор за домом изрыт пещерами. К ним прилажены грубо сбитые дверцы с ржавыми висячими замками. Здесь хранят дрова.

Место, между прочим, историческое. За семнадцать лет до моего рождения где-то здесь, в одной из пещер, найден был мальчик Андрюша Ющинский, весь исколотый ножом, мертвый.

Дело было весной, накануне еврейской пасхи. Не евреи ли зарезали христианское дитя, цедя кровь для своей пасхальной мацы?..

Как-то все так складывалось — и предстоящая пасха, и убиенный отрок, и даже фамилия еврея, жившего где-то по соседству: Бейлис. Мендель Бейлис. Некоторые киевские газеты писали ее тогда с ироническим подтекстом, в разрядку: Бей лис!

Другие, интеллигентного направления, поражались провидческому гению писателя Достоевского. Его героиня, четырнадцатилетняя девочка, спрашивает: «Алеша, правда ли, что жиды на пасху детей крадут и режут?« И Алеша Карамазов, герой-праведник, смахивавший, вероятно (на этом настаивали газеты), на убиенного Андрюшу Ющинского, отвечает, смущенно потупясь: «Не знаю».

И вправду, ему-то откуда знать!..

Конечно, в моем далеком детстве, когда мы засыпали и просыпались под звуки «Интернационала» из черного раструба на уличном телеграфном столбе, имя Мендла (так точнее) Бейлиса звучало уже вполне легендарно. Замученный отрок в пещере, змееголовая фурия Вера Чеберяк, обвинительница Бейлиса на суде и, как выяснилось в ходе процесса, соучастница убийства, — все это казалось отголоском древнего жуткого мифа. Какая-то, прости Господи, отечественная Клитемнестра... Когда мы после войны переехали в Киев и поселились здесь на чердаке, глядевшем прямо на эти пещеры, уже вряд ли кто-либо мог показать, где именно случилось столь громкое преступление. Да я бы и не вспомнил о нем, поглощенный тогда более насущным занятием — добыванием пищи, если б не одна удивительная особенность нашего тогдашнего дворового быта: любые, самые дикие и безобразные ссоры между соседской Людой — тощенькой, чернявой, лет под пятьдесят, с большим лягушачьим ртом, и кем-то еще — ссоры, уже сопровождавшиеся криками и хватанием за волосы, мигом прекращались, стоило лишь кому-то заорать:

— Чеберячка! Жида в тачке возила!

Тут Люда мигом стушевывалась и исчезала за своей дверью на бельэтаже. А супруг ее, если тоже бывал втянут в инцидент, даже опережал ее в этом бегстве.

Из чего я заключаю, что, как утверждали, она и была дочерью знаменитой Веры Чеберяк, упомянутой даже где-то в энциклопедии.

Вышеупомянутый «жид в тачке» поначалу казался мне собирательным, так сказать художественным образом, вроде тех, кого бравые казаки из «Тараса Бульбы» со смаком швыряли в Днепр и «только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе»... (Гениальный Гоголь и нас приглашает рассмеяться).

Однако, «жид в тачке» оказался вполне конкретной фигурой. 29 сентября 1941 года отсюда, со двора, Люда вдвоем с супругом вывезла на тачке в Бабий Яр дряхлого парализованного еврея, который не мог передвигаться сам.

Тачку они одолжили. А часа через полтора уже вернули хозяину. Бабий Яр километрах в полутора отсюда, за буграми...

Долго, помню, терзался я сомнениями: надо ли что-то делать или уже не надо?.. Говорить папе или нет?..

Теперь я понимаю, что и папа мучился теми же сомнениями.

Я видел в 1946 году в Киеве, как вешали на площади немецких военных преступников. Каждый из них стоял с завязанными сзади руками в кузове грузовика с откинутым задним бортом. Потом машины двинулись вперед — и немцы задергались в петлях. Толпа протащила меня прямо под повешенными. Каждый из них протек мочой. Один, подергавшись, сорвался. Лицо его открылось; был виден вывороченный толстый язык. Дома боялись, что мне все это будет теперь сниться. Я не помню, чтобы это когда-нибудь мне снилось. А снился мне, и не раз, старик с неподвижными слезами в глазах, которого вывозят на тачке гогочущие соседи. Хотя, вероятнее всего, они не гоготали при этом, а были молчаливы и деловиты. Супруг Люды — папин коллега: тоже рабочий завода Артема...

4 июня, воскресенье.

Есть люди, оказывается, поумнее меня. Они не разгребают кучи пропагандистского дерьма, они слушают западные радиостанции — и «в курсе». «Настал час!» — многозначительно заявил Насер. Сирийский и египетский командующие прощались друг с другом такими словами: «До встречи в Тель-Авиве!»

Западные страны, одна за другой, заявляют о своем нейтралитете.

Де Голль предупреждает, что виноват будет тот, кто выстрелит первым. США и Англия готовы как-то «понять Израиль». Но и они, что называется, умывают руки, говорят о нейтралитете.

«Ирак решил примкнуть к Объединенному арабскому командованию».

«Иордания двинет войска против Израиля, если он начнет войну».

Шукейри на пресс-конференции в Восточном Иерусалиме при открытии там бюро «Фронта Освобождения Палестины»:

— Если война задержится в пути, мы выстрелим первыми. Наша цель — освобождение всей Палестины.... Что ожидает евреев?.. Если разразится война, в Палестине не останется евреев. Вопрос, таким образом, будет снят навсегда.

Гамаль Абдель Насер: «Мы горим желанием сразиться с Израилем! Эта война покажет миру, кто такие арабы!»

«Насер! Насер! Веди нас в бой! Этбах! Этбах!»

«Народный Китай всецело на стороне правого дела арабов. Сотни миллионов китайцев способны одним своим дыханием смести любые преграды, своим весом накренить чашу весов истории».

«Джихад!» («Священная война!») — это сейчас самое повторяемое и громкое слово во всем исламском мире»...

Ася (жена Иосифа Печенюка) рассказывает об общем собрании в Центральном институте травматологии. Секретарь парткома призывает создавать добровольные медицинские дружины — «на всякий случай». Вдруг-де придется отправиться на Ближний Восток помогать арабам. Все, конечно, «за». Один — против. Из президиума в него испепеляющий взор. Требуют объясниться. Он считает: «Если уж помогать, то не арабам, а евреям». Почему? (Представляю шок в переполненном зале). «ИХ — МЕНЬШЕ».

Вот формула гуманизма, более весомая, чем вся Нагорная проповедь. («Такой себе серенький кандидат наук. Откуда-то из Вятки. Между прочим, натуральный русак — за версту видно», — говорит Ася).

Мне приходит в голову произвести любопытный подсчет: каково соотношение между территорией Израиля и потяженностью его границы? Оказывается, на каждый километр границы приходится лишь 14 квадратных километров площади. Ну и что? А то, что при таком же соотношении граница Советского Союза должна бы протянуться более чем на полтора миллиона километров, почти сорок раз опоясать земной шар. Попробуй-ка защити такую границу!

Мы с Борей (Гольдфарбом) потерянно бродим по улицам и придумываем самые фантастические выходы из ситуации, которая кажется нам почти безвыходной. Что, если бы вдруг было доказано, что сам Насер — еврей? Или вдруг бы какие-то документы, удостоверяющие, что бабушка его была натуральной еврейкой?.. Пустяк? А вдруг бы было доказано — в свое время! — что Гитлер — еврей и, во исполнение какого-то там всемирного сионистского заговора, решил погубить Германию? Поистине дьявольский замысел: не просто продуть войну (в каких это войнах не было побежденных!..), но — представить немецкий народ таким изувером и ублюдком, каких и свет не видывал...

Не такая уж оригинальная фантазия, как может показаться. Наша пропаганда давно нас уверяет, что это сионисты надоумили нацистов убивать евреев, чтобы подтолкнуть последних массами эмигрировать в Паслестину, к Сиону, — чтобы таким образом исполнились заветные мечты сионистов. Такой-то вот поворот мысли!..

5 июня, понедельник.

Для меня 3-я арабо-израильская война началась так. Утром я был вызван в «Знамя» выправить срочно пошедший материал «Организация труда: поиски и решения». Я сидел в отделе, сообразовывая свои мысли с пометками и подчеркиваниями Кривицкого (зав. отделом), как вдруг появился Катинов, член редколлегии, бегло поздоровался и радостно сказал: «Слышали сообщение? Сто израильских самолетов сбито над Каиром!»

«Разве началась война?» — тупо спросил я. «Вы что же, радио не слушаете?» — иронически сказала Нина Израилевна (Каданер).

Я рванулся было к выходу, но она меня скептически осадила: «Боже мой! Вам-то что до этого? Сядьте, успокойтесь и правьте».

К стыду своему, я остался и занялся совершенно идиотским делом — механически, потому что думал лишь об одном: если сбито уже сто самолетов, а всего их у Израиля 250 (так сообщала наша пресса), то сколько же осталось? Сколько же еще МЫ сможем продержаться?..

Я даже не заметил, как в мыслях отстраненное «они» сменилось личным — «мы».

Кое-как развязался с версткой, помчался к Герчукам (Юра и Марина, искусствоведы, друзья Ю.Даниэля и А.Синявского) с сообщением, что собираюсь проситься добровольцем на фронт. (Сейчас, несколькими часами позднее, уже понимаю, какая это глупость.) «На чьей стороне?» Их скепсис несколько охладил меня.

Побрел от Герчуков на Пушкинскую площадь, рассчитав, что вот-вот выйдут вечерние «Известия» и что-то прояснится. Сообщения в утренних газетах были еще ДОВОЕННЫМИ. Вышагивал между двумя газетными киосками у подножия известинского здания, точно запертый в клетке, мучимый странной мыслью, впервые пришедшей в голову. У христиан — стерильный рай, безмятежное

инобытие с лицезрением Господа и распеванием псалмов в его честь; мусульманина-праведника ждет после смерти натуральная благодать: черноокие гурии, тут же после соития восстанавливающие свою невинность... Классический иудаизм (как рассказывал папа) не знает загробной жизни. В раю пребывали Адам и Ева, пока не согрешили. Больше о рае в Пятикнижии ни слова, Ева с Адамом погуляли там за всех нас. Еврею-праведнику сулится лишь обильное потомство, продолжение рода, но не индивидуального бытия. Т.е. для еврея смерть это окончательный расчет, это навсегда, это всерьез. Японский камикадзе рассчитывает вечно пировать у подножия трона богини Аматэрасу, воин Аллаха совершает выгоднейшую сделку: из этого мира он попадает прямо в райские кущи... Израильский солдат, парень призывного возраста, у которого еще и детей нет, поставлен перед бездной...

20, 30, 100 поколений — какие обозримые величины! А ведь сто поколений это почти вся писаная история еврейского народа... Я — прямой потомок праотца Авраама, пасшего стада где-то в нынешней (и тогдашней) Иудее. Фигурально говоря, я ощущаю его гены в себе. Это утверждение, по всей вероятности, имеет и материальный, биологический смысл. Структура наследственного вещества чрезвычайно устойчива. У всякого животного или растения возникает потомок только данного вида. Бесспорно, я похож на своего далекого праотца не в пример больше, чем на любого из моих современников-не евреев. Можно допустить, что генотип Авраама случайно оказался удачным, евреям повезло. О десятках племен, живших рядом с ними, мы знаем лишь по упоминаниям в Торе.

Но какой же ценой выстояли евреи!.. Бытовая ненависть окружающих подогревалась странной «везучестью» этого народа. Кажется, это Гитлер заявил, что немцам и евреям вместе на Земле тесно. А ведь народы эти просто несопоставимы по величине: оказывается, один еврей не давал жить сразу пятерым немцам. Сегодня это соотношение еще более в пользу немцев: выбита треть народа. Бывали прежде моменты в истории, когда евреи едва успевали передать генетическую эстафету очередному поколению, так что мы поистине феноменально везучи...

Возле газетных киосков как-то мигом выстроились очереди, так что я пристроился уже в хвост. Пока не подвезли газеты, обегал все киоски по периметру Пушкинской площади, везде занял очередь. На всякий случай. Соотношение в очередях евреев и «прочих» примерно «фифти-фифти», но выражение на лицах у всех одинаково сосредоточенное и суровое. Чувствуется, решается нечто более важное, чем судьба микроскопической страны, одной из сотни с лишком на земном шаре.

Китаец — еврею: «Куда ни оглянешься — всюду евреи. Сколько вас на Земле?» — «Нас 13 миллионов. А вас?» — «О, нас — китайцев, восемьсот миллионов!» — «Так почему же вас не видно?» — изумился еврей.

В вечерних газетах не то чтобы утешительные новости, но какая-то не свойственная нашей прессе, обычно высокомерной, с фанфарными интонациями, черная желчь. Чувствуется, действительно уничтожено множество самолетов, — но, похоже, НЕ НАШИХ. Впрочем, не сразу разберешься. «Вы слышали, НАШИ самолеты сбили НАШИ самолеты!..» По шепоту с невольными звенящими интонациями начинаю понимать, что это замечательно, когда НАШИ — НАШИХ. Какое-то бодрящее меня недоумение в наших газетах; насмешка этой газетной сволочи подтвердила бы опасность для Израиля.

Какое-то невнятное сообщение о том, что израильские коммунисты, оказалось, не столь преданны идеям ПОДЛИННОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, как нам хотелось бы. Это тоже обнадеживает...

6 июня, вторник.

Сообщения путанные и невнятные. Израильская авиация атаковала египетские военные аэродромы, причем «без предупреждения» (!), «коварно и нагло», но — сбито «не менее трех четвертей» самолетов Израиля, и в Каире уже демонстрируют пленных летчиков... Насер послал танки вперед, на Израиль, но — наземные бои завязались почему-то в Синае (а не в Негеве), хотя египетские войска «перехватили инициативу»... Главнокомандующий вооруженными силами Египта маршал Абдель Хаким Амер скомандовал иорданскому главнокомандующему вступить в бой и открыть Восточный фронт против Израиля, но — израильтяне укрепились заранее, хотя иорданская артиллерия «действует весьма активно», а Дворец губернатора (по-видимому бывшего английского) в Иерусалиме уже захвачен войсками короля Хусейна... На Северном фронте, над Тивериадским озером, обе стороны (Сирия и Израиль) «развивают инициативу», тогда как со стороны Средиземного моря египетская авиация осуществляет ответные налеты на Израиль...

Еще одно сообщение, более чем странное: Насер обещает (почему-то) не перекрывать Суэцкий канал, если никто не помешает ему расправиться с Израилем. Он кричит на весь мир, что в воздушных боях участвуют американские и британские пилоты, — т.е. прямо приглашает нас вступить в схватку. Но мы, чувствуется, этому поводу не рады, в утренних газетах упоминаются лишь «английские самолеты», да еще с непривычной для нас ссылкой: «По утверждению Каира, в боях участвуют...» Так и просится: «По лживому утверждению...» Да еще строчкой ниже о том, что Великобритания это отрицает и опять заявляет о своем полном нейтралитете. Ну, а наш читатель, самый проницательный в мире, понимает, что просто так, задаром, мы никогда не бываем объективными. Наше сообщение никогда не бывает информацией как таковой, но — «со смыслом».

Смысл же, по-видимому, вот таков: «наших бьют», но мы не смеем сунуться рылом в это пекло. Что-то подсказывает мне, что дела идут на лад. Тут все решат сроки. Всеобщая мобилизация в Израиле — действительно, всеобщая: некому, надо думать, даже стоять у станков. Полное напряжение сил, как на спринтерской дистанции. Тогда как у арабов резервы не мереные, как и просторы.

Встретил Рому Подольного. Редакция журнала «Знание—сила» в том же доме, что и профучилище, и ему, толстому и добродушному, «ремесло» просто проходу не дает. «Пузырь», «жид» — это еще самые мягкие из прозвищ. «А ведь ко мне и женщины-авторы ходят. Прямо-таки боюсь их провожать».

Как известно, из такой ситуации лишь два выхода: крепко побить обидчиков либо напрочь игнорировать их. Роман с этим согласен, но мудро замечает: «Видишь ли, второе получается лишь у того, кто способен на первое, не иначе».

Тут, понятное дело, жаркий спор на тему: мог ли Израиль проигнорировать арабов? Может быть, естественнее было бы, если б два десятка арабских стран дружно проигнорировали существование Израиля — и он адаптировался бы в конце концов в заурядное ближневосточное государство? Евреям на протяжении всей их истории упорно помогают чувствовать себя евреями, быть евреями. Иван Михайлович Чинарьян в «Советском спорте» предложил мне когда-то сменить свою фамилию — «длинную, неудобную» — на броский короткий

псевдоним. Он дружески объяснял мне, что на газетной полосе, если надо подверстать строчку, длинную фамилию порой и не втиснешь... Я спросил тогда: «Псевдоним Кац вас устроит?»

Незадолго до того я стал называть его действительным именем — Ованес Михайлович, думая польстить этим. Он смущенно, но настойчиво поправил: «Здесь, в Москве, я — Иван Михайлович...»

Почему я так упорствую в своем еврействе? — не зная языка, обычаев да и фактически истории тоже. Но если меня хоть как-то выделяют по этому признаку, а других по этому же признаку даже убивают, мне стыдно ассимилироваться лишь под натиском обстоятельств. Я бы этим, по-видимому, предал тех, кто ассимилироваться не захотел, либо не сумел. При том, что, став «русским», я бы ничуть не отменил это отношение к нациям как к кастам — высшим и низшим, только попал бы в более удобный для себя разряд. И самим этим обстоятельством лишь утвердил бы подлое членение...

Илья, мой двоюродный брат, прямо-таки исповедует прагматизм, даже бравирует этим. Он — инженер не только потому, что таково его призвание (он действительно талантлив), но потому прежде всего, что профессия эта — надежная, не подверженная «политике». Я ошибся, разойдясь со своей первой женой — прежде всего потому, что она — русская. (И, по-видимому, правильно сделал, что женился опять на русской?) Валя (первая жена) рисковала, выйдя за меня, за что я ей всю жизнь должен был быть обязан. Как сам Илья обязан своей Ольге Афанасьевне, которая, насколько я могу судить, попросту помыкает им. Вероятно потому, что он сам ей дал понять: национальность его далеко не столь надежна, как специальность.

Дочери он присвоил, конечно, надежную женину фамилию — Орлова, проставил надежную национальность в ее паспорте, хотя Галя так носата, что и без паспорта все ясно. И замуж она вышла не то за Гиршмана, не то за Гринштуна, — так что будущему ребенку придется опять дать фамилию матери. Русский народ получит таким образом очередное пополнение, отравленное мыслью о своей неполноценности. Не этим ли питается — отчасти на законных основаниях — антисемитизм?

В доме Ильи не принято упоминать само слово — «еврей». «Еврей» в лучшем случае синоним недотепы, провинциала, касриловского обывателя. Образованный столичный житель, исповедующий прагматизм, не может быть евреем. Мне было когда-то указано на то, что Лену я зря записал под собственной фамилией, «испортил дочери жизнь», — и я перестал не только бывать у Ильи, но и звонить ему.

Конечно, национальность можно выбрать и папину, и мамину. С отчеством сложнее. Иногда приходится просить сослуживцев называть тебя попросту по имени (без Гершкович или Аронович), как, скажем, в Америке, где даже Кеннеди — просто Джон или Боб, а Джонсон — Линдон... Бывают случаи и похитрее: Генрих Авиэзерович Боровик просит, чтобы его величали Аверьяновичем, так что я даже засомневался: наш Председатель в ООН — Николай Т.Федоренко, — кто он?..

7 июня, среда.

Кровь одного-единственного христианского младенца, пролитая Мендлом Бейлисом, пущенная им на мацу, ничто перед «реками крови», пролитой израильской солдатней. Т.е. можно понять, что это кровь забитых агнцев. Газеты полны новостей, от которых волосы дыбом, а уши вянут. «Израильские вандалы — достойные выученики гитлеровцев». Но и Гитлера они тоже уже переплюнули.

Они топчут своими башмаками Синайскую пустыню. Вот-вот они переплюнут даже американцев, «топчущих свободолюбивый Вьетнам». Позор варварам двадцатого века! Мы сами, кажется, готовы поднять зеленое знамя священной войны.

Пока что перехвачен и записан разговор Насера с королем Хусейном: они договариваются пустить версию о том, будто американские и британские самолеты поддерживают наступление Израиля И РАСПРЕДЕЛЯЮТ РОЛИ: КОМУ КАК СОВРАТЬ. Пленку, оказывается, постоянно прокручивают по Би-Би-Си — и московские евреи горько сожалеют, что заблаговременно не выучились арабскому языку. Стоило бы — ради такого случая!

Преимущество «израильских агрессоров» перед американскими во Вьетнаме в том, что у первых не было выбора — и они нанесли решающий удар. У американцев возможностей навалом — вот они и обнаруживают всю немощь демократии, не способной вне чрезвычайных обстоятельств (вроде японского налета на Пирл-Харбор в 41-м) собраться в кулак. Во Вьетнаме — «эскалация», «гибкое реагирование»: ты мне по физиономии — я тебе, ты мне удар — я тебе полтора, ты мне полтора — я тебе с очередным довеском... Все это стратегия поражения. Взвешенность тут неуместна. Американское командование бережет солдат, отвечает за каждого, — противная сторона жертв не считает, своих тоже, лишь бы только вьетнамские матери рожали быстрее, чем гибнут на фронте другие их дети...

Демократическая мягкотелость и «реагирование» беспомощны перед каннибальской твердостью, безнаказанностью и безжалостностью благообразного и ухмыляющегося в бородку «дядюшки Хо» — доброго дядюшки Хо с узкими рысьими глазами Чингисхана...

8 июня, четверг.

Кто придумывает анекдоты. Вероятно, они конденсируются из шепота... Московский еврей звонит приятелю: «Хайм, ты слышал? Наши вчера взяли в плен тысячу арабов и сто танков. А сегодня еще больше!» Очередь у телефона-автомата волнуется, стучат в стекло. Еврей: «Послушайте, что вы мне стучите? Мы же вам не мешали, когда вы воевали.»

А вот уже не анекдот. Рядом со мной у газетного стенда на Пушкинской площади стоит парень, по виду работяга, тоже разглядывает схему «театра военных действий»: «Гляди-ка, во этот Израиль дает! Самого чуть видно, а вокруг такие лбы!»

Масштабы схемы дают какое-то совершенно предметное преставление, как сражается спина к спине окруженный врагами народ...

Газеты расхватывают мгновенно, молча, и тут же, в двух шагах от киоска, раскрывают, как бы заслоняясь от наших будней.

И впрямь, приятно, утешительно прочесть, с какой злобой, с какой лютой ненавистью выговаривает сегодня в ООН наш представитель — израильскому: Израиль, оказывается, «должен прекратить огонь без каких бы то ни было предварительных условий». Но ведь Насер пока что заявляет, что не собирается прекращать огонь, тогда как Алжир объявляет даже, что война еще только начинается, что арабские резервы еще и не тронуты, что у арабов вот-вот «откроется второе дыхание», тогда как Израиль уже «на пределе своих возможностей»...

Сирийцы и иорданцы «сражаются, как львы, за каждую пядь арабских земель». Насер объявляет пока что «тотальную мобилизацию...»

Вечером по Би-Би-Си передают (кажется) заседание (срочное) Совета Безопасности. Наш представитель (Николай Т.Федоренко?) прямо-таки клокочет ненавистью. Даже на «ты» израильскому коллеге: «Забыл, что ли, (паскуда?), кто евреев от Гитлера спас?..»

Благодарный русскому народу за свое спасение, я все же помню, что не это было целью Сталина. Помню и другое свое чудесное спасение — ценой его собственной жизни, казавшейся тогда бесценной... У Сталина, помимо прочих дарований, определенно был талант режиссера. По многим свидетельствам, «дело врачей-вредителей» Сталин собирался обратить в грандиозный спектакль. Уже должен был быть отозван из ООН наш полномочный представитель Андрей Януарьевич Вышинский — так сказать, ассистент режиссера. Суда еще не было, а казнить «убийц в белых халатах» решено было не где-то, а прямо на Лобном месте, посреди столицы, на Красной площади. Но даже не это было главной творческой находкой гениального режиссера: «убийцы в белых халатах» должны были быть растерзаны толпой еще по пути на Голгофу! Такая вот священная ярость масс, перед которой даже власть как бы бессильна. И уже будто бы заготовлено было покаянное письмо, подписанное «видными советскими деятелями еврейского происхождения» о «невольной вине всего еврейского народа», о понимании «реальных мотивов» неприязни к нему других народов-братьев, в первую очередь — «старшего брата, великого русского народа», который, собственно, и спас евреев от печей крематориев, за что евреи должны быть навсегда благодарны и, следовательно, осознать нынешнюю свою вину за то, что «врачи-убийцы — лица еврейской национальности», а, осознав, навсегда удалиться в предоставленную им Еврейскую автономию на маньчжурской границе. Это все-таки не Освенцим, не Треблинка, кто-то все-таки доедет до места назначения, кое-как выживет, окосеет в конечном счете от невольного общения с соседями-китайцами... Это куда более отдаленное место, чем Казахстан и Средняя Азия, куда «удалили» крымских татар, ингушей, чеченцев, балкарцев, калмыков, немцев Поволжья, других, да ведь и вина несравненно больше: покусительство на самое драгоценное, что у нас есть, — на здоровье членов Политбюро...

Думаю, «старший брат», как и «младшие братья», вполне приняли бы такое окончательное решение у нас «еврейского вопроса», вероятно, заговорили бы о замечательном великодушии России, «уступившей» евреям часть «исконных русских земель» на берегу Амура... Я ведь и сам когда-то, маленький, с восторгом глядел на шеренгу знакомых портретов, открывавшихся портретом побольше — Вождя и Учителя, уверенный в его бесконечной мудрости и человеколюбии.

9 июня, пятница.

Как ни темнит наша пропаганда, одно ясно: это «израильская солдатня топчет священные арабские земли», а не наоборот. И чем больше мы злобствуем, тем легче на душе: Масада (последняя крепость в войне с римлянами) больше не падет! Побеждает тот, кого, по всем выкладкам и расчетам, должны были в два счета, одним ударом, мощным натиском сразу с трех сторон (как еще там?) уничтожить, смести с лица земли, ликвидировать. Сегодня обиженные размазывают слезы и сопли по толстым мордасам и сетуют на несправедливость судьбы.

«Дом истца адвокат называл хижиной» (Илья Ильф). Полномочный представитель Советского Союза в ООН называет войска Израиля «полчищами». («Полчища» эти могли бы, вероятно, поместиться на трибунах стадиона в Лужниках). Прочие терминологические перлы: министр иностранных дел Изра-

иля — «этот министр», кто-то еще — «тель-авивский представитель» или даже — «тель-авивский ходатай», Израиль по имени не называется, синоним — «агрессор»: «агрессор должен немедленно убраться со священных арабских территорий!»

Можно решить, что почтеннейший Николай Т.Федоренко сам собирается совершить хадж в Мекку, поклониться святыням ислама...

Пока что он, наш полномочный представитель, готов, наконец, согласиться на прекращение огня без предварительного вывода израильских войск. Король Хусейн принимает это с облегчением. Чувствуется, он уже мысленно примирился с потерей Иерусалима и Западного берега. Египет и Сирия все еще кочевряжатся, все еще принимают героические позы, хотя предложение советского представителя, бесспорно, скорректировано с ними. Что ж, Израиль спешит пока что выйти на рубеж Суэцкого канала и в душе, чувствуется, аплодирует неукротимому достоинству своих врагов. Моше Даян, израильский министр обороны, отдает должное арабским силам: они-де сражаются гораздо лучше, чем в 1956 году. Тогда как «Насер сам по себе — «бумажный тигр». Увы, нужна была война, жертвы, чтобы мир это увидел.

Нет, Насер — не «бумажный тигр». Он готов был, как Фидель Кастро лет пять назад, спровоцировать и мировую войну, — и не их заслуга в том, что это им не удалось. И сейчас арабские страны, все еще «на что-то» рассчитывая, не идут на мировую с Израилем. Продули вчистую, но мирный договор считают для себя позором. Те же арабские вожди, что подальше от театров военных действий, все еще так и рвутся в бой — Алжир, Ирак, Судан... Уже и сам Насер, Гамаль Абдель, печально заметил: хорошо-де саудовскому королю Фейсалу в его далеком Эр-Рияде, а тут, мол, израильские танки в суточном переходе от каждой из трех арабских столиц — от Каира, Аммана и Дамаска.

Недалеко и до Бейрута; но Ливан придерживался нейтралитета, пусть даже враждебного Израилю, — и пожинает плоды мудрости. Тогда как нетрудно представить, как одиноко и тоскливо сейчас Насеру... Так ведь все шло хорошо: Израиль был взят за глотку без единого выстрела; какие вокруг тогда вопли восхищения в дружеских столицах! Демократиям, можно сказать, утерли нос. Как славно было уже видеть себя на белом коне! как ровно и глубоко дышалось до этого ужасного момента — вероломного нападения Израиля на честно подтянутые ко всем его границам современные «Паттоны» (против израильских «Шерманов» — танков времен 2-й мировой войны) и новейшие советские боевые машины...

Как известно, «гвардия умирает, но не сдается». Тогда как армии Насера разгромлены, но отнюдь не уничтожены; они окружены в Синае — и представитель Египта в ООН поспешно объявляет, наконец, о согласии его страны «прекратить огонь». Собственно, огонь уже и без того фактически прекращен на юге; на севере заслоны, сдерживающие напор сирийцы, получают подкрепления и идут в бой. И, похоже, израильская делегация в ООН испуганно вздрагивает при любом намеке на возможность того, что Сирия тоже потребует прекращения огня — и по-прежнему будет нависать над Иорданом, единственным источником водоснабжения Израиля, струйкой жизни...

Я родился в Бердичеве на реке Гнилопять. Многие ли слышали об этой Гнилопяти? А о Тетереве, куда Гнилопять впадает? А ведь этот Тетерев раза в полтора длиннее и водообильнее Иордана... Астронавты из далеких миров, приближаясь к планете Земля, обратят внимание прежде всего на это удивительное по конфигурации место — средостение сразу трех материков. Здесь возникли одна за другой три величайшие религии. Народ, изгнанный с этой

земли (в общем-то, пустынной, не плодородной, без ископаемых, именуемых полезными), двадцать веков скитался по планете, понес неисчислимые жертвы, утратил родной язык, — но всегда помнил об утраченной родине и молился: «Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя...»

И возвратился народ сей на землю свою, и восстановил утраченный язык свой, и поставил вновь государство свое над исчезнувшими могилами предков, и, помня о гибели трети сынов и дочерей своих, от которых равнодушно отвернулись все демократии мира, опять принялся смотреть в лицо смерти, не опуская глаз и не склоняя головы. И сразился со смертью — и сокрушил ее.

То, что произошло, еще не до конца осознано миром. Давид в одиночку одолел целую банду Голиафов, озверевшую свору, — он, одинокий и маленький, но одержимый отвагой, которую придает только понимание того, что отступать некуда и подмоги ждать неоткуда. Потрясающий пример человеческого мужества, энергии, энтузиазма! Но не только... Впервые во всей истории нашего удивительного и ужасного XX века произошла пусть не такая уж масштабная, зато полная, а не частичная победа демократии над деспотией. Гитлера одолели все-таки в коалиции с другим деспотом — Сталиным; и победа Сталина была даже несомненнее, чем свободных стран, принесла ему основные дивиденды...

Тогда как нынешняя победа — первое в нашем веке очевидное свидетельство того, что демократия не обречена и не беспомощна. И коммунизм с его шаманами, вождями и племенной иерархией, вторгнувшись вдруг в XX век, не воссияет над планетой...

Это подобно победе при Марафоне — свободных греков над государстнвенными рабами-персами, немногих — над бессчетным множеством, личности — над стадом. И впрямь можно подумать, будто Господь призывает евреев в решающие мгновения истории: Моисея — чтобы дать моральные заповеди, Христа — чтобы разнести их по свету, солдата Израиля — чтобы показать, что заповеди морали — не беспомощные и, значит, пустые слова, что мораль — СИЛА, с которой надо считаться.

10 июня, суббота.

Прямо по Шолом-Алейхему: счастье привалило! Могли ли мои старики когда-то подумать, что на склоне лет не будут нуждаться в куске хлеба (совместная пенсия — «спасибо этому Хрущеву!» — аж... 85 рублей), что сын их будет жить «в самой столице», «представьте себе» — в собственной квартире (однокомнатной, 15.7 кв.м.) и даже — «вы только подумайте!» — с телефоном! Телефон их доконал. Они ежедневно звонят мне из Киева, звонят просто так, трехминутный разговор, во время которого они не знают уже, что сказать, — но голоса их счастливые. И у меня навертываются на глаза слезы.

— Ну, как там у вас дела, в порядке? Мама встает на горшок?

— В порядке, в порядке!.. «Там» — ты меня понимаешь? — «они» тоже в порядке! Полный порядок, — ты меня понимаешь?..

— Маме легче? Она здорова?

— Здорова, здорова!.. «Они там» тоже здоровы, — что ты на ЭТО скажешь? Все здоровы, все хорошо, просто замечательно! Вот только приемник у меня что-то барахлит, а так — все в полном порядке! А ты как думаешь?

Мне не по нутру юдофобы, но и юдофилы мне тоже не по нутру. Не надо мне так уж сочувствовать: я не хуже и не лучше других. Народы — разные, я принадлежу к одному из них. Да, я — плоть от плоти, кровь от крови моего немного смешного, немного нелепого, не слишком симпатичного народа,

обладающего, впрочем, как, наверное, всякий народ на свете, своей, такой выразительной физиономией. Природа и история пробуют на нас, столь разных, новые возможности, новые пути. Может быть, так и надо, чтобы мы были смешным, не слишком симпатичным, но определенно талантливым народом, на котором вот только что История проверила крепость демократии. Не хочу я быть другим, не хочу быть меньше и ниже тех, кто с гордостью именует себя русским, грузином, поляком... Гордость эта нелепа, потому что мы не выбираем, где и в каком качестве родиться, — но первым отказываться от своего родового имени не намерен. Я — еврей. И если бы был лишь наполовину евреем, все равно сказал бы: я — еврей.

Потому что евреев — МЕНЬШЕ. Им труднее.

... Опять междугородная. Папа решил всадить в телефонные разговоры всю свою (и мамину) пенсию:

— Слышал уже новость? Мне прямо-таки жаль этого беднягу! Ты понимаешь, кого я имею в виду? (Папа в ажиотаже всякий раз сбивается с эзоповой речи, которую «эти полковники» у себя «ТАМ» не способны будто бы понять.) Ну, этот — «на всех» который... такой эффектный мужчина, гусар, с усиками...

— Папа, не горячись! Я знаю, что ты сочувствуешь Гамалю Абделю Насеру, президенту Египта, который с сегодняшнего дня...

— Со вчерашнего! — кричит папа.

— ...со вчерашнего дня сложил с себя полномочия и уже не президент. Я ему тоже сочувствую. Мы оба ему глубоко сочувствуем. Наша страна теряет своего лучшего друга...

— Какая «наша страна»? — кричит папа, сбитый с толку. — Ты какую страну имеешь в виду? Кто потерял друга? ты потерял друга?..

Как тут объяснишься со старым евреем-шорником завода п/я 50 (известного всему Киеву как «завод Артема») по советскому междугородному телефону?..

А новость и впрямь сногсшибательная. Насер объявил, что покидает свой пост, «возвращается в народ»: «Я решил полностью и окончательно отказаться от любой официальной должности и всякой политической деятельности. Я желаю вернуться в ряды народа и жить и работать как обычный гражданин...»

Диктор каирского радио, сменивший Насера вслед за этим обращением, будто бы разрыдался в микрофон.

Рыдал ли он, сообщая о тысячах погибших египтян?..

«Я всегда говорил вам, что самое главное — это арабская нация, любой же человек, какова бы ни была его роль, его вклад в решение проблем родины, всегда будет орудием народной воли, а не творцом ее».

В конце мая, как раз накануне этой войны, гид-израильтянин на выставке сельскохозяйственного оборудования в Сокольниках сообщил мне и еще нескольким столпившимся возле него посетителям факт — для него обычный (он как-то и пришелся к слову, между прочим), для советского человека — ошеломляющий. Оказывается, израильский солдат имеет право сдаться в плен. Мало того, государство не обязывает его хранить какие бы то ни было тайны — сохранить он должен прежде всего себя самого. Потому что он, конкретный человек, его мое, ваше Я не «орудие народной воли» (как рассуждает любой диктатор), а именно творец ее. Тонкое теоретическое различие, не всем понятное, кажущееся таким не существенным, схоластическим, — а в нем вся полярность социализма (на который так падки в нашем веке диктаторы и демократии). Суть социализма (нашего, как и арабского или кубинского) в том, что человек, еще недостаточно самостоятельный для того, чтобы отвечать за самого себя, отдает эту ответственность (а, значит, и права на себя) государству, властям, диктатору,

рассчитывая регулярно получать взамен ежедневную толику из общей кормушки. Он государственный раб — как в Поднебесной, в персидской империи, в реально существовавшем государстве инков и в утопическом «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы, в Египте фараонов, — тогда как в античном мире тоже было рабство, но — индивидуальное: человек владел человеком. Здесь — социальное напряжение, возможность поменяться местами, шаг к ЛИЧНОСТИ...

Тут (начинаю я понимать) суть мировой истории: человек ли противостоит человеку — и они в живом соперничестве, или всемогущее государство («общество», «народ») — беспомощному (и, значит, ничтожному) индивиду. Тут уж «единица — вздор, единица — ноль», и «уход в народ» диктатора (а не законно избранного президента) — действительно трагедия, подобная шекспировской.

Но по радио пока что очередная новость: Насер еще подумает, прежде чем решиться на отставку. Это — по Би-Би-Си. Последние предполночные известия по московскому радио. Припадаю к нему, как дитя к материнской груди: повторят ли новость об «окончательной» отставке. Повторили. Не успели вслед за Насером совершить финт. Мог бы быть не лишенный патетики жест: поиграл — и ухожу. Похоже, трагедия оборачивается фарсом. Может быть, к лучшему. Фюрер, ушедший в добровольное изгнание, фигура отчасти героическая. И может так случиться, что именно он окажется в конечном счете «живее всех живых». Тогда как он же, промотавшийся в пух и в прах, должен теперь держать ответ перед народом. Конечно, если у народа еще хватит духа призвать его к ответу...

Так или иначе, все происшедшее похоже на чудо. Так, вероятно, восприняли афиняне известие о победе при Марафоне. «Мы победили!» — вскричал гонец Фидиппид, впервые в мире пробежав классическую марафонскую дистанцию с известием о том, что тирания не всесильна.

Би-Би-Си сообщает, что улицы ночного Каира запружены людьми. Крики, факельные шествия в Маншият-аль-Бакри, к дому Насера...

11 июня, воскресенье

Насер остается на своем посту. Он не возвратился «в ряды народа». Он передумал. «Я не могу противоречить голосу народных масс. Поэтому я не покину пост, на котором, как требует народ, я должен оставаться до тех пор, пока не закончится период ликвидации последствий агрессии». Т.е. надолго, если не навсегда.

Боже мой! Этот «храбрейший из храбрых», «вождь арабской нации», «гусар», как назвал его папа, оказался элементарным неврастеником (как и Гитлер). Свое заявление он передал в парламент... ПО ТЕЛЕФОНУ. Ибо, как черным по белому, без тени иронии говорит наша пропаганда, «он не может пройти из своей резиденции к зданию египетского парламента через образовавшиеся массы народа, приветствовавшие его возвращение». Доприветствовались!

Поучительно слышать, как египтяне от мала до велика умоляют Насера не покидать их. Без него тридцатимиллионный народ почувствует себя сиротой. Скромность такой массы, присягающей одному человеку, опозорившему ее, выше всяких похвал. (Интересно, когда Сталин заявил: «незаменимых нет», имел ли он в виду также себя?)

Мы-то с нашим социалистическим опытом знаем, что весь этот фарс разыгрывается не спонтанно, не стихийно. «Поднято ярости масс — семь» (Илья Ильф). Бурные «волеизъявления» на площадях, выкрики в мегафон, непривычно-смиренный надтреснутый голос Вождя («Братья и сестры! К вам обращаюсь

я, друзья мои...») — все это сплетается в какой-то магический ритуал очищения. Если собственный позор разделить на тридцать миллионов, что останется?

«Единодушные резолюции», принимаемые на предприятиях Каира и провозглашающие Насера «нашим Вождем, пока сами мы будем существовать», «во благо всех арабов», — как это все нам знакомо!

Наша пропаганда спешит успокоить нас: «успехи израильской агрессии», во-первых, временные, а во-вторых, незаконные, достигнутые бесчестным путем. Первое определится со временем, второе интересно само по себе. Оказывается, Каир и Дамаск находятся от Тель-Авива в 400 и 200 км, менее чем в получасе лета, — отсюда и внезапность нападения (по-видимому, от Каира и Дамаска до Тель-Авива гораздо дальше). «Все израильские самолеты, способные нести бомбы либо хоть какое-то вооружение, были подняты в воздух в то злосчастное утро 5 июня» — т.е. и учебные, и спортивные, м.б. даже личные и прогулочные. Какое мужество!

Оказывается, ничтожные размеры Израиля дали ему еще оно решающее преимущество: внутри страны удобно было перегруппировывать силы и направлять по мере надобности с Южного фронта на Северный, с Северного — на Центральный, сдерживая одного противника, бить пока что другого. И все же «Израилю не удалось разобщить арабов». Израильское правительство призывало Иорданию соблюдать нейтралитет, «остаться вне войны», обещая даже определенные уступки в дальнейшем (прямой доступ к Средиземному морю через территорию еврейского государства). «Однако подписание еще за пять дней до начала войны договора о совместных действиях между Насером и королем Хусейном провалило расчет милитаристов на то, чтобы «вбить клин» и т.д. Короче, король Хусейн дал себя объегорить (Насер уверял в первые дни войны, что израильские самолеты сбиты, а израильские войска окружены, что жители Хайфы и Тель-Авива прячутся в укрытиях от доблестных арабских бомб) — и продул вчистую. Захваченная им лет 20 назад часть Палестины очищена от его войск.

(Сейчас уже не упоминается, что Арабский легион короля был подготовлен британскими инструкторами, снабжен новейшим оружием).

Израиль, оказывается, подло мобилизовал все свое население, и армия его по численности немногим уступала численности арабских сил. Израиль знал, что силы его на исходе (арабские же резервы неисчерпаемы), — и вел войну с максимальной интенсивностью, применяя морские и главным образом воздушные десанты впереди наступавших частей. Так были захвачены опорные пункты на Синае, разблокирован Тиранский пролив, произведены высадки на рубеж Суэцкого канала — так что дорога на Каир была открыта.

Дорога на Дамаск тоже, оказывается, открыта: израильские войска, перевалив Голанские высоты, остановились в 40 км. от сирийской столицы. Очевидно, если бы Дамаск находился км на 500 далее от этих мест, война могла бы быть продолжена — и Израилю пришел бы каюк. Мечтаниями о том, как это до́лжно было бы случиться в соответствии со здравым смыслом, логикой войны и, конечно же, моралью, полны эти «анализы». Читать их одно удовольствие, фамилии авторов запечатлеваются навеки в памяти.

Вот еще что: не все израильские коммунисты «оказались на высоте задач, поставленных временем». «Группа» Самуила Микуниса «полностью разоблачила себя, отойдя от классовой оценки сущности израильской агрессии, солидаризовавшись фактически с правительством Леви Эшкола — Моше Даяна —Менахема Бегина».

Были, впрочем, и «истинные патриоты во главе Коммунистической партии Израиля, которые мужественно и последовательно разоблачали милитаристские силы. Их выступления в кнессете в самый разгар милитаристского угара — пример исключительного мужества и подлинно интернационалистической позиции...»

Вот-те на: значит, эту стерлядь, кремлевских лизлблюдов, не пересажали в тюрьмы хотя бы на время ведения военных действий! Когда товарищ Меир Вильнер приезжает в Москву (а он появляется здесь во время любых съездов и праздников), он уверяет нас, что только в нашей стране обретает, наконец, право говорить свободно (видимо, в Израиле его беспрестанно перебивают, не дают свободно говорить). Там, в Израиле, приходится работать в чрезвычайно трудных условиях (по-видимому, со всех сторон непрестанно задают вопросы). В Израиле, оказывается, сплошные антисемиты (смеются и издеваются, надо думать, над ним, Меиром Вильнером) — так что хотя бы здесь, у нас, на своей классовой родине, он имеет возможность вздохнуть полной грудью... Каждый раз от всей души я желаю ему задержать в груди это дыхание, чтобы привезти в Израиль глоток свежего воздуха.

Обычно в ответном слове какой-нибудь передовой советский рабочий желает арабам (принимая за араба и самого Меира Вильнера) «довести до конца дело своего освобождения от сионистской агрессии». И Меир Вильнер троекратно, по-русски, целует его.

На съездах КПСС выступают, надо думать, и руководители египетской компартии. В торжественном перечислении гостей делегации арабских стран не называются поименно; выступающих не демонстрируют, речи их даются в записи. Это делается, разумеется, лишь из гуманных соображений: где-то там, в Египте, их коммунистические жены, детки, тогда как товарищ Насер не только запретил у себя в стране компартию, но и расстрелял ее руководство...

Итак, «что же сделали объективно, с точки зрения мировой истории, правящие круги Израиля в позорные для этой страны дни начала июня 1967 года? Они попытались сокрушить наиболее прогрессивные преобразования в странах, решительно вставших на путь борьбы против империализма и колониализма...».

Таков «марксистско-ленинский анализ произошедших событий», их философское обобщение. Жителям ничтожного, «в масштабах мировой истории», государства следовало, надо думать, пожертвовать собой во имя «торжества прогресса». Эгоистические, прямо-таки шкурные интересы руководили Израилем в этой позорной войне!

12 июня, понедельник.

Ошеломленный историческими реальностями, калейдоскопической сменой событий, я только сейчас сообразил, что с самого начала войны все еще тянется ЭКСТРЕННОЕ заседание Совета Безопасности — фарсовое отражение этих событий. Советская позиция, «как всегда, ясна и недвусмысленна». Прекращение военных действий (едва выяснилось, что ничего хорошего они арабам не сулят) — это во-первых; отвод войск агрессора (читай: Израиля) на первоначальные позиции — во-вторых; осуждение Израиля (читай: агрессора) — в третьих; возмещение израильскими агрессорами полной суммы ущерба, причиненного всем странам, подвергшимся агрессии, — в-четвертых. Мы (единые в трех лицах: делегации в ООН — советская, украинская и белорусская) бескомпромиссны, но, чувствуется, слегка дуемся на Насера, который, обведя нас вокруг пальца (как и сирийского диктатора, и иорданского короля), надул прежде всего самого

себя. Ну, дай вовремя сигнал бедствия (вместо хвастливых заявлений о сбитых вражеских самолетах и окруженных вражеских армиях) — и не были бы упущены часы и дни, чтобы потребовать в Совете Безопасности своевременной резолюции о прекращении огня.

«Тактическая ложь» всегда ведет к стратегическим провалам. (Пример Насера мог бы и нас чему-то научить, но не научит.) Сегодня в ходе очередная большая ложь об «арабском единстве», хотя завтра же откроется, что Насер и саудовский король Фейсал не поделили Йемен, а если и поделили, то за спиной «третьей стороны» — президента этого самого Йемена; что Сирия, презирая теперь продувшегося Насера, игнорирует это «единство», а Алжир и Ирак за сотни верст от полей сражений все еще «рвутся в бой...»

Обманывая свой народ, власть поневоле и сама обманывается. Это свойство психики: нельзя бесконечно лгать, не поверив в конечном счете в собственную ложь. Демагогия, предназначенная для «общественного потребления», становится индивидуальным способом мышления. Я заметил, соприкасаясь с пропагандистской шушерой, что скажи людям, что они врут, они не обидятся и даже не рассмеются, как сделал бы циник, — они УДИВЯТСЯ. Хорошо бы даже предложить Объединенным нациям принять некий Кодекс чести, обязательный для любого политического деятеля, прежде всего для руководителей стран, подобный Декларации прав человека. И со лжецами, подонками дела не иметь.

Посмели бы мы наложить вето на такую резолюцию? Что может быть убедительнее языка пощечин? Те же аплодисменты, только с обратным знаком! Это и была бы настоящая политика с позиции силы — действительной, а, может быть, и единственной силы, какой еще обладают демократии, — с позиции моральной силы. Потому что какая бы сволочь ни была, на мораль она все же впрямую не покушается, все-таки какой ни на есть шажок во всей шеститысячелетней, от шумеров, истории цивилизации: мораль обладает... моральной силой. Какая-то там Румыния вдруг стала заметнее, встав на принципиальный пригорочек, отказавшись следовать безоговорочному осуждению Израиля.

Но что-то надламывается в обществе в момент его максимального благополучия. Какой-то вирус подтачивает решимость и веру западных демократий в свою правоту и силу. Есть специфичные недуги, поражающие дикарей при столкновении с цивилизацией, — этот , с противоположным знаком, куда загадочнее. Ведь и с Гитлером вели переговоры, как-то само собой уступая, идя на компромисс, готовясь соблюдать договоры — как букву, так и дух. А Гитлер плевать хотел на букву и на дух... Он и силен был непредсказуемостью.

Оправдываясь за оккупацию Синая, израильские дипломаты ссылаются аж на царя Соломона. Лучше бы прямо на Адама — и оккупируй себе даже райские кущи!.. Моральное алиби евреев не в ссылках на Тору и историю, оно в другом. Всегда и во всех случаях демократия права, если имеет дело с деспотией и тоталитаризмом. Только так следует ставить вопрос в ООН, и не иначе. Не так-то уж убежден я в праве народа вернуться через двадцать веков изгнания и потеснить с «исторической родины» тех, кто эти двадцать веков жил здесь. Но уж вовсе не должно быть прав у диктаторов, блудливых шейхов, жуликоватых королей, политических демагогов самовластно распоряжаться судьбами народов, втягивать их в войны, высказываться от их имени. В нормальном мире евреи должны бы расселиться среди арабов Палестины, создать арабо-еврейское ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ государство, трудиться сообща, каждый — для себя и, значит, для всех.

Должны бы... Но мир далек от нормы. Совместное проживание даже антропологически близких народов означало бы непрерывное противостояние, как в Ливане, перерастающее в гражданскую войну. Кажется, вот-вот станут возможны лишь мононациональные государства, — что вообще-то безнравственно, если уж по «гамбургскому счету». Но мораль есть определенный алгоритм для совместного проживания разных людей и народов на одной планете. Когда планка поднимется, тогда еврею станет безразлично то, что он — еврей, но и арабам станет безразлично то, что они — арабы; одно без другого немыслимо.

Так вот, демократический общественный строй бесконечно ближе к такому будущему, чем какой бы то ни было другой, — и он прав, защищая себя. Само будущее себя защищает.

Эта малая война вдруг вывела для меня из тумана абстракций философское понятие необходимости: демократия должна была победить, история должна была сделать еще один шаг на пути к свободе, к ЛИЧНОСТИ. Кошмарный XX век идет на убыль. Отступлению положен предел. Человечество выпрямляется!

Кажется, чем уж таким особенным было поражение России в Крымской войне?.. Сам Толстой воспел подвиг защитников Севастополя, а его советский коллега Александр Борщаговский — оборону Петропавловска-Камчатского. Все это далекие окраины, страна не была фактически серьезно задета военными действиями. Произошло, однако, нечто более существенное: империя растеряла полученные ею прежде, в войне с Наполеоном, моральные кредиты. Уже русский самодержец не смел более диктовать Европе и миру...

...Звонит Боря (Гольдфарб), рассказывает, что Лаговская, «выступая от имени партгруппы литераторов» на спешно собранном «митинге», сказала: «Все абсолютно ясно, товарищи! Опять американские империалисты развязали войну. Так было в Корее, в Гватемале, в Ливане, в Доминиканской республике, во Вьетнаме. Они и на Кубу хотели вторгнуться, только мы им не позволили. Вот они и отыгрываются. У кого-нибудь в зале есть другое мнение? Нет. Я предлагаю резолюцию, решительно осуждающую американский империализм и его сионистских наемников, топчущих земли свободолюбивых народов. Кто — «за»? Мне кажется, кто-то там, в последнем ряду, воздержался. Еще раз: кто — «за»? Единогласно!»

13 июня, вторник

В Ленинской (!) библиотеке столовая с буфетами и генеральный туалет почти совмещены: дверь в дверь. Интеллигенция не обижается, ест с аппетитом и идет в дверь напротив — травить анекдоты. Анекдоты сегодня такие:

Русский патриот объясняет, за что он получил 15 суток: «Взял чекушку, включил телевизор — слышу: «Евреи напали на арабов». Выключил, выпил, опять включил: «Евреи захватили уже весь Синай». Выключил, хлебнул, включил: «Они уже вышли к Суэцкому каналу».— Допил, вышел на улицу, подхожу к метро, гляжу: они уже здесь!.. Ну, я и врезал!»

Леви Эшкол с Моше Даяном соображают, на кого бы еще напасть... «А знаешь, давай завтра захватим Ирак! С утра и начнем». — «Хорошо. А вечером что будем делать?»

Сусанин заманил в русские снега поляков, Кутузов — французов, Сталин в 41-м — немцев... Насер заманил евреев в в Синайскую пустыню — и ждет теперь наступления морозов.

Конечно, тут же в курилке и Давид (Сафаров). Он — ассириец, но при случае опасливо называет себя грузином. Теперь он вдруг преисполнился национального самосознания: «Евреи через две тысячи лет вернулись на родину! Ассирийцы

что — хуже? Полмира когда-то были наши! А в XX веке та же ужасная судьба, что и у евреев: геноцид со стороны турок, изгнание, рассеяние... Знаешь, какая у нас обширная диаспора? Даже в Сан-Франциско есть ассирийцы! Мы ведь тоже семиты — как евреи. Наши миссионеры-марониты до Китая и Кореи дошли, несли иудео-христианство... Наши корни тоже на Ближнем Востоке — в нынешнем турецком вилайете Хакяри. Нет, шире: между Ваном и Урмией, в междуозерье. Ну и что, если там сейчас Ирак и Турция? Па-ачему Ассирия окажется беззащитной? Израиль, пожалуйста, не беззащитен!..»

Такова программа-максимум. Программа-минимум в том, чтобы спасти здесь в стране от ассимиляции остатки народа. (Па-анимаешь, все хотят быть па-ачему-то грузинами!) Открыть бы кое-где ассирийские школы («интеллигенции у нас навалом — как у евреев»), завести свою газету (где-то в Тбилиси есть будто бы ассирийский шрифт, целый набор, отлитый еще в 1912 году), подать прошение в Верховный Совет, в ЦК... «Чтобы все, па-анимаешь, в рамках закона: своя па-артийная газета, свой — ассирийский — цензор, из кадровых па-артийцев... Я уверен, в ЦК тоже ассирийцы есть, грузинами придуриваются...»

— Пошли отсюда, — говорит мне Игорь Жданов, поэт. —У тебя ж сегодня день рождения: прокачу с ветерком на мотоцикле!..

Как Ноздрев — Чичикову, он готов тут же подарить мне этот мотоцикл. («За триста рублей, всего-ничего. А ты на нем баб станешь возить, я ж тебя знаю! Бабы с ветерком любят...».

Напоминать ему, что я вот-вот как женился, не имеет смысла.

— Какие-то все это не еврейские приключения, — говорю ему.

— Как это — не еврейские? А бомбить на одном моторе — еврейские?

Речь вот о чем. Какие-то отдаленные аэродромы в Египте, или даже в Судане, предоставившем для джихада свою территорию, невозможно было накрыть и затем вернуться в Израиль: устаревшие двухмоторные бомбардировщики могли долететь только лишь в один конец. Израильские пилоты решили задачу так: туда — на одном моторе, обратно — на другом.

Симон (Бернштейн) здесь, в библиотеке, собирается представить меня корреспонденту армянского радио. Если есть московское радио и какое-нибудь мордовское, то почему бы не быть армянскому? А если оно есть, как же не быть корреспонденту в столице СССР? Все-таки ужасно боюсь, что прысну ему в лицо, — тогда как это чрезвычайно серьезный молодой человек с повышенным чувством собственного достоинства. Он буквально клокочет ненавистью:

— Ах, во время этой войны мы, армяне, жалели только об одном: ну почему Израиль не граничит с Турцией!

Поражаешься этой стойкой ненависти в человеке, для которого события полувековой давности словно произошли вчера...

— Мы у себя в Ереване каждую минуту видим наш Арарат по ту сторону границы, на оккупированной турками территории. Когда приезжал этот наш советский турок, этот Назым Хикмет, предлагал забыть прошлое, мы что ему сказали? Забудем — если нам вернут все наши земли и полтора миллиона убитых, — тогда забудем.

У него, чувствуется, комок в горле, губы кривятся. Толчком было замечание в «Правде» в связи с визитом какого-то высокопоставленного турка о том, что это «добрый, обладающий особой природной вежливостью народ, гостеприимный и радушный».

— Ты (это ко мне) только послушай, что они говорят: «добрый народ»!.. Повсюду, а не только у нас, в Армении, когда хотят обругать человека, как его назовут? «Турок»! Я был, например, в Киеве, в Бердичеве, — ваши евреи только

так и говорят: «Турок»! Это случайно? А на 50-ую годовщину резни «Правда» откликнулась единственной статьей — 24 апреля 1965 года, да и то сразу же после строчки об армянах тут же о дискриминации негров и индейцев. Мы что, похожи на негров? похожи на туземцев?..

Мне уже не хочется смеяться, я не знаю, куда деваться от его энергичных жестов прямо перед моим лицом.

— Разве можно было открыть фронт, заключить сепаратный мир, когда Турция вот-вот готова была капитулировать перед Антантой? Это же предательство! Это же выдача палачам целого народа! За евреев немцы еще хотя бы извиняются, репарации платят, вину хотят загладить. А турки недавно памятник поставили Талаату — тогдашнему турецкому министру внутренних дел!

Вот ты говоришь (я этого не говорил и вообще не переходил на «ты»), что армяне русских девушек любят, в Россию для этого приезжают. А ты знаешь, что у нас из века в век лучших девушек отбирали в турецкие гаремы? И ты хочешь, чтобы после этого армянские девушки все были поголовно красавицами, ты это хочешь?

Ну почему Израиль не граничит с Турцией?! Судьба у нас общая: мы для турок, вы для арабов — «инородное тело». Вам была сейчас уготована та же участь, что и нам когда-то, но вы не понадеялись на мифического «большого брата» — и никто вас не предал. Сами воевали — сами победили и остались живы.

Мой собеседник горячится, брызжет слюной и на ходу перекраивает всю карту Ближнего Востока. Пусть даже не сегодняшние турки, их отцы и деды, ушедшие в мир иной, виновны за первый в истории XX века геноцид, все равно на землю, политую кровью армян, они не имеют права: от озера Ван до Трабзона на Черном море. А к юго-востоку от Вана — до Урмии и к югу тоже, включая северо-восточную Сирию, северный Ирак, запад Ирана — земля курдов и ассирийцев, которую они между собой разделяют. Вилайет Антанья, хвостик в подбрюшье Турции, — сирийская территория, а турецкая территория в пределах Европы с Византией (Стамбулом) — греческая.

— По мне бы — так и весь восточный берег Эгейского моря был греческим, и школьники не путались бы, изучая историю Древней Эллады, которая протекала здесь. Милет, Эфес, Троя, — это что, турецкие города? Ахилл с турками воевал? Гектор был турок?.. А Турции и без этих земель останется приличный кусок, с Францию величиной, между морями, с субтропическим климатом и столицей Анкарой, на которую могли бы претендовать хетты, но их уже и в помине нет. Так что туркам еще повезло. Многие народы с более славной историей, не причинившие столько горя и зла, мечтали бы о такой родине...

Слушаю и думаю об одном: неужели арабы с такой же ненавистью будут говорить о евреях?

Идем с Витей (Лунденом) из Ленинки. Нарядный вечер. Распахнутое окно, за ним старушка-божий одуванчик, что-то вяжет... Вяжет — и слушает... Боже мой, Би-Би-Си! И кошка тут же на подоконнике тоже слушает, еще не понимая, что она, кошка, родилась до арабо-израильской войны, а нежится вот сейчас уже в другую эпоху — после.

— Попробую уехать отсюда, — говорит Витя. — Может, уже выпустят?

Надежда БАНЧИК (Львов)

ЕВРЕИ И АРМЯНЕ В ГАЛИЦИИ

Галиция — западноукраинский регион, историческое ядро которого составляют земли Галичина (современные Львовская и Ивано-Франковская области) и Тернопольщина. Население здесь изначально было многонациональным — кроме украинцев, жили поляки, чехи, немцы, венгры и другие народы. Торгово-ремесленный характер городов привлекал сюда купцов: евреев, армян, венецианцев, валахов, греков, турок.

В XIII веке татаро-монгольские орды превратили в развалины Львов, Галич, Владимир. Затем последовали вторжения литовцев, тевтонских рыцарей, поляков. В 1349 г. польский король Казимир Великий присоединил Галицию к Польскому королевству, которое, достигнув расцвета в Речи Посполитой (XIV-XVI вв.), постепенно стало клониться к упадку. Внутренние потрясения, войны, нашествия турок, татар, шведов привели в конце концов к разгрому государства, к трем разделам Польши (1772, 1793, 1795) между Пруссией, Австрией и Россией, в результате которых Галиция отошла к Австрии, а с 1867 г. составляла (сохраняя польскую автономию) часть Австро-Венгрии. В 1918 г. империя распалась. В Галиции и на Восточной Украине украинский народ добился возрождения государственности, но в огне революции и гражданской войны погибли и Западноукраинская Народная республика (ЗУНР), и Украинская (УНР). Новое польское господство в Галиции длилось до 1939 г., когда советские войска вошли в Западную Украину.

Хотя точных сведений не сохранилось, принято считать, что первые поселения евреев и армян на галицийских землях можно датировать IX-X вв. Сначала появились купцы, которых князья приглашали, чтоб наладить торговые связи с Западом и Востоком, а за торговыми гостями шли еврейские и армянские беженцы, спасавшиеся от преследований то на Востоке, то на Западе. Князья определяли условия поселения и проживания мигрантов, зафиксированные в так называемых привилегиях, служивших основными документами для всех последующих властей при определении юридического статуса евреев и армян в Галиции. Так, права евреев основывались на привилегии польского короля Болеслава Храброго, выданной в 1264 г. Что касается прав галицийских армян, то некоторые исследователи возводят их к привилегии князя Дмитрия (1062), но большинство историков считают этот документ подделкой XVIII в.

Первые поселения евреев и армян в Галиции практически имели одинаковый статус — самоуправляющаяся община. Привилегии гарантировали свободу поселения, свободу вероисповедания, занятия торговлей. Вместе с тем армяне и

евреи не могли владеть землей, поэтому они, как правило, сосредоточивались в городах или пригородах, культура их развивалась как городская, причем дважды оторванная от земли: от земли своих предков и от земледелия, крестьянского труда на новой родине.

Казимир Великий, присоединив Галицию к своему королевству, сделал Львов столицей Галицкого края и в 1356 году даровал городу магдебургское право (т.е. автономию городского самоуправления) и статус «вольного торгового города» — широкую свободу торговли и поселения здесь купцов из всех стран. Правда, из некоренных народов, кроме евреев, армян и немцев, право образовывать постоянную городскую общину получили только греки, молдаване, татары, хотя, кроме них, оживленную торговлю вели итальянские, сербские, индийские, персидские купцы.

Юридический и социальный статус евреев и армян определялся двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, он основывался на принципах магдебургского права и княжеских привилегиях, гарантировавших автономию общин, их самоуправление и судопроизводство, — тем самым власти как бы демонстрировали свое уважение: к евреям, как к «библейскому народу», а к армянам, как христианам; но, с другой стороны, власти всячески ущемляли права тех и других, запрещая владеть землей, вступать в ремесленные цехи, жестко ограничивая места проживаний и род занятий, мотивируя притеснения «исторической виной» евреев и «упорством в ереси» армян. Устойчивости такого противоречивого положения способствовала и социальная структура, сложившаяся в Галиции в XIV-XV вв., когда каждый народ занимал как бы определенное место: поляки — преимущественно дворяне (шляхта) и мещане, украинцы — в основном крестьяне, реже — мещане, а евреям и армянам оставалась торговля и кредитно-финансовая сфера — здесь поляки не могли составить им сильную конкуренцию, хотя и пытались. Таким образом, социальная система и экономические интересы Польского государства привели к такому положению, когда евреи и армяне не могли быть ни изгнаны, ни уравнены в правах с поляками, и до XVI в. оба народа занимали в Галиции практически одинаковое место, сумев создать в новом отечестве развитую культуру, опиравшуюся на национальные традиции.

Начиная с XVI в., когда в Европе усилилась религиозная нетерпимость, конфессиональные различия евреев и армян Галиции закрепляются юридически. Королевские декреты, в частности декрет Сигизмунда I (1521), дополнили перечень запретов для евреев, определили порядок взаимоотношений еврейских общин с городскими властями — «пакты» на определенный срок (во Львове, например, на 8 лет), лишив тем самым евреев принимать участие в экономической жизни города.

Экономико-юридическое размежевание евреев и армян при сходстве их социальной роли и рода занятий, а, следовательно, конкуренция между ними служили демагогическим «обоснованием» антисемитской (а иногда антиармянской) пропаганды и противопоставления одного народа другому. Многие исследователи этого периода отмечают, что, начиная с XVI в., баланс евреев и армян в польской торговле нарушился в пользу евреев. Другой причиной разъединения евреев и армян стали гетто. Евреям запрещалось селиться за пределами гетто, снимать жилье у христиан или сдавать его им. Армяне также были ограничены в выборе места для жилья и строительства домов, но не так жестко.

Со второй половины XVI в. Ватикан усиливает натиск на восток. Одним из результатов новой политики папского престола стала Брестская уния (1596), вызвавшая жестокую борьбу между ее сторонниками и противниками. В 1630

г. епископ Львовской армянской общины М.Горосович, пытаясь «заслужить» сан архиепископа, втайне от общины провозгласил унию армянской церкви города с Ватиканом. Такой шаг отвечал польским интересам, но для армян Львова он означал окончательный разрыв с родиной. Антиуниатские настроения армян вызвали новые декреты короля и магистрата, еще более урезавшие права армян, вызвавшие новые притеснения и даже погромы. Зато армян-униатов власти обещали уравнять в правах с польским мещанством, а некоторым даровать дворянское звание. Почти столетие длилась эта борьба; в конце концов армяне были вынуждены подчиниться.

Процесс постепенного вытеснения веры, традиций, языка запечатлели литургические рукописные книги, созданные в армянских общинах Галиции. Книги начала XVIII в. содержат описания обрядов на праздники святых Вагана Гохтнеци, Саркиса-полководца, Рипсимэ и Гаянэ, Саака и Месропа, а католических праздников очень мало. А в книгах 2-й половины XVIII в. из армянских остался только вардавар* и праздник св.Григора Просветителя, число же католических праздников умножилось. Вместе с тем в богослужении, наряду с польским языком, сохранялся древнеармянский (грабар) — вплоть до ликвидации конфессии в годы советской власти, причем на грабар переводились даже произведения католической литургии.

Поощряя униатство армян, правители Польши и магистрат Львова расширяли их права в торговле, армянских ремесленников начинают принимать в цехи. Тогда же община получила право иметь двух представителей в составе «радных» (городского самоуправления); некоторым влиятельным членам общины было пожаловано дворянство. Армяне успешно осваивали дипломатическое поприще, немало их служило в посольствах Польши, прежде всего в Турции и Иране. Но одновременно ограничивалась политическая автономия, духовная независимость армян.

В XVII в. усиливается враждебное отношение к евреям. Еврейские погромы, организуемые чаще всего учащимися иезуитских коллегиумов, не миновали Львов и другие города Галиции. Вновь пущен в ход навет на евреев, якобы использующих для приготовления мацы кровь христианских младенцев, вновь муссируются измышления о «торгашеской» натуре евреев-христопродавцев. При этом словно бы забывалось, что сама система выталкивала евреев в торговлю и ростовщичество, в торговлю вином и прочие «нечистые» занятия. А вот армянам «прощалось» винокурение и торговля спиртным, считалось даже, что армянские торговцы честнее еврейских, однако сохранившиеся документы и судейские архивы не дают оснований считать, что честность (или бесчестие) хоть как-то связаны с национальностью.

Польские власти упорно стремились обратить евреев в христианство. В 1750-х годах во Львове и Каменец-Подольском проходили диспуты епископов с раввинами, нередко завершавшиеся избиениями евреев. Один из подобных диспутов закончился тем, что раввинов братьев Райцесс сожгли живьем. По Галиции прокатилась новая волна погромов. Еврей за все должен был платить — за свое рождение, за свадьбу, похороны, даже за ханукальные свечи. Система репрессий, унижений и ограничений расшатывала, разрушала моральные и материальные основы жизни галицийского еврейства.

Евреи Галиции имели разный статус. Во Львове до 1867 г. официально сохранялось гетто, а в Снятине, Станиславе (ныне Ивано-Франковск) и некото-

**** Вардавар** — праздник Преображения, в память изменения Спасителем вида своего на горе Фавор.*

рых других городах евреи еще с XVII в. входили, наравне с христианами, в состав мещанского сословия.

На основании сказанного можно предположить, что исторические судьбы евреев и армян Галиции, столь сходные до XVI в., далее резко разошлись, но, оказывается, внутренние взаимосвязи так легко не исчезают. Архивные документы сохранили не только факты конкурентной борьбы, но и сотрудничество между членами двух общин в торговле, в финансово-кредитных операциях, а также в аренде жилья, хотя королевские декреты запрещали евреям селиться за пределами гетто, а христианам — жить в еврейском квартале. Интересно, что в долговых книгах армянских банкиров списки клиентов содержат, наряду с армянскими, польскими и украинскими, также еврейские имена, причем если в XVII — нач. XVIII в. евреи составляли 20—30 процентов, то к середине XVIII в. — 50 процентов, т.е. больше чем поляки и украинцы.

Конечно, армяно-еврейские деловые связи обусловлены не только традиционной близостью обеих общин, но политическими и экономическими потрясениями, которые XVII в. обрушил на все народы Речи Посполитой, но особенно — на обитателей гетто. Историк Меир Балабан писал, что еврейская община Львова брала займы у католических орденов. Архивы свидетельствуют, что финансовую поддержку евреям оказывали армянские общины. Конечно, армяно-еврейские связи касались не только делового сотрудничества. В XVII в. был составлен рукописный словарь перевода библейских слов и выражений с древнееврейского на грабар (сейчас хранится в институте «Оссолинеум» во Вроцлаве). Древнееврейские слова и выражения «вкраплены» в рукописный словарь (XVII в.) перевода с грабара на армяно-кипчакский язык, распространенный среди крымских армян (словарь хранится в библиотеке Львовского университета). В XVII в. львовский писатель Степанос Лехаци перевел на армянский язык «Иудейскую войну» Иосифа Флавия. Приведенные факты не исчерпывают армяно-еврейские культурные связи. Оба народа, живя в Галиции, создали произведения высокого трагического звучания: у армян это плач-молитва поэта Акопа Токатеци о турецком нашествии на Речь Посполитую; у евреев — «Золотые ворота» Давида га Леви, где нашли отражения бедствия евреев, преследуемых иезуитами.

Сходство и различие обеих культур проявляется в их духовном содержании. Так, в еврейской культуре галицких земель можно выделить несколько направлений: ордоксия, идеи Саббатая Цви, франкизм, хасидизм; каждое из них, тесно связанное с «родовым древом» Торы, базировалось на оригинальной философской концепции, сочетая догматы иудаизма и реалии жизни. Так, последователи Саббатая Цви предприняли в XVII в. попытку вернуться на историческую родину и возродить еврейский Иерусалим, но потерпели неудачу. После провала «саббатистов» в 30-е годы XVIII в. на землях Галиции зарождается хасидизм; сущность этого учения состояла в глубоком философском осмыслении радости от праведной жизни и служения Господу — радости, являвшей духовную победу над ужасами еврейской судьбы. Хасидизм быстро распространился на Украине.

Одновременно продолжались поиски выхода из гетто путем соединения с народами, среди которых евреи жили столетиями. Особую известность приобрело учение Якова Франка — франкизм. Исходя из духовных связей между Ветхим и Новым заветом, Франк разработал пути перехода из иудаизма в католичество. Свои идеи Франк, подобно М.Торосовичу, пытался реализовать предательски, авантюрно. Попытка такого исхода из гетто была обречена — с одной стороны, из-за сопротивления самих евреев, а с другой, из-за враждебного отношения католиков к неофитам.

После разгрома Речи Посполитой и перехода Галиции под власть Австрии статус обоих народов меняется: политическая автономия ликвидирована, провозглашено равенство всех граждан независимо от национальности, хотя евреям по-прежнему запрещено владеть землей и жить в «христианских» кварталах. Приходят в упадок и традиционные занятия евреев и армян: торговля, кредит, ремесленничество. Одновременно происходит сближение обоих народов с польским, — у армян этот процесс, начавшийся еще с принятия унии, к XIX в. завершается, а у евреев идет медленнее, труднее. Здесь вновь проявляется сходство и различие галицийских евреев и армян. Оказавшись на распутье между религиозной традицией и новой реальностью, одни евреи остались ортодоксами, другие разделяли философию гаскалы, третьи горячо поддерживали сионизм, четвертые — хасидов, пятые — украинских националистов, шестые стали польскими интеллигентами.

«Армянский выбор» был значительно уже. Армяне пополняли ряды торговцев, предпринимателей, землевладельцев и, конечно, интеллигенции. Знаменитый историк армянского происхождения Садок Баронч составил биографический «Каталог знаменитых василиан», «Жизнеописание армян, славных наукой и добродетелью в Польше». Теодор Торосович составил замечательное пособие для студентов, а его сын Юзеф основал интернат для армянских сирот.

Заметный вклад в культуру Польши внесли и евреи — О.Ортвин, М.Балабан, Ю.Кляйнер, М.Берсон. Последний составил подробнейший «Биографический словарь знаменитых польских евреев».

Сочетание космополитических взглядов, патриотических чувств к новой отчизне, гуманистических идеалов и национальных традиций стало внутренним смыслом национального самосознания, характерным для большинства польских интеллигентов еврейского и армянского происхождения. Яркое свидетельство тому — полемика, вспыхнувшая во Львове в 60-х гг. XIX в. между армяно-католическим епископом Михаилом Торосовичем и архиепископом Исааком Исаковичем. Торосович призывал паству принять католичество, поскольку «ни языка, ни обычаев, ни ощущения национальности армянской уже не имеем...». На этот призыв дал ответ архиепископ Исакович: «Если бы название наше «армяне» бросало какую-либо тень позора и срама на нас, если бы история в грязных чертах выставляла тот народ, из которого мы вышли, возможно, страшную имели бы причину стыдиться этого названия... Но стыдиться названия «армяне» никакой не имеем причины...»

Несмотря на сильно развитое чувство национального достоинства, армяне Галиции постепенно начинают считать и сознавать себя «армянской группой» польского народа, — в отличие от армян России, расколовшихся на «ассимилированных» и тех, кто, подобно сионистам, боролся за восстановление национального государства.

Встретившись на галицийском перекрестке почти тысячу лет назад, оба народа вплоть до XVI в. занимали сходное социальное положение, имели оживленные связи, которым не мешало различие вероисповедания. Но с XVI в., в процессе клерикализации Европы, стены, воздвигнутые между христианами и иудеями, разделили евреев и армян. Хотя даже в таких условиях еврейско-армянские связи все же сохранились, а в дальнейшем вновь окрепли. Несомненно, эти связи отражали не только деловое, профессиональное, корпоративное сотрудничество, но, видимо, и подсознательное взаимопритяжение, «духовное родство оставшихся в живых» (Ю.Карабчиевский).

АНТИСЕМИТЫ ЛИ АРИЙЦЫ?

Так уж сложилось в истории нашей иудео-христианской цивилизации, что, наверное, нет другого такого народа, как евреи, ненависть к которому занимала бы столько места в сочинениях историков и философов — как евреев, так и не-евреев. В своем историческом развитии антисемитизм принимал самые причудливые формы проявления. Армяне в новейшей истории в своем большинстве являли в некотором роде «счастливое исключение». Переломным в этом отношении, видимо, явились события 1915 года, которые в памяти армян запечатлелись как первый в истории XX века геноцид, открывший дорогу к еврейской Катастрофе. Сложившийся и оформившийся в Западной Европе антисемитизм вместе с другими формами светской идеологии — национализмом и либерализмом, получил определенное распространение и в Оттоманской империи. Национально-освободительные движения на Ближнем Востоке и в Передней Азии во многом «взросли» по западным образцам и моделям и дали начало младо-движениям, в том числе и младотурецкому. Однако идеи национально-освободительного движения, идеи национализма в первую очередь, сформировались в определенном социально-культурном контексте, включавшем в себя в том числе и проявления антисемизма.

Армянское национально-освободительное движение в Оттоманской Турции во многом сформировалось также под влиянием этих идей, воздействие которых значительно возросло после трагедии 1915 г. С этих пор в определенных кругах армянских интеллектуалов, преимущественно диаспоры («спюрка»), эти идеи получили достаточно широкое распространение. В дальнейшем эти идеи получили дополнительный стимул после провозглашения государства Израиль в армянских общинах ряда арабских стран и Ирана.

В советской Армении, в условиях одномерной идеологической «рамки», эти идеи практически не получили явного распространения. Более того, в Советском Союзе армяне и евреи рассматривались как некая общность «мафиозного» или «кланового» типа и диссидентствующих наклонностей. Объективно их, действительно, сближало наличие значительной и активной армянской и еврейской жизни за рубежом, что приоткрывало для них «щелочку» в режиме «холодной войны», а также осознание перенесенной трагедии 1915 и 1939—1945 гг.

Однако с распадом Советского Союза и возникновением новых государств, в том числе Республики Армения, усилились связи последней со спюрком, откуда

начался новый «поход» идей: национально-освободительных и не только, в том числе и со своеобразной интерпретацией ответственности евреев за организацию событий 1915 г. и за сопротивление факту признания геноцида армян как в мире, так и в особенности в США, в военно-политическом «тройственном» союзе — США, Турция, Израиль, направленном прежде всего против арабских стран и Ирана, но имеющем в качестве одной из целей реализацию пантюркистской программы и тем самым «решение армянского» вопроса.

Антисемитизм ли это или антисионизм? И как различать эти понятия? Ясно, что эти взгляды выросли не на религиозной почве, что они имеют сугубо политический характер, корни которого восходят к светскому антисемитизму европейского Просвещения и просветителей, боровшихся со всякой религией, в том числе с иудаизмом. Просветительский атеизм плавно унаследовал в целом антисемитизм христианский. Однако, как и его предшественник, он не «удержался» в рамках идеологии и перешел в плоскость практических действий — политики. Этот переход в свое время блестяще осуществили немцы, когда даже такая невинная наука (заметьте, теперь уже наука, а не религия), как лингвистика, была использована для обоснования антисемитских и расистских взглядов. Мы имеем в виду сравнительно-исторический метод и выделение индоевропейских языков, на которых говорят арийцы: немцы, армяне, англичане, эллины и римляне, индийские и иранские народности и др. То есть лингвистическая общность оказывается основанием общности культурной и цивилизационной (хотя для немецкой философии цивилизация — это смерть культуры). Тут было бы впору, прежде чем противопоставлять арийскую общность и культуру другим, рассматривая ее очевидный факт, как данность, подумать о том, является ли лингвистическая, языковая общность достаточным основанием для выделения общности культурной. Достаточно ли типологически выделенной общности языка для констатации общности культуры? Можно привести множество доводов против этого тезиса, например поляки и русские. Но не в этом главное. В любом случае не следует научные типологии отождествлять с самой действительностью, да еще ранжируя их в соответствии со своими взглядами. Это уже интерпретация и реконструкция, насыщенная культурными предрассудками эпохи.

«Арийские» взгляды получили определенное распространение и среди арийцев-армян, которые противопоставляют себя то семитам, то иудейской культуре, а то и иудео-христианской цивилизации. Оригинальность этих взглядов — в своеобразном религиозно-политическом синтезе, что вполне в традициях армянской культуры, синтезе, сдобренном немецкими предшественниками — от Ницше до антропософии. Этот синтез — исторический отголосок имевшего место арийско-германского синтеза, который ныне возрождается в арийской Армении.

Игорь БАРСЕГЯН
Ереван)

КОНЦЕРТ ВЛАДИМИРА СПИВАКОВА В КУМАЙРИ

Уважаемый редактор,

*Недавно я получила письмо от моей подруги о концерте Владимира Спивакова в Кумайри (до 1840 года Кумайри, до 1924 — Александрополь, до 1990 — Ленинакан. — **Редакция**). Думаю, оно будет интересно и вашим читателям, ибо т а к и е события не стареют, как не может устареть исполнение Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича в блокадном Ленинграде.*

Надежда Банчик,
г.Львов, Украина

...Хочу рассказать тебе о концерте Владимира Спивакова с оркестром в Кумайри в годовщину страшного землетрясения.

После двухчасового концерта, когда блистательный маэстро стал раскланиваться, слушатели преподнесли ему в дар две картины погибших юных художников — мальчика и девочки. Картины поставили так, чтобы их могли видеть все — и артисты на сцене, и переполненный зал. Воцарилась гробовая тишина; все смотрели на картины, не в силах отвести взгляд, и столько огня, столько солнца и света, столько радости было в этих полотнах, что у маэстро навернулись слезы на глаза. Он плакал. И плакали музыканты. Плакал весь зал. Казалось, сам воздух в зале был пронизан плачем; казалось, в мире не осталось ничего, кроме боли, страдания, отчаяния.

Неожиданно Спиваков обернулся к оркестру и взмахнул дирижерской палочкой — и оркестр заиграл. Не помню, что именно, но это был Моцарт. Что-то очень жизнерадостное, светлое, счастливое. И произошло чудо: оркестр играл, а из сердца медленно и тихо отступало горе, боль — такая нестерпимая — отпустила, печаль стала светлой. Боже мой, как вдруг захотелось жить! Не только за себя, о нет — еще и за них, погибших!

Когда смолкли звуки, потрясенный зал молчал... И вдруг взорвался овациями. Мне никогда не забыть эти лица, глаза, бегущие по щекам слезы, но это были уже слезы счастья, надежды. И музыканты были счастливы не меньше нас.

За всю свою жизнь я не встречала такого сострадания, такого светлого единения души и музыки, людей с людьми.

Нина ГРИГОРЯН
Ереван

ЕВРЕИ И АРМЯНЕ: ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ*

СТРАНА	НАСЕЛЕНИЕ тыс. чел. 1990 г.	ЕВРЕИ тыс.	ГОД	АРМЯНЕ тыс.	ГОД
Австралия	16.547	67	1980	30	1985
Австрия	7.492	13	1980	2	1985
Азербайджан	7.029	21.3	1989	390**	1989
Албания	3.245	0.3	1979		
Алжир	25.363	1	1980		
Аргентина	32.321	300	1980	85	1985
АРМЕНИЯ	3.283	2.3	1991	3.084	1989
Афганистан	16.556	0.2	1979		
Бангладеш	115.593				
Барбадос	254	0.07	1979		
Бахрейн	412				
Белоруссия	10.200	112	1979	5	1989
Бельгия	9.938	41	1980	15	1989
Бенин	4.740				
Бирма (Ньяма)	41.675				
Болгария	9.010	7	1980	25	1985
Боливия	7.313	2	1973		
Ботсвана	1.285				
Бразилия	150.367	150	1980	22	1986
Бруней	250				
Буркина-Фасо	9.006				
Бурунди	5.451				
Бутан	1.516				
Ватикан	1				
Великобритания	56.926	410	1980	17	1985
Венгрия	10.551	80	1980	10	1986
Венесуэла	19.735	15	1980	5	1990

Вест-Индия***	33.639				
Вьетнам	67.170				
Габон	1.170				
Гаити	6.504	0.15	1979		
Гайана	1.039				
Гамбия	811				
Гана	15.020				
Гваделупа	340				
Гватемала	9.196	2	1979		
Гвиана	80				
Гвинея	6.875				
Гвинея-Бисау	931				
Германия	77.178	60	1990	15	1990
Гибралтар	30	0.6	1979		
Гондурас	5.138	0.2	1980		
Гонконг	5.840	1	1982		
Греция	10.047	6	1980	15	1985
Грузия	5.449	5	1991	391	1989
Дания	5.120	7.5	1980		
Доминиканская республика	7.169	0.2	1979		
Египет	54.059	0.4	1980	12	1985
Заир	35.990	0.2	1980		
Замбия	8.455	0.4	1980		
Зимбабве	9.720	1	1992		
ИЗРАИЛЬ	4.580	3.541	1989	2	1989
Индия	853.372	8	1980	1	1980
Индонезия	180.513	0.1	1981		
Иордания	4.269				
Ирак	18.919	0.4	1980	25	1990
Иран	56.585	70	1980	180	1986
Ирландия	3.719	2	1980		
Исландия	248				
Испания	39.332	41	1982		
Италия	57.321	32	1982	5	1988
Йемен	10.506	0.5	1980		
Казахстан	16.538	18.5	1989	19.1	1989
Камбоджа	8.245				
Камерун	11.245				
Канада	26.525	305	1980	70	1985
Катар	300				

Кения	25.129	0.45	1979		
Кипр	673	0.03	1979	2	1986
Киргизстан	4.291	5.6	1989	4	1989
Китай	1.135.495	0.03	1982		
Колумбия	31.819	12	1980		
Конго	1.924				
Коморские о-ва	433				
КНДР	22.936				
Корея	43.582				
Коста-Рика	3.014	2.5	1979		
Кот д'Ивуар	12.595				
Куба	10.324	0.9	1992		
Кувейт	2.090			10	1985
Лаос	4.070				
Латвия	2.682	23	1989	3	1989
Лесото	1.773				
Либерия	2.553				
Ливан	2.965	0.1	1987	150	1985
Ливия	4.544	0.005	1987		
Литва	2.924	12.3	1989	1.6	1989
Лихтенштейн	28				
Люксембург	372	1	1979		
Маврикий	1.103				
Мавритания	2.024				
Мадагаскар	11.979				
Макао	620				
Малави	8.427				
Малайзия	17.339				
Мали	9.361				
Мальта	347	0.05	1979		
Марокко	25.138	22	1980	12	1986
Мартиника	336				
Мексика	88.597	37.5	1980		
Меланезия	5.417				
Мозамбик	15.663				
Молдова	4.341	65.7	1989	2.9	1989
Монако	30				
Монголия	2.226				
Намибия	1.875				
Нигер	7.109				

Непал	19.143				
Нигерия	113016				
Нидерланды	14.751	30	1980		
Никарагуа	4.211	1.3	1979		
Новая Зеландия	3.378	5	1980		
Норвегия	4.211	1.3	1979		
Объед. Арабские Эмираты	1.588.				
Оман	1.468				
Пакистан	122.666	0.25	1979		
Панама	2.417	5	1990		
Папуа-Новая Гвинея	4.011				
Парагвай	4.276	1.2	1979		
Перу	22.332	5.2	1979		
Польша	38.423	5	1990		
Португалия	10.284	0.6	1979		
Пуэрто-Рико	3.708	1,5	1986		
Россия	148.000	1.378	1989	532	1989
Руанда	7.231				
Румыния	23.271	45	1980	6	1985
Сальвадор	5.251	0.35	1979		
Сан-Марино	22.8				
Саудовская Аравия	14.131			15	1988
Сахара Зап.	150				
Свазиленд	716				
Сенегал	7.369				
Сингапур	2.701	30	1990		
Сирия	12.500	4	1990	120	1985
США	249.235	5.920	1980	800	1986
Сомали	7.554				
Судан	35.195				
Суринам	425	0.5	1979		
Сьерра-Леоне	4.150				
Таджикистан	5.112	9.7	1989	5.7	1989
Тайвань	19.134	0.03	1980		
Таиланд	55.701				
Танзания	27.328				
Тимор Вост.	594				
Того	3.454				

Тунис	8.168	7	1980		
Тринидад и Тобаго	1.282	0.3	1979		
Турция	55.616	24	1980	150	1985
Туркменистан	3.534	2.3	1989	32	1989
Уганда	18.441				
Уругвай	3.128	50	1980	14	1985
Узбекистан	19.906	10.3	1989	50.5	1989
Украина	51.704	486	1989	54.2	1989
Фиджи	742				
Филлипины	58.000				
Финляндия	4.974	1	1979	0.05	1992
Франция	56.173	650	1980	290	1991
ЦАР	2.912				
Чад	5.678				
Чехо-Словакия	15.667	12	1980		
Чили	13.173	30	1980		
Швейцария	6.520	21	1980	3	1990
Швеция	8.339	17	1980	2	1980
Шри-Ланка	17.209				
Эквадор	10.781	1	1979		
Экваториальная Гвинея	350				
Эстония	1.573	4.6	1989	4	1992
Эфиопия	46.743	22****	1980	2	1974
Югославия	23.848	5.5	1991		
ЮАР	35.248	118	1980		

ПРИМЕЧАНИЯ

* Читателей, которые обнаружат ошибки в цифрах, а также располагают недостающими или более точными сведениями о расселении евреев и армян по странам мира, просим сообщить в редакцию «Ноя».

** Видимо, сейчас в Азербайджане осталось немного армян, но точное число нам неизвестно.

*** Включая о-ва Антилью, Антигуа, Багамские о-ва, Виргинские о-ва (Британские), Каймановы о-ва, Доминику, Гренаду, Монтсеррат, Антильские о-ва (Нидерландские), Сент-Китс и Невис, Сент-Люсию, Сент-Винсент и Гренадины, Теркс и Кайкос, Виргинские о-ва (США).

**** В ноябре 1984 г. Израиль осуществил операцию «Моисей» – из Эфиопии и Судана по воздушному мосту были эвакуированы 14.000 фалашей.

Эдуард НОРДЕН (США)

ПЕРЕСЧИТЫВАЯ ЕВРЕЕВ

Сколько евреев живет на планете сегодня и сколько их будет в следующем поколении? Где они, скорее всего, будут сосредоточены, скажем, в 2021 году? И какое значение это имеет?

С ходу отвечать на все эти вопросы взялся бы, пожалуй, только отъявленный авантюрист. Поэтому разумнее сначала поставить контрвопрос, а именно — кого считать евреем? Но он не менее труден. Спустя два столетия после Французской революции, столетие с лишним после начала еврейской эмиграции в Соединенные Штаты, через 74 года после российской революции и 43 года после возрождения государства Израиль попытка определения еврея — почти головоломная задача.

Конечно, ортодоксальные раввины имеют на это готовый ответ. Но если вооружиться их определением: еврей — это тот, кто рожден от матери-еврейки, или обращен в еврейство согласно Галахе, или рожден от обращенной по Галахе матери, — то подсчитать евреев окажется практически невозможно. Пришлось бы проверять каждый случай отдельно, на что не согласится ни один серьезный демограф.

Означает ли это, что задача еврейской демографии вообще безнадежна? Не совсем так, потому что существует несколько способов такого определения еврея, которое достаточно для целей демографического подсчета. Сартр написал когда-то, что еврей — это тот, кого окружающие считают евреем; он, по-видимому, никогда не встречал еврея, который сам определял себя так, вне зависимости от мнения окружающих. Но Серджио делла Пергола, демограф из Еврейского университета в Иерусалиме, косвенно следует за Сартром, когда подсчитывает, сколько евреев живет в Израиле.

Каждый израильтянин имеет удостоверение личности. В разделе «национальность» этого удостоверения указывается религия. Эта запись делается чиновником министерства внутренних дел. Теоретически, чиновник и представляемые

им власти вольны решать, как трактовать такую запись. Иными словами, они и оказываются теми «окружающими», которые — в соответствии с Сартром — считают человека евреем или нет. Так вот, если из общего числа израильтян вычесть тех, кто зарегистрирован в удостоверении как нееврей, то есть мусульман, христиан, друзов, бахайцев, буддистов и т.п., то мы получим то количество израильских евреев, которое указывает делла Пергола, — четыре миллиона человек.

В действительности, как мы увидим, даже в Израиле ситуация несколько более сложная. Но она куда сложнее в диаспоре, где евреи рассеяны, подвижны и изменчивы. Поэтому здесь единственный способ подсчитать их количество состоит в том, чтобы отказаться от критерия Сартра, взять достаточно надежную выборку и выяснить, сколько в ней людей, которые сами считают себя евреями. Это дает базу для дальнейших экстраполяций.

Когда Вуди Аллена однажды спросили, к какой религии он принадлежит, он ответил: «К еврейской — с объяснением». Делла Пергола выделяет три категории евреев, котрые имеют такое «объяснение». Это связано с тем фактом, что в диаспоре еврейскость, некогда неотделимое от человека качество, сегодня стала предметом выбора, особенно в Соединенных Штатах. В результате поле работы демографа заполнилось множеством новых субкатегорий. Некоторые из них позволяют лучше понять, что происходит с современным еврейством, другие пытаются повлиять на происходящее.

Первая из категорий делла Перголы — так называемое «ядро». Сюда относятся те люди, которые неизменно отвечают, что они евреи, вне зависимости от того, сколько заповедей они исполняют и что говорят о них раввины. Далее следует более широкая группа так называемой «расширенной популяции», которая включает, кроме «ядра», также и тех людей с одним или двумя еврейскими родителями, которые сами себя евреями не считают. Еще больше так называемая «увеличенная популяция», состоящая из «ядра», «расширения» и тех неевреев, которые принадлежат к семьям двух первых категорий. Из соображений простоты (а возможно — и идеологии) делла Пергола в своей последней работе («Еврейское население мира, 1989») занимается только «ядром».

По его оценкам в диаспоре сегодня насчитывается 8,5 миллиона евреев «ядра». Эта цифра получается в результате суммирования количества евреев во всех тех странах, где, судя по официальным или иным данным, они существуют. А существуют они, по этим данным, чуть не везде. Сообщается о пяти (!) евреях в Китае, ста — в Сингапуре, 4 тысячах в Сирии, 4 тысячах в Польше и 12 тысячах в Испании, откуда уцелевшие от костров инквизиции евреи были изгнаны ровно 500 лет назад. Даже в Саудовской Аравии,

доселе абсолютно «юденрайн», в последнее время появилось несколько десятков американских еврейских солдат, которые недавно помогали спасать эту страну от современного Навуходоносора и еще не успели отбыть к себе на родину. Евреи «ядра» снова появились в Германии, где их насчитывается 40 тысяч. Франция с ее 530 тысячами занимает четвертое место в мире — после Соединенных Штатов, Израиля и СССР.

Все эти данные обладают разной степенью достоверности. В таких странах, как США, они взяты из надежных источников. Но сведения из таких стран, как Венесуэла или Венгрия, являются не более чем «оценками». Данные по Франции и Германии приблизительны. Надежные цифры дают Канада и Австралия. Это, кстати, единственные страны диаспоры, где еврейское население за последние годы выросло — главным образом за счет эмиграции из СССР, Южной Африки и Израиля. Канада вышла сейчас на пятое место в еврейской диаспоре, потеснив Великобританию, где евреи быстро ассимилируются и исчезают за счет низкой рождаемости и смешанных браков.

В своей работе делла Пергола пытается определить, какую долю в этих цифрах составляют евреи «ядра». Поэтому его результаты представляют собой скорее тщательно продуманные оценки, чем непогрешимую истину. Не исключено, что он ошибается, когда суммирует евреев «ядра» в диаспоре и Израиле и получает 12,8 миллиона, но вряд ли это очень серьезная ошибка, потому что все страны диаспоры, кроме Соединенных Штатов и СССР, — это не более чем экзотические, порой грустные, порой не столь грустные, но в общем-то ничтожные добавки. Сегодня на Соединенные Штаты, Израиль и СССР приходится 85% мирового еврейства, а в диаспоре 75% евреев сосредоточены в Соединенных Штатах и СССР.

Разумеется, в СССР может оказаться в действительности больше евреев, чем мы сегодня считаем. Когда все скрытые советские «евреи ядра» решат объявиться, цифра 12,8 миллиона может оказаться заниженной на добрый миллион. Но даже если она составит 13,8 миллиона, это все равно будет означать, что через полвека после Освенцима мировое еврейство все еще не возместило своих потерь. Если принять цифру 12,8 миллиона, то окажется, что в современном мире с его 5 миллиардами жителей на каждые 406 землян приходится 1 еврей. Это самая низкая доля за все то время, что ведутся научно обоснованные демографические подсчеты. Возможно, что это самая низкая доля с тех времен, когда потомки Авраама вышли из Египта.

Независимо от того, насчитывают они 12,8 или 13,8 миллиона, евреи представляют собой сегодня остаток былого величия. Это само по себе еще не новость — на протяжении своей 4000-летней истории их число наверняка не раз уже съеживалось до жалкой доли предыдущего

количества, чтобы потом снова резко возрасти. Что здесь является новостью — это то, что сейчас, если верить делла Перголе и другим демографам, начинает сокращаться «ядро» этого остатка. Отдаленные признаки этого явления были замечены еще в начале века. Многие демографы и социологи пришли на этом основании к сионистским выводам. Но и они не могли предвидеть, что кто-либо, и уж во всяком случае не немцы, задумает уничтожить всех евреев, независимо от того, принадлежат они к «ядру» или нет. Делла Пергола предсказывает, что идущее сейчас сокращение «ядра» в ближайшие десятилетия начнет ускоряться. Предсказание делла Перголы кажется вполне убедительным, если прибавить к его оценкам данные о смешанных браках, уровне рождаемости и возрастной структуре еврейства Израиля и диаспоры, иными словами — если взглянуть на демографическую статистику в пространственно-временном разрезе.

ИЗРАИЛЬ

Демографы измеряют рождаемость, или, как они говорят, «реализованную плодовитость», группы по количеству детей, которое рождает средняя женщина за время ее жизни. Так называемый «уровень замещения» (УЗ), ниже которого всякая группа сокращается уже в пределах одного поколения, тоже выражается количеством детей на одну женщину. УЗ составляет 2,1 для групп с нормальной «возрастной пирамидой», в которой число детей превосходит число молодых, а число молодых превосходит число стариков. Самые оптимистические из существующих данных говорят, что средняя еврейская женщина в диаспоре имеет 1,4 ребенка, что много ниже УЗ. В Израиле, напротив, средняя женщина рожает за жизнь 2,7 ребенка.

Израильское среднее получено из усреднения по нескольким весьма различным группам еврейского населения. 2,7 ребенка — это намного больше того, что рожает средняя секуляризованная женщина европейского (ашкеназийского) происхождения, но меньше, чем рожает женщина афро-азиатского происхождения (сефардка), а также ортодоксальная или ультраортодоксальная еврейка. Для этих трех последних категорий интересующие нас цифры составляют, округленно, 3, 4 и 6 детей соответственно.

Не приходится удивляться тому, что суммарная израильская рождаемость превышает рождаемость в диаспоре. Вплоть до последней алии из СССР сефарды, ортодоксы и ультраортодоксы в совокупности составляли абсолютное большинство еврейского населения страны, чего нет ни в одной стране диаспоры. Мужчины и женщины, всем сердцем воспринявшие библейскую заповедь «плодитесь и размножайтесь», а также (или) евреи, все еще находящиеся под влиянием мусульманской культуры, компенсируют отставание тех, кто, освободившись от ига Закона, ведет себя подобно современным европейцам и американцам. «Они одного с трудом могут сделать», — насмехаются сефарды над своими ашкеназийскими соотечественниками.

Но даже те израильские ашкенази, что не носят ермолку, все еще способны дать фору своим собратьям в диаспоре. Женщины, ведущие родословную из Киева или Варшавы, даже если они преподают в университетах или делают карьеру, рожают за жизнь в среднем 2,3 ребенка. Иными словами, израильская «супервумен», будь она врач, профессиональная феминистка, адвокат или член

кнессета, не остается бездетной или матерью одного-единственного ребенка, как ее сестра в Америке, а рожает двух, порой — трех детей. Где бы она ни жила — в роскошных пригородах северного Тель-Авива, в заброшенном «городе развития», кибуце или тесных улочках иерусалимского религиозного квартала Меа-Шеарим, израильская еврейка, сознательно или бессознательно, ведет себя так, будто все будущее ее крохотной, прекрасной страны и ее маленького, упрямого народа зависит лично от нее.

Но все-таки — только отчасти. Ибо наряду с этими цифрами существуют и другие, показывающие, что на протяжении последних 40 лет рождаемость в Израиле непрерывно снижается. И это создает геополитическую проблему, потому что палестинские арабы плодятся в среднем вдвое-втрое быстрее, чем израильские евреи. Так называемая демографическая бомба замедленного действия тикает сегодня не только на Западном берегу и в секторе Газы, но и внутри границ самого Израиля, где проживает 700 тысяч арабов, являющихся израильскими гражданами. Верно, большинство израильских арабских женщин уже не рожает по восемь—десять детей, и палестинские женщины на Западном берегу тоже осовременились в результате «оккупации». И тем не менее арабская рождаемость на территории между Иорданом и Средиземным морем по-прежнему вдвое превышает еврейскую. Эту бомбу можно изобразить графически, если наложить пирамиду израильского еврейского населения на пирамиду палестинскую. Что с того, что основание первой пирамиды, то есть залог ее будущего, надежно превосходит пирамиду диаспоры, если оно ничтожно в сравнении с основанием палестинской, где дети в возрасте до 15 лет составляют половину населения!

Исмаил еще может взять реванш, и притом прямо в расширившемся шатре своего двоюродного брата, хотя советская алия может несколько отодвинуть исход этого соревнования. Делла Пергола загрузил свой компьютер данными об этой алие и получил, что в силу огромной разницы оснований двух пирамид каждые 100 тысяч советских репатриантов отодвигают дату достижения еврейско-арабского равенства между рекой и морем на один год. Если из СССР прибудет полмиллиона человек, бомба взорвется в 2025 году; если прибудет 1,5 миллиона — в 2030-м. Эти результаты основаны на предположении, что все советские репатрианты останутся в Израиле, Иудея, Самария и Газа будут удерживаться под израильским контролем, палестинцы не начнут эмигрировать сотнями тысяч и разрыв между уровнями рождаемости сохранится на нынешнем уровне.

Все эти предположения и экстраполяции широко обсуждались в израильской печати. Тем не менее, в расхожем мнении израильтян по-прежнему бытует оптимистическое представление, будто советская алия либо полностью решит еврейско-палестинскую демографическую проблему, либо отодвинет ее настолько, что ее можно будет снести в самый конец списка проблем, из-за которых не стоит беспокоиться. Как-нибудь образуется — то ли палестинцы массами побегут из страны, то ли американские евреи массами побегут в нее, то ли осел околеет, то ли царь умрет. А пока нужно вывозить советских евреев.

Они прибывают, порой по 500 человек за ночь, и это само по себе — особая демографическая история. В мире мало таких гуманных или конструктивных законов, как израильский Закон о Возвращении. Согласно этому закону, любой человек, рожденный еврейской матерью или обращенный в иудаизм любым раввином, имеет право на въезд в Израиль и немедленное получение израильского гражданства. Антисемиты в своей ненависти и палестинцы в своем страхе объявляют это расизмом в действии, и некоторые добродетельные западные

либералы, поддавшие под гипноз резолюции, приравнивающей сионизм к расизму, вторят им в этом. И тем не менее, это не так. Свою расу никто изменить не может, а вот стать евреем может всякий — поэтому Закон о Возвращении не является расистским. Можно согласиться — это необычный закон, но ведь и евреи тоже не такой уж обычный народ.

Одной из самых необычных и удивительных особенностей этого закона является то обстоятельство, что допуск в израильский «клуб» не ограничен только детьми еврейских матерей и новообращенными. Всякий, кто женат или замужем за евреем, а также дети и внуки таких людей имеют те же права въезда и гражданства. Критерии Закона о Возвращении являются, таким образом, более чем мягкими — они распространяются на целых три поколения. Иными словами, они включают намного более широкий круг людей, чем категория «увеличенной популяции» в подсчетах делла Перголы.

Благодаря такой либеральности Закона о Возвращении многие из тех, кто при возможности направился бы в более богатую и менее опасную диаспору, где завершил бы свою ассимиляцию и исчез как еврей, сегодня оказываются в Израиле, чтобы снова стать евреем. К этим людям следует добавить их жен и мужей, не имеющих ни капли еврейской крови и не являющихся евреями ни по какой Галахе, — их доля в нынешней советской алие составляет, по разным оценкам, от 5 до 30%. Так или иначе, эти неевреи станут здесь не только израильтянами, но — юридически или фактически — евреями.

Разумеется, ультраортодоксы всем этим очень недовольны. Ступив обеими ногами в израильскую политику и получив в награду за это ряд министерств, они вынуждены теперь собственными руками осуществлять совершенно секулярный закон, который допускает в Израиль галахических евреев, негалахических евреев и вообще неевреев на равных основаниях, разжижая тем самым еврейский бульон и еврейскую душу. Если бы дело сводилось к нескольким отдельным случаям, министерство внутренних дел еще могло бы отказаться регистрировать их как евреев. Но реальная ситуация такова, что сегодня в израильских удостоверениях личности появилась пометка, которая могла появиться только в еврейском государстве: «Министерство внутренних дел не несет никакой ответственности за данные, указанные в этом документе». И таких случаев уже становится десятки тысяч. Чтобы включить их в определение еврея, Галаху придется, несомненно, слегка пересмотреть, если не вообще чуточку проигнорировать. Конечно, будут еще скандалы и судебные процессы, будут торопливые и облегченные обращения в иудаизм, но раввинам придется — хотят они или не хотят — поплыть по течению этого непреодолимого потока, и уже сегодня множество новых израильтян регистрируются как евреи, хотя они никогда раньше не были евреями и нигде в другом месте не могли бы ими стать.

Здесь, в Израиле, это возможно, потому что израильтяне, живущие в еврейском государстве с его еврейским большинством, нашли весьма эффективный, автоматический ответ на угрозу ассимиляции, недоступный их братьям и сестрам в диаспоре. Если ты не христианин, мусульманин, буддист, друз или бахаец, но по каким-то причинам не хочешь числиться евреем, ты можешь упираться до посинения, ты можешь обращаться в секулярный и неподкупный Высший суд справедливости, требуя зарегистрировать тебя «ивритянином», «кнаанитом» или «атеистом» — и ничего тебе не поможет. Тебя зарегистрируют как еврея, учтут в демографической статистике как еврея и призовут в армию как еврея.

Это не просто юридические тонкости. Они отражают и углубляют два очень различных, в сущности — противоположных исторических процесса. Диаспора

— это наждачное колесо, стачивающее углы еврейского камня. В диаспоре эти периферийные части еврейства имеют тенденцию исчезать, по всей видимости — навсегда. В Израиле эта периферия, напротив, возвращается к общей массе. Здесь кроется одна из причин того, почему со времен декларации Бальфура доля Сиона в мировом еврействе непрерывно возрастала — с 0,084 процента в 1917 году до 31 процента сегодня, на 2,5 процента только за прошлый год, а завтра наверняка еще больше. Порой подъем этой кривой становится особенно крут — как сейчас, во время массовой иммиграции, порой он становится более пологим. Но вот уже 70 лет, как эта доля продолжает только расти, и до сих пор ничего не могло не только изменить эту тенденцию, но даже хотя бы отчасти затормозить ее.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Если в Израиле главными демографическими особенностями являются сегодня репатриация и высокий, превосходящий УЗ уровень рождаемости, то в Соединенных Штатах это — смешанные браки и уровень рождаемости ниже УЗ. Смешанные браки существуют и в Израиле, но здесь они, в силу естественного порядка вещей, явление редкое. Если не считать арабов, в стране попросту слишком мало неевреев, с которыми можно было бы вступить в брак, и к тому же нет института гражданского брака. Смешанные браки запрещены Галахой, и нееврею остается либо пройти «гиюр» (обращение), либо отправиться за границу для совершения гражданской церемонии. В результате уровень смешанных браков в стране намного ниже 1 процента — можно сказать, что здесь у этого явления вырвано его демографическое жало.

В диаспоре это сладкое жало может оказаться смертельным. Как писал немецкий социолог и демограф Артур Руппин (ум. в 1943 г.), «как только смешанные браки становятся массовым явлением, они означают конец еврейства». Для Руппина, как и для многих других, смешанные браки были самым главным симптомом и самым эффективным орудием ассимиляции.

Руппин был классическим сионистом, жившим в те времена, когда смешанные браки и антисемитизм были на подъеме. Смешанные браки стали «массовым явлением» в Центральной Европе уже в начале XX века, как мог легко подтвердить любой, кто был знаком с Прагой Кафки, Веной Малера или Берлином Эйнштейна. Руппин, однако, стремился к точности и потому приводил некоторые цифры. В 1932 году в Будапеште на каждые 100 еврейских браков приходилось 18,8 смешанных, в Гамбурге в 1933 году их было 33, а в Триесте с 1927 году, при Муссолини, — целых 56. (Серджио делла Пергола, которому предстояло занять кафедру Руппина в Еврейском университете, родился в Триесте в 1949-м и прибыл в Израиль в 1967-м.)

Триестские цифры казались Руппину прямым указанием на то, что может и что должно произойти с любой еврейской общиной, отошедшей от иудаизма и в течение нескольких поколений тесно соприкасающейся с терпимым и цивилизованным христианским окружением. Триест — это будущее диаспоры, говорил он, не делая исключения даже для Соединенных Штатов, где доля смешанных браков была тогда каких-нибудь жалких 3 процента.

Через 47 лет после смерти Руппина межконтинентальный курьерский поезд смешанных браков, по самым надежным сведениям, прибыл в Триест и, судя по тем же сведениям, отнюдь не собирается сделать там конечную остановку. В 1985—90 годах, согласно цифрам прошлогоднего Общенационального обзора еврейской популяции, более половины всех еврейских браков в Соединенных Штатах были смешанными.

Публикация этих цифр вызвала шок у одних, отчаяние у других и полное равнодушие у третьих. Этот разнобой не случаен. Вот уже 30 лет, как многие американские социологи и общественные лидеры твердят, что смешанные браки, даже в самых массовых масштабах, сами по себе не угрожают будущему американского еврейства. Уже в 1963 году Милтон Гиммельфарб опубликовал статью, в которой писал, что для сохранения численности своей группы евреям нужно всего только обратить своего партнера по смешанному браку в еврейство. Если вы не можете их победить, попытайтесь присоединить их к себе. «Если раввины пойдут в этом вопросе навстречу, — утверждал Гаммельфарб, — то такое обращение может не только скомпенсировать наши потери от смешанных браков, но даже дать некоторый выигрыш».

Эта идея стала программой действий для оптимистов следующего поколения. Некоторые из них были убеждены, что дело действительно идет на лад. Как писал Чарльз Зильберман в своей известной книге «Этот народ» (1985), «смешанные браки вряд ли ведут к заметному уменьшению числа евреев, а возможно, напротив, приводят даже к его увеличению». В своей книге Зильберман опирался на работы таких «оптимистов», как демограф Гольдшайдер и социолог Коэн, которые утверждали, что а) цифры не показывают никакого уменьшения еврейской численности и б) цифры сами по себе вообще ничего не говорят. Им возражал самый пессимистичный из пессимистов Элиягу Бергман, который уже в 1977 году предостерегал, что при нынешнем темпе смешанных браков к трехсотлетию (образования) США (2076 год) в стране останется не более 944 тысяч евреев и «американская еврейская община перестанет существовать как особая группа населения».

Бергман был повсеместно осужден как пессимист и отчаянный демагог. Как утверждали Гольдшайдер и Коэн, положение американских евреев меняется только к лучшему, и доказательства этого видны невооруженным взглядом. Изучение Катастрофы и иудаики предлагается во всех крупнейших университетах. Президенты и сенаторы прислушиваются к мнению евреев во всех вопросах, касающихся Израиля или советского еврейства. Дискриминация ушла в прошлое. А если некоторые евреи и отпадают от еврейства в результате смешанных браков, то они составляют меньшинство, в то время как большинство все еще остается таким большим, что говорить о его ассимиляции и исчезновении просто нелепо. Благословенная Америка еще себя покажет — она еще поможет евреям выжить, несмотря на всю ее доброту.

Одновременно оптимисты слегка подтасовывали цифры. Гольдшайдер, например, писал, что нынешнее поколение молодых еврейских женщин, вступив в возраст материнства, повысит уровень рождаемости до 2,1. Откуда он это взял? Так ему сказали опрошенные им женщины, а известно ведь, что женщина всегда добивается того, чего она хочет!

В течение всех 80-х годов над оптимистами постепенно собирались тучи. Выяснилось, что менее половины детей в смешанных браках получает еврейское воспитание; выяснилось, что бывшие собеседницы Гольдшайдера, вступив в материнский возраст, почему-то не торопятся выполнять данное ему обещание рожать двойни и тройни. Но до поры до времени все это были данные местных

опросов. Тем не менее, даже на основании этих неполных данных делла Пергола и его коллега Уриэль Шмельц уже в 1986 году предсказали, что следующий общенациональный обзор покажет уменьшение числа «евреев ядра» в сравнении с 1970 годом. Не пытаясь заглянуть на 90 лет вперед, они вычислили, что к 2020 году из 5,7 миллиона американских «евреев ядра» (1985) уцелеет в лучшем случае 5,6 миллиона, в худшем — 3,7 миллиона, а скорее всего — 4,7 миллиона. Израильские демографы не сомневались, что американская еврейская община сохранится как целое. Но что это будет за община — при таких темпах уменьшения?!

Результаты проведенного, наконец, в 1990 году общенационального обзора подтвердили опасения пессимистов. Начнем с «евреев ядра». Сюда относятся 4,2 миллиона человек, которые утверждают, что «родились евреями и остаются евреями по религии», 185 тысяч «евреев по выбору» (в основном христиан, прошедших обращение или практикующих иудаизм без обрезания) и 1,1 миллиона «евреев по рождению, но не по религии» (вроде Вуди Аллена и его секулярных поклонников). В целом эти три категории насчитывают 5,5 миллиона человек.

Далее следует та группа, которую делла Пергола называет «расширенной популяцией»: люди, которые говорят, что родились евреями либо один из родителей был евреем, но которые сегодня себя евреями не считают. Эта периферия, которую авторы обзора считают находящейся на пути к быстрой ассимиляции, сильно возросла за последние 20 лет и насчитывает сегодня 1,3 миллиона человек. Сюда входят 210 тысяч евреев, обратившихся в другие религии, 415 тысяч взрослых потомков от смешанных браков, которые практикуют другие религии, и 700 тысяч детей от смешанных браков, которые воспитываются в другой религии. За вычетом «евреев по выбору», «ядро» и «расширение» дают 6,65 миллиона человек, у которых по крайней мере один из родителей — еврей.

Ну, и наконец есть еще неевреи, живущие в еврейских семьях. В 1970 году таких было 430 тысяч. Сегодня их 1,35 миллиона, и если добавить их к двум предыдущим группам, мы получим общую численность людей в американских «еврейских семьях» — 8,2 миллиона человек.

Обратимся теперь к качественным результатам обзора. Прежде всего, очевидно, что еврейское «ядро» действительно сокращается (заметим, что к нему приплюсованы 225 тысяч евреев из Израиля и СССР, недавно переселившиеся в Америку). Его возрастная пирамида тоже выглядит не очень оптимистично: 17 процентов пенсионеров и 19 процентов детей моложе 15 лет (для общеамериканского белого населения их цифры составляют 14 процентов и 21 процент соответственно). При этом деды и бабушки куда чаще определяют себя как евреев «по религии», тогда как их дети и внуки больше тяготеют к определению Вуди Аллена. Доля смешанных браков возрастает и перевалила за 50 процентов, тогда как доля нееврейских партнеров, переходящих в иудаизм, непрерывно падает: 20 процентов в 1965 году и всего 10 процентов в 1990-м. Только 28 процентов детей от смешанных браков воспитываются как евреи; 41 процент — как неевреи и 31 процент вообще не получает никакого религиозного воспитания. А поскольку смешанные семьи представляют собой самый быстрорастущий сегмент американского еврейского населения, то эти цифры показывают, что в следующем поколении американское еврейское «ядро» понесет новые утраты.

Когда плохих новостей так много, остается только смеяться. Однако еврейским социологам, собравшимся на обсуждение результатов обзора в Лос-Анджелесе, было не до смеха. Что делать с этими тенденциями — отсечь

отпавших и сосредоточиться на сохранении оставшихся или попытаться вернуть «заблудшие души»? Судя по общему тону конференции, лидеры общины выберут, скорее всего, компромисс: защищать оставшихся и одновременно пытаться воздействовать на уходящих.

Но на конференции прозвучали и более тревожные нотки. Шмуэль Клаузнер из Пенсильванского университета решительно выступил против распространенного мифа об американском обществе как иудео-христианском. В действительности, сказал он, это чисто христианское общество. Евреи уже слились с его верхним эшелоном, и их выделяет в нем только их религиозно-семейная принадлежность. Смешанные браки разрушают эту последнюю перегородку, и «по мере того, как евреи перестают быть евреями, они становятся де-факто христианами». Этот процесс может быть приостановлен только массовым восстановлением религиозного авторитета или столь же массовым сионистским движением.

Клаузнера никто не поддержал. Некоторые выразили убеждение, что американские евреи сумеют уцелеть как группа даже в открытом, плюралистическом секулярном обществе. Но в глубине души даже эти оптимисты не переставали страшиться последствий сокращения и деморализации основного еврейского «ядра».

Периферия, как выяснили авторы обзора в полном соответствии с ожидаемым, намного меньше привязана к Израилю, реже посещает синагогу, меньше жертвует на благотворительность, не придает такого значения специфически еврейским ценностям и тяготеет к нееврейским друзьям. Но насколько лучше «ядро»? Синагогу посещает меньше половины, жертвуют около одной пятой. Если так пойдет дальше, достанет ли денег не то что на помощь Израилю, но даже на собственные школы и дома призрения? Достанет ли голосов, чтобы влиять на президентов и сенаторов? Достанет ли самих евреев, чтобы организовывать и направлять требуемые для этого усилия?

Пророчества — рискованная штука. Предсказывать, что произойдет с евреями в Соединенных Штатах, тем более рискованно. Быть может, количество смешанных браков начнет падать и установится на каком-то постоянном уровне. Быть может, количество детей от таких браков, получающих серьезное еврейское воспитание, начнет возрастать. Быть может, еврейские женщины диаспоры вдруг решат, что пора взяться за ум и рожать побольше детей. Быть может, ворота Америки раскроются настежь перед советскими евреями. Быть может, какой-нибудь очередной президент сам обратится в иудаизм и увлечет за собой миллионы христиан. Все это вполне возможно — и весьма маловероятно.

Глубинные процессы еврейской истории, формирующие ее сегодняшний облик, делают наиболее вероятным дальнейшее уменьшение численности мирового еврейства и постепенное сосредоточение большинства его уже не в диаспоре, а в Сионе. Когда это наступит, зависит от многих причин и прежде всего — от размеров репатриации советских евреев в Израиль. Но даже если эта репатриация остановится сегодня, Израиль все равно перегонит Соединенные Штаты и остальную диаспору уже во второй половине следующего века — по той же причине, по которой палестинцы угрожают перегнать израильских евреев: более высокой рождаемости и более благоприятной для будущего пирамиды населения.

Руппин и делла Пергола оказались правы. Но это вряд ли можно считать утешительной правотой. Только самые примитивные сионисты, безрассудно отрицавшие диаспору, мечтали о том, чтобы она умерла сама собой. Более

разумные сионисты всегда взвешивали, что лучше для их народа. В свете уроков еврейской истории сомнительно, чтобы для него лучше всего было сложить все яйца в одну корзину и навсегда лишиться диаспоры или, того хуже, иметь крохотную диаспору, состоящую из одних ортодоксальных евреев. Диаспора и Сион нуждаются друг в друге, поскольку оба они стоят перед лицом угрозы их существованию. Разница лишь в том, что диаспоре угрожает терпимость, а Израилю — нетерпимость соседей, и первая угроза, как ни странно, оказалась страшнее.

Еврейство Соединенных Штатов напоминает сегодня кусок сахара, погруженный в континентальных размеров сосуд с теплой водой. Если температура воды не изменится, сахар в конечном счете неминуемо растает. Но сохранится ли эта температура? Классический сионизм утверждает, что ни в коем случае — рано или поздно наступит антисемитская реакция. Этот поворот, подстегнутый ухудшением экономического состояния или проигранной войной, остановит процесс ассимиляции и вернет ассимилированных и полуассимилированных евреев вспять к «ядру», если не вообще к Сиону. Классический сионизм не делает в этом смысле исключения и для Соединенных Штатов. Но даже самый прокахановский американский еврей в глубине души продолжает считать, что Соединенные Штаты все же окажутся исключением и вода там никогда не станет холодной.

К 2021 году диаспора, по всей видимости, уменьшится еще на миллион тел и душ. Вокруг этого уменьшившегося ядра, точно круги от брошенного в воду камня, будут существовать миллионы американцев, отцы или деды которых были евреями. Независимо от того, будут они лелеять или забывать воспоминания детства, их еврейские ощущения с каждым очередным мирным годом будут неотвратимо выветриваться. Это ядро уменьшающейся в численности, все более ортодоксальной диаспоры и окружающая его периферия будут сосредоточены главным образом в Соединенных Штатах.

Среди этих евреев будет и Сатчел, малолетний сын Вуди Аллена и Мэй Фарроу. Пойдет ли он на бар-мицву в судьбоносном 2000-м году? Впрочем, для израильского чиновника, регистрирующего репатриантов, это не будет иметь особого значения. Как не будет для него иметь особого значения, что мать Сатчела — нееврейка. Даже сыновья и дочери Сатчела могут рассчитывать на благожелательный прием, если случится маловероятное и им все же придется переменить свой адрес.

Такова диалектика еврейской истории. В ней возможно всякое. То, что произошло в Советском Союзе, ныне повторяется еще в большем масштабе в Соединенных Штатах. Образуется многомиллионный резервуар потенциальных евреев, и это происходит в тот самый момент, когда множество истинных евреев уходит от еврейства. В Израиле они могут снова стать евреями. Но не исключено, конечно, что время высушит этот океан бывших евреев, как оно высушило некогда океан испанских марранов. Что ж — числа сами по себе действительно ничего не значат. Почему бы еврейскому народу, пусть и уменьшившемуся и заново перераспределенному между Сионом и диаспорой, не оказаться в результате еще более сильным, здоровым, способным и целеустремленным именно сейчас, на пороге своего второго 4000-летия?

«22» (Тель-Авив), N 79, 1991

Владимир МИКУШЕВИЧ

(Нелли Закс и Адольф Гитлер)

Гетто избранничеств! Вал и ров
Пощады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

Марина Цветаева

Вряд ли кто-нибудь отважится утверждать, что Нелли Закс родилась для судьбы, выпавшей на ее долю. Даже Нобелевская премия, которой была удостоена поэтесса в 1966 г., лишь подчеркнула насильственный трагизм ее жизненного опыта. Говорят, будто Осип Мандельштам во врангелевской тюрьме сказал надзирателю: «Вы должны меня выпустить — я не создан для тюрьмы». И, действительно, Осип Мандельштам, утонченный поэт Петербурга, не был создан для ночных допросов на Лубянке, для воронежской ссылки и для смерти в лагерном бараке. Нелли Закс — его ровесница, она тоже рождена «в девяносто одном ненадежном году», и это совпадение таинственно-фатально-символично. Нелли Закс, хрупкая берлинская барышня, приверженная музыке, танцу, неоромантической поэзии, так мало вяжется с гурьбой и гуртом двадцатого века. Кто бы мог подумать, что ей предстоит написать:

И с твоих ног, любимый мой,
две руки, рожденные давать,
башмаки сорвали
перед тем, как тебя убить.*

* *Все переводы стихов Нелли Закс принадлежат автору статьи.*

А без этих строк Нелли Закс не была бы той Нелли Закс, которая достигла всемирной известности и получила Нобелевскую премию. Правда, уже ее ранние произведения привлекли внимание Сельмы Лагерлеф, что в 1940 году спасло жизнь немецкой поэтессе. Когда в Германии подготавливалось окончательное решение еврейского вопроса, Сельма Лагерлеф при содействии шведского принца Евгения добилась для Нелли Закс возможности покинуть гитлеровскую Германию. (Участие шведов в спасении Нелли Закс не может не вызвать в нашей памяти героическую тень Рауля Валленберга.) Нелли Закс впоследствии рассказывала, что офицер немецкой полиции, оформлявший документы на выезд для нее и для ее матери, посоветовал непременно лететь самолетом. С поезда беглянку могли снять и отправить в концентрационный лагерь. Этот совет, возможно, тоже спас ей жизнь. Свет не без добрых людей. Попадаются они и среди убийц. Сохранились предсмертные письма молодых немецких солдат, отказавшихся записаться в СС и расстрелянных за это.

Если бы Осип Мандельштам не написал ничего, кроме «Камня», он остался бы в истории русской поэзии как незаурядный поэт. Ранние произведения Нелли Закс подарили ей сочувственное внимание Сельмы Лагерлеф. Но без «воронежских тетрадей», без «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштам не был бы Мандельштамом, как Нелли Закс не была бы Нелли Закс без своих поздних стихотворений. Романтический миф прошлого века усматривал славу поэта в его разрыве с толпой. В двадцатом веке слава поэта — катастрофа с гурьбой и гуртом. Интересно, что массовое мученичество отнюдь не приноравливает поэзию к массовым вкусам. Вопреки распространенной литературоведческой схеме Осип Мандельштам и Нелли Закс шли вовсе не от сложности к простоте, а в противоположном направлении. Вместе с Анной Ахматовой они доказали: бесхитростное отчаянье в поэзии уводит в неизведанное, так как привыкнуть к нему нельзя, а простота, в конце концов, — та или иная степень привычного.

Любимый герой Фейхтвангера Жак Тюверлен посылает самому себе открытку, где говорится: «Не забывайте: вы здесь только для того, чтобы выражать себя». Подобный взгляд был широко распространен в первой половине двадцатого века. Философ Мартин Хайдеггер подверг этот взгляд иронической критике: «Когда Шпенглер утверждает, что в поэзии выражается душа той или иной культуры, то это относится также к изготовлению велосипедов и автомобилей. Это относится ко всему, то есть ни к чему» (Martin Heidegger. Holderlins Hymnen «Germanien» und «Der Rhein». Frankfurt am Main, 1980, p.27). При этом, когда Хайдеггер провозглашает поэта учредителем или основоположником бытия, он сам уходит от животрепещущего в метафизическую идиллию. Жан-Поль Сартр полагал, будто в девятнадцатом веке поэзия перешла от белой магии к черной. Он чутко улавливал симптомы совершившегося, хотя не совсем верно его истолковывал. До девятнадцатого века поэзия была преимущественно жизнеутверждением. Жизнь продолжалась в стихотворении Гёте. Отсюда фаустовское: «Мгновенье, продлись, ты так прекрасно!» Так или иначе поэзия возникла благодаря действительности. Несколько десятилетий спустя поэзия начала противостоять действительности, осуществляясь вопреки ей.

Первым знаменьем такого противостояния оказались бодлеровские «Цветы зла», недаром осужденные респектабельным французским судом. Проклятые

поэты не скрывали страшных предчувствий и потому были отвергнуты обществом, свято верившим в прогресс. В двадцатом веке прогресс обернулся мировыми войнами и массовым истреблением людей. Преступно говорить «продлись» мгновенью, в которое убивают невинных и беззащитных. За фаустовским обольщением обнаружилась человеконенавистническая ловушка дьявола.

Вчитавшись в стихи и драмы Нелли Закс, написанные после 1940 г., самовыражением их не сочтешь. Читателя не покидает чувство, что все это продиктовано извне, как бы навязано поэтессе вместе с ее поздней славой, даже вместе с Нобелевской премией. По всей вероятности, присуждение Нобелевской премии было для Нелли Закс не столько торжеством, сколько подтверждением ее трагического опыта и незаживающих душевных ран. Позволительно предположить: Нелли Закс предпочла бы, чтобы поздние ее книги, принесшие ей мировую известность, не были написаны, предпочла бы остаться при наивной гармонии ранних произведений в кругу своих близких, чью гибель засвидетельствовали поздние книги. В то же время, насколько нам известно, Нелли Закс решительно отказывалась от переиздания своих ранних произведений. По-видимому, она перестала ощущать их как свои. В поздней поэзии Нелли Закс обреченность совпадает с подлинностью. Едва ли зная Блока, завершившего в 1914 г. накануне первой мировой войны свой «Голос из хора», Нелли Закс пишет «Хор спасенных», «Хор нерожденных», «Хор теней». Ее хоры прямо подтверждают блоковское пророчество: «О если б знали, дети, вы холод и мрак грядущих дней!» Хор напоминает древнегреческую трагедию, в которой хором засвидетельствовано отношение человека и судьбы. В дневнегреческой трагедии такое отношение приводило в конце концов к благодарному приятию судьбы, что вызывало жизнеутверждающий катарсис. Для Нелли Закс подобное приятие невозможно и преступно, так как самая формула его, по Ницше, amor fati, принята на вооружение и фальсифицирована гонителями. В хорах Нелли Закс катарсис достигается лишь сплочением жертв, так что одинокий голос поэта перестает быть индивидуальным голосом, превращаясь в голос каждой жертвы.

Таким образом, от судьбы нельзя уйти и нельзя принять ее. Вот формула трагического у Нелли Закс. Решающим аспектом этого трагизма становится ее еврейство, застигающее поэтессу врасплох, тоже как бы навязанное извне и одновременно неотъемлемое. В отличие, скажем, от Исаака Башевис-Зингера, выросшего в атмосфере еврейской книжности, поверий и сказаний, Нелли Закс, в сущности, не знала другой культуры, кроме немецкой. Разумеется, Нелли Закс не отвергла немецкую культуру и не отреклась от нее. И последние стихи поэтессы перекликаются скорее с Гёльдерлином и Новалисом, чем с Бяликом. Еврейская традиция буквально обрушилась на нее вместе с новым сверхличным призванием, неизведенным и неожиданным для нее. Призвание было продолжением наследия, грозящего гибелью. И в ответ на беспомощный вопрос «почему?» произошел синтез: и в немецком, и в еврейском выявилось исконно библейское.

«Если бы пророки вломились в двери ночи», — такова центральная проблематичная ситуация в поэзии Нелли Закс. Эту поэзию можно охарактеризовать как вторжение пророков. Трагический герой Нелли Закс — одновременно жертва и пророк, но пророк у нее не есть исключительная личность. Каждый беженец — пророк, а человек на земле и, более того, в космосе — беженец.

Так трансформируется в поэзии Нелли Закс изгнание из рая. Рай — это родина, а родина — это рай. На изгнание обречены не только отдельные люди, но и целые страны:

Готовы все страны
встать с карты мира,
сбросить свою звездную кожу,
синюю вязанку своих морей
взвалить на спину,
горы с огненными корнями
шапками надеть на дымящиеся волосы.
Готовы последнее бремя тоски
нести в чемодане, эту куколку мотылька,
на крыльях которого однажды
кончат они свое путешествие.

Этот пафос всемирного беженства придает поэзии Нелли Закс жуткую актуальность в наше время. Беженство беспредельно и заразительно, потому что предостережение беженца никогда не бывает услышано. Пророки вламываются, чтобы искать внимающее ухо, как ищут родину, но ухо людское предусмотрительно и злонамеренно заросло крапивой. Зловещую двусмысленность в этой связи приобретает фигура коренного жителя:

Сколько коренных жителей
играет в карты на воздухе,
когда беглец проходит сквозь тайну.

Коренные жители легко превращаются в созерцающих, «у кого на глазах убивали»:

Вы, созерцающие,
вы не подняли убийственную руку,
но праха с вашей тоски
не стряхнуть вам,
вы, стоящие там, где прах в свет
превращается.

Прах превращается в свет — вездесущая алхимическая трансмутация у Нелли Закс — а при сем присутствующие созерцатели остаются прахом. Такова «древняя игра палача с жертвой, гонителя с гонимым». Нелли Закс пишет, предостерегая, «чтобы гонимые не стали гонителями».

Гротескная взаимность гонителя с гонимым не ускользнула от внимания Нелли Закс. Она пристально исследовала черную тень, упавшую на ее жизнь. Сталин все-таки присматривался к Мандельштаму. Гитлер даже не сознавал таинственных уз, которые связали его со среднестатистической единицей по имени Нелли Закс, обреченной на переселение (так на жаргоне нацистов

называлась ликвидация). Между тем Нелли Закс обрисовала Гитлера по-своему не менее точно, чем Осип Мандельштам обрисовал «душегубца и мужикоборца» в известном стихотворении. Впрочем, оба стихотворения самой своей точностью подчеркивают различие между Сталиным и Гитлером, и оно оказывается различием не только по отношению к поэту, но и по отношению Сталина и Гитлера к самим себе. Кремлевский горец страшен у Мандельштама потому, что он вне человечества и человечности. Действительно, Сталин оставался внешним и для тех, кто славил, и для тех, кто проклинал его. Внутренний Сталин немыслим и невозможен. Сталин был внешним прежде всего для Джугашвили. Напротив, Гитлер был внутренним для Шикльгрубера и тем более для своих последователей. Поэтому в стихотворении Нелли Закс его накликают тайные желания крови. Гитлер овладевает человеком извне, потому что вырывается изнутри, воплощая запретные постыдные чаянья, как это описано у Фрейда и Юнга. Известный психолог Эрих Фромм выпустил в 1973 г. обширный труд под названием «Анатомия деструктивности», поставив Гитлеру диагноз: скрытая, но воинствующая некрофилия. «Человек, снедаемый сильнейшей, всепоглощающей страстью к разрушению», — так характеризует Гитлера Эрих Фромм. Нелли Закс уже в сороковые годы писала, что жуткого кукольника вызвало к жизни «тысячекратно умерщвленное царство земное», и знак вопроса в конце строфы лишь усугублял точность в прозрении.

Осязаемые, хотя и противоестественные узы между Нелли Закс и Гитлером завязывает само слово «кукольник» (по-немецки der Marionettenspieler). В Берлинском театре марионеток игрались ранние пьесы Нелли Закс. Марионетки действуют и в поздних ее драмах. Марионетка — магический танцовщик, склоняющий Давида Сильфано к мистическому самоубийству: Давид пляшет, пока в конце концов не вырывает у себя сердце. Но ведь самоубийством покончил и сам жуткий кукольник Адольф Гитлер. Самоубийством покончил в 1811 г. и Генрих фон Клейст, великий немецкий поэт, автор глубокомысленного сочинения «О театре марионеток». Клейст превозносит сверхчеловеческую грацию марионетки. Марионетка грациознее человека, потому что она не мыслит и у нее центр тяжести везде. Подобной марионеточной грацией отличаются убийцы на репетиции в стихотворении Нелли Закс:

Руки вверх, руки вниз,
ноги вверх, ноги вниз,
и закатное солнце народа синайского
красным ковриком под подошвами.

Репетиция убийц напоминает одновременно марш и танец. Нелли Закас вслед за Клейстом видит в марионетке прежде всего ее способность танцевать. В романе Евгения Замятина «Мы» герой спрашивает: «Почему танец — красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит одно: инстинкт несвободы органически присущ человеку...»

Вот почему фюрер — кукольник. Он порожден инстинктом несвободы и обладает способностью возбуждать этот инстинкт. Известно, что Гитлер имел успех не только у масс, но и у женщин. Эрих Фромм пишет: «Примечательно, что многие женщины, испытавшие близость с Гитлером, покончили или пытались покончить жизнь самоубийством...» Складывается впечатление, будто Гитлер завораживал и заражал женщин своей готовностью к самоубийству. Самоубийством он грозил уже во время мюнхенского путча и после него. Идея самоубийства так или иначе присутствует во всех его замыслах и действиях. В конце концов, Гитлер осуществляет самоубийство, обставив его как праздник бракосочетания. Вместе с ним покончила жизнь самоубийством новобрачная Ева Браун, дважды до этого покушавшаяся на самоубийство из-за него.

В личности Гитлера преобладает страсть отождествлять себя с великими людьми, имитировать не только их действия, но и сами ситуации их жизни, питая особый вкус к трагическому. Отсюда актерство Гитлера, не прорвавшегося на сцену и потому как бы вынужденного играть роль в истории. Фейхтвангер называет Гитлера обезьяной Наполеона, Ницше и Вагнера. За этими именами угадывается, по меньшей мере, еще одно: Генрих фон Клейст. Для Клейста взаимная любовь означала готовность вместе умереть, и всем тем, с кем Клейст сближался, женщинам и мужчинам, он предлагал совместное самоубийство, пока не осуществил своего замысла с женщиной, безнадежно больной раком. В последние часы своей жизни Гитлер определенно играл роль Клейста с той только разницей, что Ева Браун была молода и здорова. Но тем привлекательнее была для него ее добровольная смерть вместе с ним: Ева Браун олицетворяла для него Германию и, может быть, человечество, чему содействовало само имя «Ева», имя праматери.

Мы уже привыкли идеализировать общечеловеческое, полагая в духе либерально-просветительной традиции, будто культура всегда однозначно против варварства, а варварство не нуждается в культуре. Между тем варварство заимствует у культуры символы, а культура перенимает у варварства стереотипы. Как раз в эпоху, когда гитлеризм начинал задавать в истории тон, Томас Манн писал, правда, по другому поводу, но в той же связи: «...налицо явление, которое можно назвать подражанием или преемственностью, налицо мировосприятие, видящее задачу индивидуума в том, чтобы наполнять современностью, заново претворять в плоть готовые формы, мифическую схему, созданную отцами». Самоубийство вместе с возлюбленной было кульминацией в личной драме великого поэта Клейста. Гитлер, неудавшийся актер и художник, превратил трагическое событие в мифическую схему, в шаблон, в общедоступный стереотип. Нет сомнения, подспудная установка на самоубийство всегда определяла не только поведение Гитлера, но и его стратегию. В мировом масштабе разыгрывал фюрер нордический миф о гибели богов. Еве Браун в этом мифе отводилась роль Брунгильды, кончающей с собой, чтобы сгореть на погребальном костре вместе со своим возлюбленным. Возможно, и Клейст поддался обаянию древнего мифа. Не забудем, что страстный апологет любовного самоубийства — в то же время визионер и певец марионетки.

Вот почему для Нелли Закс Гитлер — жуткий кукольник. У Блока в поэме «Возмездие» упоминается «тот, кто двигал, управляя, марионетками всех стран». Фюрер претендовал на эту роль и до известной степени, действительно, играл

ее. Но тот же Клейст намекал: управлять марионетками по-настоящему может только марионетка. Актерство Гитлера постепенно переходило в марионеточность. В последние дни его жизни, по свидетельству очевидцев, в его движениях замечался странный автоматизм. Он и самоубийством покончил как бы автоматически, как марионетка.

Нелли Закс уловила и запечатлела в своей поэзии, особенно в своих мистериях, этот комплекс марионетки: инстинкт несвободы, ведущий через танец и марш к самоубийству. Самоубийство и убийство взаимодействуют в марионеточном инстинкте несвободы. Эрих Фромм писал: «Поражение и смерть Гитлера должны были сопровождаться смертью всех, кто его окружал, смертью всех немцев, а если бы это было в его власти, то и разрушением всего мира. Фоном для его гибели могло быть только всеобщее разрушение». Марионетка несовместима с живой природой. Она стремится уничтожить всех, кто не марионетка, а когда не останется никого, кроме марионеток, марионетки потеряют смысл своего существования и уничтожат самих себя, так что исчезает разница между убийством и самоубийством. Вот куда ведут человека различные варианты детерминизма, будь то детерминизм истории, детерминизм природы или детерминизм расы и наследственности.

Вот что вторглось в жизнь поэтессы, отсекая безжалостным ножом прощания идиллическое прошлое от холодного, беспощадного настоящего, так что весь дальнейший свой путь Нелли Закс назвала бегством и преображением. Заработала мифическая схема, начал функционировать стереотип, восходящий ко временам фараонов, к царству Артаксеркса, где Аман приговорил к поголовному уничтожению народ Эсфири. Уничтожение людей нужно с кого-то начать, но когда оно началось, оно продолжается автоматически, и его очень трудно, практически невозможно остановить. Нелли Закс оказалась среди тех, с кого начинают, но она свидетельствовала и предсказывала: массовое истребление никогда не ограничивается евреями, оно распространяется на все человечество, на все живое. Закатное солнце народа Синайского красным ковриком под подошвами у дверей ночи, за которыми ночь рода людского. И поэтесса отваживается задать пророчески простой, обезоруживающий вопрос, на который пока еще никто не ответил: «Почему черный ответ ненависти на бытие твое, Израиль?»

Вслед за Гёльдерлином Нелли Закс видела призвание поэта в том, чтобы называть вещи своими именами. Это бесхитростное искусство продолжает вовлекать поэта в двусмысленные угрожающие ситуации и после того, как жуткий кукольник сошел со сцены. «И тело Израиля дымом сквозь воздух», — писала Нелли Закс в одном из пронзительнейших своих стихотворений. В 1946 году прогрессивное, антифашистское Берлинское издательство «Aufbauverlag» соглашается выпустить в свет книгу Нелли Закс, но лишь при условии, что она откажется от названия «И тело твое дымом сквозь воздух». Помню, как вполне интеллигентный, благожелательный, благонамеренный редактор убеждал меня в конце либеральных шестидесятых годов, что «тело Израиля» — перевод слишком буквальный, ведь речь идет вообще о жертвах нацизма. Книга Нелли Закс, переведенная мною двадцать пять лет назад, до сих пор не издана в России, хотя отдельные мои переводы печатались в антологиях немецкой поэзии. Но даже периодика оказывает настораживающее противодействие публикации ее

стихов. Не помогают никакие новообретенные свободы, что само по себе служит предостережением.

И поэт, и читатель поэзии более или менее отчетливо сознают: поэзия существует не благодаря, а вопреки современной действительности. Но не вопреки ли современной действительности существует сама жизнь и природа, которую продолжают отравлять и разрушать, так что в обвинительный акт превращается любое стихотворение, по старинке воспевающее пейзаж? Не секрет: в современном мире при всех его претензиях на либеральную терпимость происходит отторжение поэта от социальных структур. Поэта или игнорируют или с почетом изолируют в гетто университетских библиотек и нобелевских лекций. Узницей подобного гетто Нелли Закс продолжала оставаться до своей смерти, последовавшей в 1970 г. Вся поздняя поэзия Нелли Закс органически отвергает марионеточные стереотипы, которые навязывает постиндустриальное общество. Нелли Закс решительно не приемлет заученного, автоматического, инерционного, всего того, в чем чудится ей знакомая угроза жуткого кукольника, признававшего, как известно, только академическое искусство, сжигавшего книги и картины перед тем, как сжигать людей. Может быть, поэтому Нелли Закс навсегда предпочла свободный стих виртуозным ухищрениям академической поэзии, в которой, что ни говори, чувствуется заученная декларация танцующих и марширующих марионеток, но настоятельнее всего Нелли Закс предостерегала от обиняков, недомолвок, от пропагандистского шаблона, извращающего значение слов:

Народы Земли,
не разрушайте Вселенную слов,
не рассекайте ножами ненависти
звук, рожденный вместе с дыханием.

В нашем присутствии, во всеуслышанье совершается фальсификация слов «родина» и «народ», а ведь Гитлер начал именно с такой фальсификации. Впрочем, уже Блок знал, что «марионетками всех стран» можно двигать, «насылая гуманистический туман». Человек поднимает руку на стереотип, а убивает человека, не подозревая, что приступил к самоубийству, ибо таков конец марионетки. Лермонтов любил отчизну странною любовью, «с отрадой, многим незнакомой», а стереотип общедоступен и губителен для всех. И у Нелли Закс был свой поэтический символ веры:

Преображение мира —
Вот моя родина.

1992

ГРАФИКА СЕРДЦА

Мне нечего добавить к моим работам. Но я хочу, чтобы те, кто их сейчас видит, открыли сердце словам Свами Вивекананды.

Рам ГАСПАРЯН

* * *

Взгляните на самих себя — с амебы до человеческого существа; кто сотворил все это? Ваша собственная воля. Можете ли вы отрицать, что это всемогущество? То, что возвело вас столь высоко, может возвести вас еще выше. То, чего желаете вы, есть характер, усилие воли.

* * *

Вера, вера, вера в самих себя, вера в Бога — вот тайна величия. Если вы верите в триста тридцать миллионов ваших мифологических богов и во всех богов, введенных в вашу среду иноземцами, и не имеете веры в себя, нет вам никакого спасения. Верьте в самих себя, отстаивайте эту веру и будьте тверды.

* * *

Если существует слово, обнаруженное вами в Упанишадах, как бомба, как снаряд взрывающийся над невежественной толпой, это слово — б е с с т р а ш и е. И единственная религия, которая должна быть учащей — это религия бесстрашия. В этом ли мире, или в мире религии, справедливо, что страх есть причина деградации и греха. Именно страх приносит несчастье, страх приносит смерть, страх приносит зло.

* * *

Я не верю в религию и в Бога, который не может вытереть вдовьи слезы или поднести кусок хлеба ко рту сироты. Религии мира сделались безжизненными пародиями. Мир желает личности. Мир нуждается в тех, чья жизнь есть одна пылающая любовь, самоотверженность. Такая любовь сделает каждое сказанное слово подобным удару молнии.

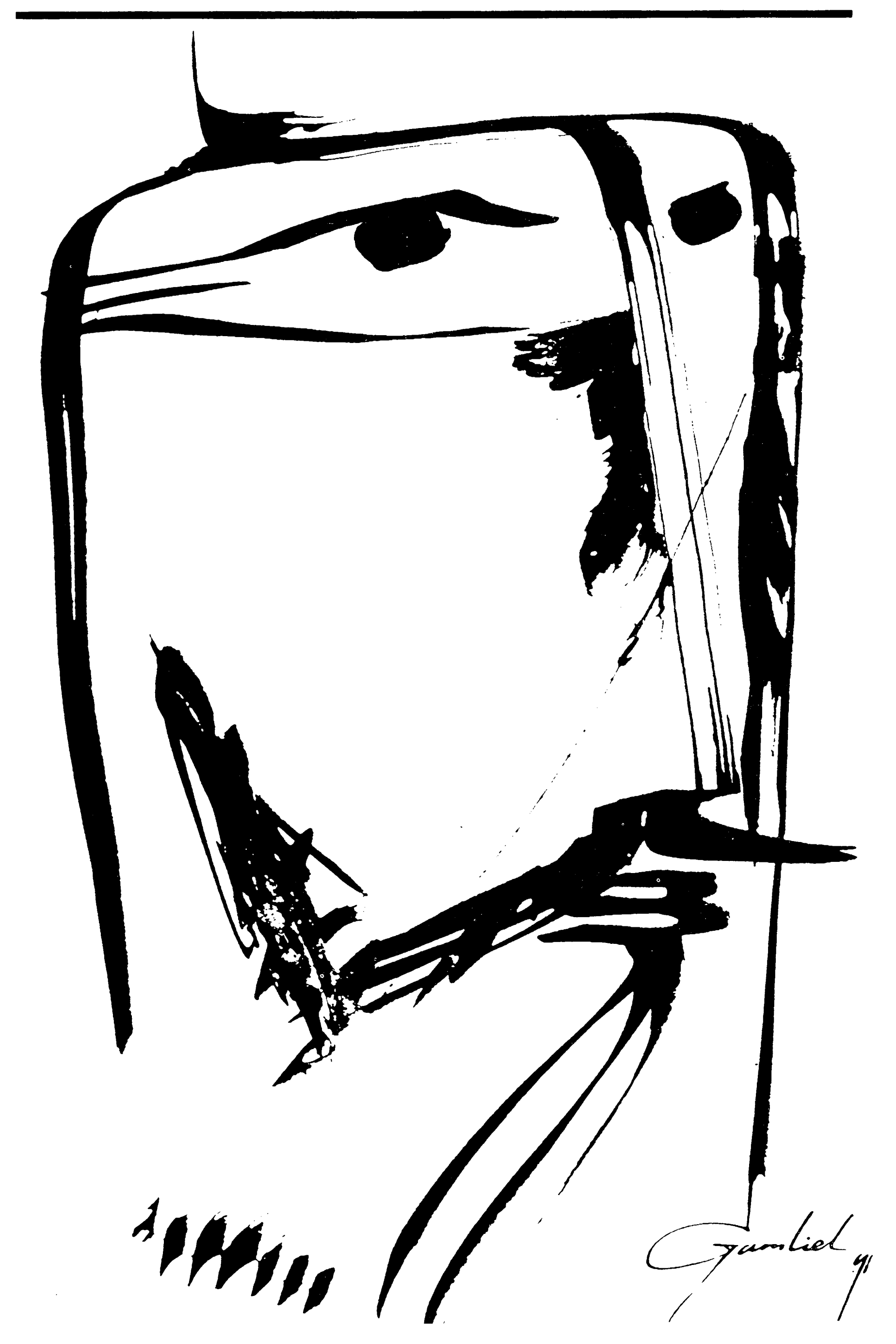
* * *

Путь к добру — наиболее тяжкий и наиболее крутой в мире. Чудо не в том, что столь многие падают, а в том, что так много людей избрали этот путь.

Перевел с английского Р.Г.

Gamliel 91

Нелли ЗАКС

О ПЕЧНЫЕ ТРУБЫ

Над жилищами смерти, хитроумно изобретенными!
Когда тело Израиля шло дымом
Сквозь воздух,
Вместо трубочиста звезда приняла его
И почернела.
Или это был солнечный луч?

О печные трубы!
Пути на свободу для праха Иова и Иеремии —
Кто изобрел вас, кто сложил за камнем камень
Путь беглецов из дыма?

О жилища смерти!
Радушно воздвигнутые
Для хозяина дома, который прежде был гостем!
О пальцы,
Входной порог положившие,
Как нож между жизнью и смертью!
О печные трубы!
О пальцы!
И тело Израиля дымом сквозь воздух!

ЕСЛИ БЫ ПРОРОКИ ВЛОМИЛИСЬ

Если бы пророки вломились
в двери ночи,
зодиак богов-демонов
жутким венком
надев на голову,
тайны рушащихся и вздымающихся
небес на плечах взвешивая, —

ради тех, кто давно загнан ужасом, —

Если бы пророки вломились
в двери ночи,
звездные пути затеплив
золотыми линиями на своих ладонях, —

ради тех, кто давно спит сном непробудным;

Если бы пророки вломились

в двери ночи,
изранив словами
поля буден,
даль доставляя

поденщику,

который давно уже никого не ждет вечером, —

Если бы пророки вломились
в двери ночи
и ухо искали бы, как ищут родину, —
ухо людское,
ты, заросшее крапивой,
стало бы ты слушать?

Если бы голос пророков
во флейтах-костях убитых детей
зазвучал бы,
воздух, сожженный воплями мучеников,
выдохнул бы,
если бы мост из последних старческих вздохов
он воздвиг, —
ухо людское,
жалкой возней занятое,
стало бы ты слушать?

Если бы пророки
бурями — крыльями вечности нагрянули,
если бы они взломали твой слух словами:
кто из вас хочет воевать против тайны?
Кто из вас хочет измыслить звездную смерть?

Если бы пророки восстали
в ночи рода людского,
как влюбленные в поисках возлюбленного сердца,
ночь рода людского,
найдется ли у тебя сердце для них?

СКОЛЬКО КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Сколько коренных жителей
играет в карты на воздухе
когда беглец проходит сквозь тайну.

Сколько спящей музыки
в роще веток

где одинокий ветер
строит из себя повивальщика.

Открытый молнией
сеет
буквенный лес корней-прыгунов
в глотательное зачатие
Бога первое слово.

Судьба подергивается
в политых кровью меридианах руки.

Все бесконечно
все на лучах дали
подвешено —

ХОР ТЕНЕЙ

Мы тени, о мы тени!
Тени палачей,
пригвожденные к праху ваших преступлений —
тени жертв,
рисуя драму вашей крови на стене.
О мы беспомощные траурные бабочки,
пойманные на звезде, которая горит себе дальше,
пока мы обречены плясать в преисподних.
Наши кукольники знают лишь смерть.

Золотая мамка, ты, вскормившая нас
для такого отчаяния, отверни, о солнце, лицо свое,
чтобы и нам поникнуть,
или пусть нас отбрасывает веселый палец,
поднятый ребенком,
и легкое счастье стрекозы
над водой.

Почему черный ответ ненависти
на бытие твое, Израиль?

Ты чужой,
дальше твоя звезда,
чем другие.
Продан ты этой земле,
чтобы одиночество не прекратилось.

Истоки твои поросли бурьяном, —

меняешь ты свои звезды
на все, что есть у червей и у моли,
и все-таки от бредового песка с побережий времен
лунной водою влекутся они вдаль.

В хоре других
ты пел
тоном выше
или тоном ниже —

бросился ты в кровь заката
как одна боль другую ищет.
Длинна твоя тень,
и поздний твой час пробил,
Израиль!

Долог твой путь от благословения
вдоль эпохи слез
до перепутия,
где ты рассыпался пеплом,
твой враг дымом
твоего сожженного тела
твое смертельное одиночество
написал на лбу неба!

О какая смерть!
Когда все ангелы-хранители
с крыльями кровавыми
изодранными на колючей проволоке
времени висят!

Почему черный ответ ненависти
на бытие твое,
Израиль?

Давид
избранный
во грехе еще
приливом заплясав
согнутый
тайными лунными фазами
перед кивотом завета
корень вырванный из почвы
пеной морской тоска по родине.

Но
в огненном горшке земли
со зверьем и растениями

чресла вверх
оставались еще пророки
но вглядывались уже
сквозь камень
в Бога.

Огонь
Земля
Вода
пошли на убыль
во Христе
создавшем из воздуха
еще один крик
и
свет
в загадочно черной листве
самого одинокого часа
глазом стал
и глядел.

Между
бровями твоими
твое родословие
шифром
из песчаного забвения.

Герб моря
тобой изогнут
вывихнутый
в тисках тоски.

Сеешь ты себя всеми зернами секунд
в неслыханное.

Твои незримые вёсны
воскресают
омытые слезами.

Об тебя небо
разбивается...

Милостью взыскана ты.

Помесь
этой матери
и этого отца

под веком смежённым
звезды.

Где бы ты был
где бы я была
где бы наша любовь теплилась
когда бы по-другому сопряженное
объятие хвостов кометных
небесное захоронение
в солнечной тьме
перестрадало миг
или
месяц своей волшебной белой ладонью
пульсирующие морские жилы
оттянул назад
отливом или смертью —

Заключенный однажды
в первородную посудину обетований
со времен Адама
спит вопрос покрытый
нашей кровью.

ХОР МЕРТВЫХ

Мы, черным солнцем страха
изрешеченные, —
омыты мы потом нашей смертной минуты.
Увяли у нас на теле нанесенные нам смерти
как полевые цветы вянут на песчаном холме.
О вы, приветствующие прах, как друга,
вы, песок, говорящий песку:
я люблю тебя.

Мы говорим вам:
разорваны мантии, облекавшие тайны праха,
воздух, где нас удушили,
огонь, которым сожгли нас,
земля, куда бросили наши останки.
Вода, где перлы нашего пота,
вскрылась вместе с нами и начинает сверкать.
Мы, мертвые Израиля, говорим вам:
еще на одну звезду мы углубились
в нашего сокровенного Бога.

Перевел с немецкого
Владимир МИКУШЕВИЧ

Райнер Мария РИЛЬКЕ

ОРФЕЙ. ЭВРИДИКА. ГЕРМЕС.

В том странном руднике копились души.
Прожилками серебряной руды
Они брели сквозь тьму. Между корнями
текла навстречу людям кровь, и в мраке
тяжелой, как порфир, она казалась.
И лишь она была красна.

Там были скалы
и призраки лесов. Мосты над бездной
и тот слепой огромный серый пруд,
что над своим далеким дном висел,
как небо дождевое над ландшафтом.
А меж лугов бледнела терпеливо
полоска проступающей тропинки,
бесцветно уползающая вдаль.

И этою тропинкой шли они.

Безмолвный стройный муж в накидке синей
шел первым и смотрел вперед тревожно.
Его шаги огромными кусками
глотали, не жуя, дорогу; руки
свисали тяжело из груды складок,
не помня ничего о легкой лире,
что в руку левую врасти успела,
как вьющаяся роза в сук оливы.
И словно бы раздваивались чувства:
взор перед ним бежал, как пес, и мчался
стремглав, и возвращался, чтобы снова
бежать и ждать на ближнем повороте, _
а слух его, как запах, отставал.
Порой ему мерещилось, что слухом
он достигает шага тех двоих,
что вслед за ним восходят по тропе.
И снова это было отголоском
его шагов и шелестом накидки.
Но от твердил себе: они идут;
твердил и слышал, как стихает голос.
И все же шли те двое, только шли
ужасно медленно. Когда бы обернуться
он мог хоть раз (не будь его оглядка
мгновенным разрушением всего
едва свершающегося), узрел бы
он медленно идущих вслед за ним:

вот бог скитальчеств и посланий дальних,
в дорожном колпаке над светлым взглядом,
несет он посох тонкий пред собою,
и крылья бьются о суставы ног;
рукою левой он ведет: е ё.

Ту так—любимую, что лира превзошла
всех плакальщиц на свете; что из плача
родился мир, в котором было все:
леса и долы, тропы, реки, звери;
всходило солнце в этом мире плача,
такое же, как в нашем, и мерцало
там небо плача в звездах искаженных,
немое небо жалобы и плача:
ту так—любимую.

Она, однако, рядом с богом шла,
хоть и мешал идти ей длинный саван,
нетвердо, кротко и без нетерпенья.
Она ушла в себя, как бы на сносях,
не думая о том, кто шел пред нею,
и о пути, ведущем снова в жизнь.
Она ушла в себя. Ее умершесть
избытком переполнила ее.
Как плод, налитый сладостью и мраком,
она была полна огромной смертью,
своею новой непонятной смертью.

В ней девственность вторичная открылась
и неприкосновенность; пол ее
закрылся, как дневной цветок под вечер,
а руки так отвыкли от союза,
что даже легкое касанье бога
ей было оскорбительно, как вольность.

Она была уже не белокурой
женой, звучавшей часто в дивных песнях,
не нежным запахом и островом на ложе
и не владеньем мужа своего.

Она была распущенной косою,
упавшим и потерянным дождем,
растраченным запасом долголетним.

И стала корнем.

И когда ее
движеньем резким бог остановил

и с горечью сказал: он обернулся,
она спросила безучастно: к т о?

А там вдали, где брезжил светлый выход,
стоял, темнея, кто-то, чье лицо
нельзя было узнать. Стоял и видел,
как на полоске луговой тропинки
с печальным взглядом молча повернулся
посланий бог, чтоб следовать за тенью,
которая лугами шла обратно,
хоть и мешал идти ей длинный саван,
нетвердо, кротко и без нетерпенья.

АЛКЕСТИДА

Там среди них вдруг вестник появился
в перекипанье свадебного пира,
как вновь прибывший гость. Никто из пьющих
не ощутил приход неслышный бога,
который нес божественность свою
как мокрый плащ, и, может, лишь кому-то
почудились его шаги. Но вдруг
осекся гость один на полуслове,
хозяина увидев молодого,
уже не возлежащего, как прежде,
но словно вздыбленного над столом
и ставшего как зеркало, в котором
ужасный незнакомец отражался.
И сразу воцарилась тишина,
хотя на дне ее еще мутнели
остатки шума прежнего и хлопья
осевших бормотаний, от которых
разило скверно гнилью после взрывов
недавнего грохочущего смеха.
И тут был ими узнан стройный бог
во всей своей осанке беспощадной
и дышащей посланием, — они
мгновенно это поняли. И все же
услышанное было непонятным
и не вмещалось в рамки разуменья.
Адмет умрет. Когда? В теченье часа.

А тот, разбив оцепененья чашу,
из-под осколков руки протянул,
чтоб торговаться с богом. О годах,
о годе лишь единственном и даже
о месяце одном, неделе, днях,
ах, не о днях, ночах, нет, об одной лишь,

одной лишь ночи, этой лишь: о ней.
Бог не ответил, и тогда он вскрикнул
и закричал, не сдерживая крика,
и так кричал, как мать его при родах.

Тут подошла к нему она, старуха,
и подошел отец, старик-отец,
и, дряхлые, беспомощно стояли
возле кричащего, который их
не видя никогда еще так близко,
вдруг смолк, глотнул дыханье и сказал:
Отец,
к чему тебе, ответь, остаток этот,
осадок этот, что не лезет в горло?
Пойди же, выплесни его. И ты,
ты, старая матрона,
что делаешь ты тут: ведь ты родила.
Он их держал как жертвенных животных
одною хваткой. Но внезапно их
он выпустил и оттолкнул, и, словно
какой-то светлой мыслью осененны,
вздохнул и закричал: Креон, Креон!
И только это; только это имя.
Но взгляд его просвечивал иным,
невыраженным тайным ожиданьемй,
которое он другу протянул,
любимому и юному. Ты видишь
(глаза гласили), старики не выкуп,
они изношены, больны, никчемны,
но ты, но ты, во всей своей красе —

И вдруг расплылся тихо облик друга
отставшего, но шла к нему о н а,
как будто уменьшившаяся в росте
едва-едва, легко и скорбно шла
в том бледном белом платье подвенечном.
Все прочие казались переулком,
которым шла она (и скорбно руки
свои простер он к ней, застыв на миг).
Но не к нему, как ждал он, обратилась
она, а к богу лишь. И бог ей внял,
и все ее услышали лишь в боге:

Никто не может быть ему заменой.
Замена я. Ведь никому конец
не близок так, как мне. Что из того,
чем я была, останется мне здесь?
Одна лишь смерть. О, разве не сказала

она тебе, когда ты шел сюда,
что ложе брачное, которое нас ждет,
принадлежит владыкам подземелья?
Но я беру с собой свое прощанье,
прощанье над прощаньем.
Никто из смертных большего, чем это,
не может брать с собой. Я ухожу,
чтоб все, что похоронено под тем,
кто нынче муж мне, пало, растворилось.
Веди ж меня: я за него умру.

Как ветер, изменивший направленье,
почти как к мертвой бог к ней подошел
и как-то сразу стал далек от мужа,
которому едва заметным знаком
швырнул к ногам он сотню здешних жизней.
А тот, шатаясь, кинулся к обоим
с простертыми руками, как во сне.
Они уже шли к выходу, в котором
теснились, плача, женщины. И все же,
коленопреклоненный, он еще раз
лицо ее увидел на мгновенье,
лицо, преображенное улыбкой,
светлейшей, как надежда и почти
как обещанье: повзрослев немного,
к нему вернуться из глубокой смерти,
к живому —

И тогда закрыл он резко
лицо руками, чтобы ничего
не видеть больше после той улыбки.

МАГИЯ

Такие зыбкие... Но как они окрепли,
все эти формы! Где исток их сил?
Мы думаем, что пламя чахнет в пепле;
в искусстве же огнем чревата пыль.

Вот магия. Обыденное слово
испепеленным выглядит нам в ней...
И все же действенно, как вытянутость зова,
зовущего незримых голубей.

Как всех существ природа предает
лишь риску их невнятных наслаждений,
лишив себя каких-нибудь забот, —
вот так и мы — истоку сотворенья

не милы больше; о н р и с к у е т н а м и.
Лишь то, что мы, того желая сами,
сильнее всех сроднились с этим риском.
и иногда стоим к нему так близко
(без всякой корысти), что где-то позади
немеет даже жизнь от удивленья,
отставшая от нас на вздох один...
Вот это в чистых силах тяготенья
творит нам безопасность; нам спасенье
сулит лишь беззащитность пред лицом
открытости грозящего нам мира,
лишь то, что в неохватной этой шири,
законом сдавленные, мы ее несем.

ДЕРЕВО

Храня в размахе каждом
единственность исхода,
пьет дерево, возжаждав,
бездонность небосвода.

Всей рывчатостью роста
повернутое к чуду,
ты — словно бы апостол,
не знающий, откуда

Господь ему предстанет.
И в таинстве великом
ты выкружилось мигом,
раскинув зрело длани.

(Пер. с французского)

Эрике МИТТЕРЕР

Ты пойми: я весь — не завершенье,
быть путем и целью — не готов.
Разве лишь пригубленным свершеньем
гибельному риску голосов.

Разве ветерком в Твоем цветочке,
разве упадающим дождем
или, вдруг, в несносно вольной точке
вместе: тем, кто ловит, и мячом.

Перевел с немецкого и французского
Карэн СВАСЬЯН

СПАСИБО ВСЕМ, КТО ПОМОГ НАШЕМУ ИЗДАНИЮ!

АВАКЯН Юрий
АРУСТАМОВ Юрий
АРУСТАМЯН Эрнест
КАЛЛАШ Шандор
МАРКИШ Эстер
СПИВАКОВ Владимир
СТРЕЛЯНЫЙ Анатолий
ФИНКЕЛЬ Яков
ШАМИРОВ Манук
ШИФРИН Игорь

а так же:

Камерный оркестр «ВИРТУОЗЫ МОСКВЫ»

Торговый дом «SHIMEX»

СОДЕРЖАНИЕ

Издание подготовлено редакцией
армяно-еврейского вестника «Ной»
Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника Рама Гаспаряна
Оператор верстки Александр Поляков

Набор, верстка, изготовление макета
и готовых полос выполнены
редакционно-издательской фирмой
Издательство «ХРОНИКА»
Москва, Пушкинская 26, оф. 811
тел. 292-04-27

Тип. ЦВС. Зак. 922. Тир. 1000

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК